

РУССКАЯ РЕЧЬ

Научно-популярный журнал

Института русского языка Академии наук СССР

ОСНОВАН В 1967 ГОДУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МОСКВА

№ 6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

1967

В номере

Ю. А. Бельчиков. Язык нерушимого братства	4
В. П. Григорьев, М. И. Исаев. О культуре русской речи у не- русского населения СССР	9
Л. К. Павловская. Сложносокращенные слова	16
К. С. Горбачевич. По площадям и улицам Ленинграда	20

НОВЫЕ КНИГИ

Капитальный труд	22
----------------------------	----

ВЫДАЮЩИЕСЯ СОВЕТСКИЕ ЛИНГВИСТЫ

Л. И. Скворцов, Сергей Иванович Ожегов	23
С. И. Ожегов. Советы, советский	26

ЯЗЫК И СТИЛЬ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ

Н. П. Люлько. Цвет в пейзажах К. Паустовского	33
Н. С. Рубцов. Секрет «заражения чувствами»	37

СОЦИОЛОГИЯ ЯЗЫКА

Р. А. Будагов. О типологии речи	43
---	----

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Е. И. Недугов. Дикторский текст в кино	49
Г. И. Петровичева. Живут ли «мамки» в поселке Мама?	53
Д. И. Арбатский. О колебаниях в употреблении форм дверь — двери, дверца — дверцы	57
Б. С. Шварцкопф. «Сам идет, самое ведет»	60
Эр. Ханпира. Об одной иллюзии	64
З. А. Боброва. Школьные кружки культуры речи	67

ЛИТЕРАТУРНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ

М. П. Сенкевич. Стилистическая правка текста	69
--	----

ОРФОГРАФИЯ

В. Н. Шейн. Вдали или в дали? 76

СОВРЕМЕННОЕ СЦЕНИЧЕСКОЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ

А. А. Реформатский. О речи в устах артиста 78

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

В. В. Виноградов. О словах дружелюбие, дружелюбный 83

Н. С. Арапова. Брожение 88

С. И. Котков. Ржи, овсы, хлеба 89

Л. И. Балахонова. Расческа, гребень, гребенка 92

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А. Б. Долгопольский. В поисках далекого родства 95

КОНСУЛЬТАЦИИ

Краткий словарь произношения и ударения 113

Почта «Русской речи» 115

Указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь»
за 1967 год 133

Старинный русский календарь

НОЯБРЬ

Латинское название римского девятого месяца *november* (от *novem* 'девять') у греков согласно законам их языка стало звучать *ноεβρηος*. Славяне заимствовали это слово из греческого с некоторыми изменениями: между гласными *ο* и *ε* они вставляли согласный звук *ι*, а сочетание звуков *εη* перед согласными *βρ* изменилось в носовой гласный *ε̄*, который затем в русском языке превратился в *а* после мягких согласных (на письме сейчас обозначается буквой *я*). Отсюда современное *ноябрь*. В древнерусской письменности обычно писалось как *ноябрь*, *но-ябрь*, *ноябрь* и т. п. с различной передачей сочетания звуков *ια*. Под влиянием греческого правописания было восстановлено *м* и возникла также известная форма *ноябрь*. В церковном языке которая также форма *ноябрь*, точно передает византийское чтение слова.

В древнейшей летописной «Повести временных лет» сохранилось старое древнерусское название ноября — *грудень*. Контекст, в котором оно употреблено, помогает понять происхождение этого старинного наименования: «Поидоша... на колыть, а по грудну пути, бѣ бо тогда мѣць грудень, рекше ноябрь» (Поехали они... на телеге, но по комковатому пути, ибо тогда был месяц груден, или ноябрь). В. И. Даль отмечал у слова *грудя* областное значение 'мерзлые колеи по дороге, мерзлая, кочковатая грязь погоды, кочки, колоты'. Итак, *ноябрь* был назван *груден* или *грудень* (грудный) по характерным для этого времени смерзшимся комьям земли. В значении ноября слово *грудень* употребляется до сих пор в украинских диалектах, однако литературный украинский язык знает его как наименование декабря. Такое же значение имеет

(см. продолжение на стр. 110)

В такой же степени, в какой уничтожена будет эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожается и эксплуатация одной нации другою.

Вместе с антагонизмом классов внутри нации падут и враждебные отношения наций между собою.

(К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. Манифест Коммунистической партии. — Сочинения. Т. V, стр. 500)

● Ставя лозунг «интернациональной культуры демократизма и всемирного рабочего движения», мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и ее социальные элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации. Ни один демократ и тем более ни один марксист не отрицает равноправия языков или необходимости на родном языке полемизировать с «родной» буржуазией, пропагандировать антиклерикальные или антибуржуазные идеи «родному» крестьянству и меланству...

(В. И. ЛЕНИН. Критические заметки по национальному вопросу.— Полное собрание сочинений. Т. 24, стр. 121)

● Сознательные рабочие стоят за полное единство рабочих всех наций во всех и всяких просветительных, профессиональных, политических и т. д. рабочих организациях. Пусть господа кадеты позорят себя отрицанием или умалением равноправия украинцев. Пусть буржуазия всех наций тешится лживыми фразами о национальной культуре, о национальных задачах и т. д. и т. п.

Рабочие не дадут разделить себя никакими сладкими речами о национальной культуре или «национально-культурной автономии».

Рабочие всех наций отстаивают дружно, вместе, в общих организациях, полную свободу и полное равноправие — залог истинной культуры.

Рабочие создают во всем мире свою, интернациональную культуру, которую давно подготовляли проповедники свободы и враги угнетения. Старому миру, миру национального угнетения, национальной грезни или национального обособления, рабочие противопоставляют новый мир единства трудящихся всех наций, в котором нет места ни для одной привилегии, ни для малейшего угнетения человека человеком.

(В. И. ЛЕНИН. Рабочий класс и национальный вопрос.— Полное собрание сочинений. Т. 23, стр. 150)

«В советском обществе утвердились отношения равенства, дружбы и сотрудничества наций и народностей, созданы прочные основы для дальнейшего их роста и сближения...

У всех советских народов сложилась и развивается национальная по форме и социалистическая по содержанию культура...

Сохраняя и развивая свои лучшие национальные особенности и традиции, преодолевая устаревшие формы, каждая национальная культура творчески использует достижения культуры других наций. Средством межнационального общения, обмена научными, культурными ценностями стал русский язык...

Руководящей и направляющей силой советского общества является Коммунистическая партия Советского Союза» (из Тезисов Центрального Комитета КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции»).

Язык нерушимого братства

Осуществляя ленинскую национальную политику, наша партия с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции делает все для политического, экономического и культурного развития ранее отсталых народов бывшей царской России. За годы Советской власти выращены национальные кадры интеллигенции, в каждой республике — свои поэты, писатели, артисты, музыканты, художники. Во всех сферах общественной, производственной и культурной жизни применяется родной язык каждого народа. Трагическим было положение народа коми в царской России. Он жил в нищете, болезни косили «зырян», примитивной была экономика края. Советская власть возродила народ коми. В Автономной Советской Социалистической Республике Коми около 900 школ, 15 средних специальных учебных заведений, педагогический институт, филиал Академии наук СССР, профессионально-технические училища, широкая сеть культурно-просветительных учреждений. На языке коми издаются произведения советских писателей, классиков русской и мировой литературы.

Л. Н. Толстой, побывав в Мордовии, писал, что ехал словно по пустыне, не встретив ни одного цивилизованного человека. Ныне в Саранске, в Мордовском государственном университете учатся 10 тысяч студентов.

Каждый советский человек понимает, что наши успехи стали возможны благодаря братскому единству народов СССР, сплоченных партией Ленина под знаменем марксизма-ленинизма.

В борьбе за Советскую власть, в ходе строительства коммунизма русский язык стал могучим средством общения. «Октябрьский гром,— писал мордовский поэт Никул Эркай,— поднял мой взор к небу. И я увидел солнце, впервые увидел! Я приобрел два языка — родной мордовский и род-

ной русский». Многонациональное население Советского Союза охотно добровольно осваивает русский язык, активно им пользуется наряду со своим родным языком. Вот одно из многочисленных проявлений этого знаменательного для советской жизни процесса. В Латвии, Литве, Туркмении, Армении, Казахстане и некоторых других республиках функционируют объединенные школы, в которых преподавание ведется на русском и национальном языках.

В 1914 году в статье «Нужен ли обязательный государственный язык?» В. И. Ленин, выступая против сторонников шовинистической программы насильственной русификации национальных окраин, отстаивал большевистскую программу равноправия языков народов России и создания условий для их свободного развития: «Мы лучше вас знаем,— подчеркивал он,— что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч. Мы больше вас хотим, чтобы между угнетенными классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общение и братское единство. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

Мы не хотим только одного: элемента принудительности. Мы не хотим загонять в рай дубиной... А принудительность (палка) приведет только к одному: она затруднит великому и могучему русскому языку доступ в другие национальные группы, а главное — обострит вражду, создаст миллион новых трений, усилит раздражение, взаимонепонимание и т. д. ...

Вот почему русские марксисты говорят, что необходимо: — отсутствие обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках...» (Полное собрание сочинений. Т. 24, стр. 294—295).

При массовом изучении русского языка нерусскими народностями в условиях свободного и равноправного развития социалистических наций и их языков советские люди, воспитанные в глубоком уважении к каждому народу, к каждому языку, преданно любят язык своего народа.

Я петь привык на языке киргизском,
Любимом с детства, с колыбели близком,
Народов братских языки любя,
Родной язык, забуду ли тебя,—

говорит Альскул Османов.

О любви к родной речи проникновенно говорят и грузин И. Абашидзе, и балкарец К. Кулиев, и манси Ю. Шесталов.

Рядом льется наша «мова»
С русской Волгой речевой...
Эта мова — чернобровая,
Та — сияет синевой.
Кто посеял в нас живые
Задушевные слова?
Ты, чудесная Россия,
Ты, прекрасная Москва!

ПАВЛО ТЫЧИНА

Как не помнить мне Ленина речь,
как мне пушкинский стих не беречь!
Я по-русски марксизм изучил,
брат мой русский мне знамя вручил.
С нашим Лениным в сердце живет
весь двухсотмиллионный народ.
Пред лицом всего мира горжусь
языком твоим, славная Русь!

КУБАНЧ АКАЕВ

История Советского государства свидетельствует о том, что ленинские принципы национальной политики нашли полное и блестящее воплощение. Осуществилась мечта В. И. Ленина о том, чтобы «каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку».

И всем доступен, как родник,
Во всей стране один язык.
Он в сердце каждого проник,
Язык большевиков счастливый.

Эти слова принадлежат народному поэту Дагестана Сулейману Стальскому.

Русский язык стал языком межнационального общения народов СССР. В этом признании той прогрессивной роли, которую играет русский народ в сплочении всех народов Советского Союза в единую братскую семью, его выдающихся заслуг в борьбе за революционное преобразование России.

Я по-русски марксизм изучил,
брат мой русский мне знамя вручил,—

пишет Кубаныч Акаев.

Старый латышский рабочий Карл Пуслис рассказывал: «Латышские рабочие всегда любили и сейчас любят русский язык. Много лет назад, задолго до Октября, мы читали ленинскую „Искру“ на русском языке, затем большевистскую „Правду“... На многочисленных революционных демонстрациях латышские рабочие вместе с русскими пели: „Смело, товарищи, в ногу“, „Вихри враждебные веют над нами“, „Вы жертвою пали в борьбе роковой“». Как справедливо отмечает Симон Чиковани, «русский язык сыграл величайшую роль в революционном движении народов, населяющих Россию. Он помогал воспитывать революционное самосознание широких народных масс, помогал делу объединения трудящихся всех наций нашей Родины в борьбе с царизмом».

«Мы — российские люди... Русский язык нужно хорошо знать».
К. НАСЫРОВ

Велика притягательная сила русской культуры, литературы и искусства. Украинец Иван Франко, казах Чокан Валиханов, азербайджанец Мирза Фатали Ахундов, узбек Оваз Отар-оглы, татарин Г. Тукай, грузин Илья Чавчавадзе, молдаван М. Когэлничану (список этих славных имен можно продолжить) — все они видели в русской культуре, в русском языке источник духовного развития своих народов. С радостным волнением воспринимали они передовые идеи и творческий опыт великих русских писателей и общественных деятелей. Абай Кунанбаев, познакомивший казахов с Пушкиным, писал в своих «Назиданиях» («Гаклия»): «Помни, что главное — научиться русской науке»; «Говорю тебе правду: не торопись женить сына, обучай его русской науке, хотя бы пришлось тебе для этого заложить все свое имуще-

ство». Известный грузинский педагог Якоб Гогешвили говорил: «Знание русского языка — великое благо для всех кавказцев, так как оно дает возможность приобщиться к богатой русской литературе и чувствовать себя, как дома, на необъятных просторах своего отечества, занимающего шестую часть всей земли».

«Великий русский язык — старший, любимейший брат соловьиной речи моей бессмертной Украины».

ВЛАДИМИР СОСЮФА

Общественная мысль и литература многих народов испытала благотворное влияние передовой русской культуры. Так, например, «само возникновение и становление осетинской художественной литературы,— пишет Нафи Джусойты,— многим обязано влиянию Пушкина, Лермонтова, Некрасова».

С победой Великой Октябрьской социалистической революции влияние русской культуры на национальные культуры значительно расширилось и приняло разнообразные формы. Как свидетельствует литературный критик Х. Алимджан, «узбекская проза родилась в советскую эпоху. Произведения Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Толстого, Чехова, Горького, А. Толстого, Шолохова, Фадеева были образцами для узбекской прозы, теперь имеющей таких крупных мастеров, как Айбек и Абдулла Кахар». «Влияние великого русского языка на развитие тувинского литературного языка огромно», — с удовлетворением констатирует видный тувинский литератор Леонид Чадамба.

«Мы все русофилы, слышите, повторяю еще раз: мы все русофилы. Мы любим великорусский народ и желаем ему всяческого добра, любим и изучаем его язык и читаем на этом языке... И русских писателей, великих светочей в духовном царстве, мы знаем и любим..., мы чувствуем себя солидарными с самыми лучшими сынами русского народа...»

ИВАН ФРАНКО

На языки народов СССР переводятся классические произведения русской литературы. П. Хузангай перевел «Евгения Онегина» на чувашский язык, а С. Вургун — на азербайджанский, мордовский поэт Н. Эркай перевел на язык эрзя «Моцарта и Сальери». Пушкин стал действительно всенародным поэтом. При Советской власти русский язык стал мощным средством взаимообогащения и сближения национальных культур. Полные мудрости песни казахского акына Джамбула и дагестанского ашуга Сулеймана Стальского, мужественная поэзия литовца Эдуардаса Межелайтиса, глубоко гуманистические повести киргиза Ч. Айтматова, строгая проза таджика С. Айни, афористические стихи аварца Расула Гамзатова, великолепная лирика украин-

ца Максима Рыльского стали доступны всем советским людям благодаря переводам произведений этих писателей и поэтов на русский язык. «Только великий русский язык,— подтверждает киргизский писатель А. Токомбаев,— открывает нашей литературе широкий доступ к читателям всего Советского Союза».

В этом процессе взаимовлияния культур и языков русская культура, русский язык воспринимают духовные ценности братских народов. В литературе, в музыке, в живописи и скульптуре темы, сюжеты из жизни народов СССР, неповторимые национальные мотивы разнообразят, обогащают палитру изобразительных средств русских писателей, композиторов, художников. Русский язык заимствует слова, в которых отражены особенности быта, общественной жизни, культуры народов Советского Союза. Среди них такие ставшие для нас уже привычными слова, как: акын, ашуг, арык, деханин, хлопкороб (создано по образцу украинского «хлебороб», прочно вошедшего в русскую речь) и др.

«Когда я научился читать по-русски и впервые раскрыл томик стихов Пушкина, у меня было такое ощущение, словно я поднялся на вершину высокой горы и увидел оттуда прекрасный мир. Сколько света, воли, захватывающей душу радости! От счастья у меня слезы выступили на глазах. Я ходил очарованный мерными строфами чудесных стихов, они плавно колыхали мою душу, как светлая морская волна колышет легкий челнок. И мир заиграл передо мною множеством красок, которых я не видел ранее. И с каждым разом это очарование усиливалось».

АЛИ ШОГЕНЦУКОВ

Русский язык стал посредником между национальными культурами советских народов и мировой культурой. В этой связи хакасский литератор Николай Доможаков пишет: «Развивать национальную культуру можно только на родном языке. Но строить ее без овладения сокровищами мировой культуры нельзя. А великий русский язык — ключ к этим сокровищам».

Социальная функция русского языка в условиях многонационального Советского государства будет освещена неполно, если не указать на то, что он стал каналом, по которому духовные ценности, создаваемые советскими народами, вливаются в общее русло мировой культуры. Так, например, повесть Ч. Айтматова «Джамиля» была переведена на болгарский и немецкий языки с русского текста.

Многие наши поэты и писатели — представители самых различных национальностей — восторженно отзываются о русском языке, гордятся им, любят его. Эти чувства понятны, потому что с русским языком у народов СССР связано приобщение к идеям марксизма-ленинизма, к вершинам русской и мировой культуры, проникновение в тайны науки.

Кандидат филологических наук
Ю. А. ВЕЛЬЧИКОВ

О культуре русской речи у нерусского населения СССР

Постановка проблемы культуры русской речи у нерусского населения нашей страны определяется той большой ролью, которую играет русский язык в жизни народов СССР. На эту роль русский язык выдвинула сама история.

Язык наиболее многочисленной нации, оказавшейся во главе революционных преобразований в нашем государстве,— русский язык, естественно, стал превращаться в орудие общения и сотрудничества всех народов СССР в условиях строительства и победы социализма, когда международные связи тысячекратно усилились, когда расцвели братская дружба, доверие и взаимопомощь между народами СССР.

В дружной семье советских народов русский язык стал средством об-

языкам, но и принимает на себя обслуживание некоторых сфер деятельности народов, языки которых лишь недавно получили письменность, не раскрыли пока всех своих возможностей, не могут еще полностью удовлетворять требованиям сложной современной жизни, особенно в сфере науки и техники. Ныне самые широкие массы нерусского населения хотят не просто знать русский язык, но как можно полнее овладеть его богатствами.

При решении вопросов культуры русской речи у нерусских народов филологи сталкиваются с трудностями, в принципе сходными с теми, которые приходится преодолевать при разработке вопросов культуры речи у самих русских. Так, из-

«...Я скажу от имени всех казахских советских писателей — наследников Абая — великое спасибо той мудрой русской книге, которая научила Абая первой букве русского алфавита, великое спасибо тому русскому учителю, который научил Абая первому русскому слову!».

МУХТАР АУЭЗОВ

мена опытом коммунистического строительства, средством приобщения каждой нации к достижениям других. Русский язык не только делится своими богатствами с другими

вестной параллелью к противопоставлению правильной литературной русской речи и речи диалектной, нелитературного просторечия и т. п. может служить влияние осо-

беспностей родного языка в процессе овладения русским языком.

Родной язык есть средство познания других языков. Однако навыки родной речи в то же время могут быть помехой для более глубокого овладения вторым языком. По справедливому замечанию Л. В. Щербы,

«Вникая в красоту современного русского языка, мы вправе гордиться его богатствами, гибкостью и полнотой. Каждое выражение отличается живостью и свежестью, которых вы не найдете в других языках, в каждом слове видна правильность и глубина логического смысла; кроме этого, какое богатство звуков проявляется в самом сочетании этих слов, разнообразном и правильном!».

Л. ГЛИБОВ

«единственный путь, который в какой-то мере может гарантировать обучающимся активному овладению тем или иным иностранным языком от опасностей смешанного двуязычия, — это путь сознательного оттачивания от родного языка» (Л. В. Щерба. Преподавание иностранных языков в средней школе. М., 1947, стр. 57).

Понятно, что определенное значение имеет и близость родного языка к русскому. Скажем, у белорусов или украинцев могут встретиться в русской речи одни трудности, у эстонцев, армян и казахов — совсем другие.

●

В русской речи нерусских прежде всего обращает на себя внимание так называемый «акцент», т. е. известные искажения произносительных норм русского литературного языка под влиянием навыков родной речи.

Нередко (если, например, обучение второму языку началось в зрелом возрасте) артикуляционные ор-

ганы человека не могут полностью приспособиться к новой системе речевых движений. Сохранение некоторого «акцента» в произношении оказывается, таким образом, в какой-то мере неизбежным, даже если человек в совершенстве овладел всеми прочими нормами и выра-

зительными богатствами второго языка.

Тем не менее общая задача «порусски произносить так, как произносят сами русские, говорящие на русском литературном языке» (А. А. Реформатский. Фонетический минимум при овладении русским произношением нерусскими. — «Русский язык в национальной школе», 1961, № 4, стр. 7), остается необходимым, хотя и идеальным, предельным требованием. Разумеется, существуют определенные границы допустимого «искажения», переходя которые, мы оказываемся лицом к лицу с проблемой знания элементарных норм языка, а не его культуры в собственном смысле слова.

Для знания русского языка с точки зрения фонетики, говоря словами А. А. Реформатского, необходимо усвоить «весь ассортимент фонем в произношении», а также правила ударения и зависящие от него фонетические явления, ритмику и мелодику речи. Конкретные формы проявления «акцента» зависят в первую очередь от степени расхожде-

ния орфоэпии родного и русского языков.

Можно наблюдать и обратное явление, когда у человека нет почти никакого «акцента», но во всем остальном он остается во власти особенностей родного языка. Это может быть связано с тем, что произносительные нормы неродного языка были усвоены до продолжительного перерыва в его изучении.

Особенно трудно дается в позднем возрасте интонация второго языка, так как она усваивается прежде всего благодаря устной практике, ограниченность которой не возмещают никакие письменные упражнения.

Семантика слов и выражений, сочетаемость тех или иных слов в зависимости от их значений представляют собой настолько специфическую систему, что ее полное усвоение на базе другого языкового мышления вызывает исключительные трудности. Даже для человека, прекрасно владеющего русским как вторым языком с детства и продол-

мне осетинском языке. Например, мне случается иногда употреблять глагол *положить* там, где следует сказать *поставить*: *положить стакан* вместо *поставить стакан*. Почему? Несомненно, потому, что в осетинском *положить* и *поставить* выражается одним и тем же глаголом *сæсгæгъу*. С другой стороны, я до сих пор чувствую какое-то неудобство от того, что в русском языке *легкий* в смысле 'нетяжелый' (по весу) и *легкий* в смысле 'нетрудный' выражаются одним словом, а не двумя разными, как в осетинском. В этих и других неискоренимых семантических представлениях больше, чем в чем-либо другом, сказывается до сих пор то, что моя русская речь формировалась на осетинском „субстрате“ («Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР». Вып. IX. М., 1956, стр. 66).

В собственно лексической сфере проблема культуры русской речи у нерусского населения в основном сводится к борьбе с ненуж-

«Старший брат!.. Горячей любовью к младшим бьется твое великое сердце. Твой язык — язык борцов и мудрецов — стал первым языком народов. На русском языке говорит совесть мира...»

МУСАЙ КАРИМ

жительное время живущего в русском окружении, семантические представления родного языка оказываются трудно преодолимой привычкой. Вот что говорит по этому поводу В. И. Абаев: «Я владею русской речью с детства, а последние 30 лет почти постоянно живу в русском окружении. И однако же я до сих пор нередко ловлю себя на том, что продолжаю мыслить на родном

ными «местными» словами и выражениями, засоряющими русскую речь. Особенно актуальна эта задача в культуре письменной, переводческой речи (в переводах с национального языка на русский).

Естественно, что в русской речи в национальных республиках бытует множество нерусских слов, обозначающих специфические, местные реалии. Некоторые такие слова уже

попали или могут попасть как заимствования в русский язык. Во всяком случае их употребление не только допускается, но и требуется при некоторых обстоятельствах (например, *плов, шашлык, юрта, башлык, турбан, паранджа* и др.). Но что дает употребление в русской речи таких слов, как, скажем, *адам* или *киши* и др. вместо *человек* и *птица*? Ведь о специфике этих понятий в Средней Азии говорить не приходится. Бездумное употребление иноязычных слов в русской речи не могут оправдать никакие ссылки на «местный колорит».

Непонятные, с точки зрения русского литературного языка, слова обычно специально разъясняются в сносках или в особых словариках. Весьма интересно для нашей темы рассмотреть некоторые разъяснения такого рода.

Мы наудачу взяли два тома литературно-художественного альманаха «Северная Осетия», в котором обычно большую часть произведений представляют переводы с осетинского: в № 1—2 в сносках объясняются следующие непереведенные осетинские слова: *ир* 'осетины', *ирон* 'осетин', *Гизельдон* 'название реки', *алдары* 'князья, помещики', *алам* 'дерево или деревянная конструкция, ярко разубранная всевозможными плодами, служащая часто призом для лучшего всадника на скачках', *Давид-Сослан* 'осетинский царевич, муж знаменитой царицы Тамары', *фандыр* 'смычковый трехструнный народный музыкальный инструмент', *арчига* 'род обуви — чувяки из сыромятной кожи', *Иристон* 'Осетия', *нихас* 'место, где осетины проводили досуг, решали общественные вопросы', *саулох* 'конь-скакун', *авзар* 'плохой', *симд* 'старинный круговой танец осетин', *на*

на 'мать', *хист* 'поминки', *Асати* 'в осетинской мифологии властелин царства мертвых, загробного мира', *хадзар* 'часть жилища, дом', *Силланук* 'название местности', *уаиз* 'великан'.

Разумеется, большинство объяснений здесь необходимо, так как чаще всего речь идет об этнографических и мифологических понятиях, топонимике. Но столь же ясно, что вполне можно было перевести на русский язык, например, слова со значениями 'осетин', 'Осетия', 'конь-скакун', 'мать', 'плохой'.

Художественное произведение порой начинает напоминать этнографический труд, который нельзя прочитать без справочника и словаря. Вот отрывок из романа известного таджикского писателя Айни «Дохунда», перевод которого профессор А. В. Миртов справедливо назвал «явной порчей русского языка»: «Силой подняли его и послали на хирман... В действительности я сам дежканством не занимался, есть у меня несколько танапов солончака и болота. Их обрабатывают сироты и чайрикеры... Я сейчас покажу вам васиха. Хозяин пошел в дарун, ключом открыл сундук, из сундука вытащил сверток с васихами, на обороте каждой васихи были знаки. Он отдал васиху Азим-Шаху, прочитал благодарственную фатыха и собрался уходить. Минрамо перевернула челнок, свернула остаток карбоса и оклякнула сноху.

— Тути — ой.

Споха сидела на супа...

— Надо бы поскорей найти какого-нибудь ишана, чтобы прочитал молитву да тумор принес...

Настало время Намази-дигор. Один из мюридов ишана прокричал азан...

В первую пятницу после похорон снова были четыре фатыха. После

двух недель — бист, после пяти недель — чилия. Во время биста и чилия в котлах имама, муэдзина и старейшины кишлака варилось угощение, сопровождаемое чтением корана... Она же могла, как в прежние годы, готовить карбос и алачу... Вся гуза,

Говоря о местных словах, встречающихся в русской речи нерусских народов, мы не можем пройти мимо еще одного вопроса. Как известно, в некоторых языках образовался общий лексический фонд, который, скажем, у многих восточных народов

«Я изучу, обязательно изучу русский язык... Не знать русского языка — это все равно, что потерять ключ от самой богатой духовной сокровищницы».

САБИР

лен и кушут были растрчены на хирадж падишаху и на годичные поминки» (см.: А. В. Миртов. Лексические заимствования в русском языке в Средней Азии. Ташкент — Самарканд, 1941, стр. 9).

Небрежное отношение к родной и русской речи иногда порождает своеобразные «шиджины», стихийную языковую смесь. Вот еще несколько наблюдений А. В. Миртова (они относятся к речи молодежи в Средней Азии):

— Ну, давай погапуем... Об этом надо еще *погаповать* (*гап* 'разговор').

— *Барамысьнем* на улицу (*барамиз* 'пойдем').

— Ничего ты не *бильмесишь* (*бильмайсан* 'не знаешь').

— Ну, *затигирманил*, замолот чепуху (*тегирман* 'мельница').

— Ах, какая же я *азмачка* (*азмак* 'глупец').

— Он настоящий *карапчук* (*карачки* 'вор').

Подобный «винегрет» ничего общего не имеет с процессами целенаправленного взаимодействия и сознательного взаимообогащения языков. Это результат бездумного отношения как к родному, так и к русскому языку.

связан с мусульманством, средневековой культурой и др. Общие корни в различных национальных языках оформляются подчас по-разному. Некоторые из слов этого фонда вошли в русский язык, например, *гурия*, *басмач*, *курбаши*. Известны в русской речи и менее распространенные слова: *аш* 'еда', *палван* 'силач' и т. д. Последние по-узбекски, например, произносятся [аш, палван], а по-таджикски [ош, полван]. Как же должен поступать переводчик в таких случаях? В переводах с узбекского писать *аш*, а в переводах с таджикского — *ош*? Очевидно, когда такие слова переходят на русскую языковую почву, они должны в принципе подчиняться единой норме, писаться и произноситься одинаково.

Этот же вопрос встает в связи с названиями и собственными именами, которые в разных языках не всегда звучат одинаково: *Ташкент*, *Ташкен*, *Ташкан*; *Таджикистан*, *Тоджикистон*; *Магомед*, *Мухаммед*; *Камал*, *Камол* и др.

Разумеется, фамильная речь двуязычного населения не должна оцениваться той же меркой, что и строгий стиль литературного языка. В ней естественны стихийные переходы от одной языковой системы к

другой. Но литературная речь обоих языков в условиях двуязычия требует сознательного отбора используемой лексики. Это же относится и к так называемой макаронической речи, т. е. к элементам двуязычия в их художественной функции.

Культура русской речи у нерусских в ее морфологическом аспекте зависит от фактических путей распространения русского языка. Основным конкурентом русских литературных норм здесь могут выступать наряду с морфологией родного языка русское нелитературное просторечие и диалектная речь в устах русских, живущих в иноязычной среде.

В общей форме можно сказать, что культура русской речи у нерусских тесно связана с овладением литературной нормой самими русскими, в общении с которыми русский язык усваивается представителями других национальностей.

Существенную трудность в овладении русским языком представляет тот набор языковых вариантов и синонимических средств выражения,

матических и лексических средств. Стили языка и стили речи в их сложном взаимодействии, как правило, оказываются доступными лишь на позднейших этапах овладения русским языком, в результате довольно длительного, интенсивного его использования в различных сферах общественной жизни.

Высшей формой культуры русской речи у нерусских можно считать овладение поэтической функцией русского языка и возникновение в пределах той или иной национальной литературы художественных произведений, написанных на русском языке. Такие примеры легко найти как в прошлом, так и в наше время; достаточно назвать имена Тараса Шевченко, Коста Хетагурова, Эффеңди Капиева, Олжаса Сулейменова. Известный татарский писатель Адель Кутуй писал только на татарском, владея хорошо и русским языком, его сын Рустем Кутуй, владея татарским, пишет по-русски.

В прошлом писатели творили на русском языке зачастую по той причине, что у большинства малых народов либо не было национальной письменности, либо она находилась

«Основные местные языки, на которых существует письменность и имеются школы, это аварский, даргинский, лакский, кумыкский, лезгинский, табасаранский. Общим языком является русский. Без русского языка один аул не понимал бы соседнего, один район — другого».

ГЕОРГИЙ ГУЛИА

который распределяется по стилям и жанрам речи. Распространенным уровнем и в известной степени неизбежным этапом осознания норм и богатств русского литературного языка оказывается усвоение стилистически нейтральных, базисных грам-

в зачаточном состоянии и не имела практического значения. В этом отношении положение современных национальных писателей, пишущих по-русски, принципиально другое. Теперь трудящиеся массы многих народов свободно владеют как род-

ным, так и русским языком. «Поэтому, — пишет известный кабардинский писатель Алим Кешоков, — в национальных республиках, областях и округах литераторов, пишущих на русском языке, становится все больше и больше. При этом нельзя не заметить, что чем меньше населения, говорящего на языке писателя, тем острее ощущается потребность пользоваться языком межнационального общения, доступного широкому кругу читателей» («Литература и жизнь», 31 января 1962).

Вызывает возражения распространяемая точка зрения, согласно которой безоговорочно оправдываются национальные варианты русского литературного языка. Нормы правильной русской речи, распространяемые печатью, радио и другими средствами массовой коммуникации, должны быть едиными для всех, кто пользуется русским языком.

●
При решении вопросов культуры русской речи у нерусского населения нашей страны невозможно руководствоваться какими-либо готовыми рецептами. Различные языки народов Советского Союза выполняют неодинаковый объем функций; наряду с родным многочисленными народы нашей страны широко употребляют в повседневной жизни русский язык. В таких случаях не следует противопоставлять один язык другому.

Вполне понятно, что объем общественных функций русского языка у народов со старописьменными литературными языками (скажем, у многих народов, составляющих основное население наших союзных республик) будет меньше, чем у младописьменных народов. Во взаимодействии с русским старописьменные, младописьменные и бесписьменные языки имеют много общего. Однако при решении вопросов культуры русской речи у тех или других народов следует учитывать особенности взаимодействия каждого данного языка с русским. Более того, даже внутри одной нации могут быть в этом отношении различные ситуации. Например, в Северной Осетии (входящей в Российскую Федерацию) русский язык распространен более широко, чем в южной Осетии, входящей в Грузинскую союзную республику. Зато здесь наряду с русским осетины в той или иной мере знают и грузинский язык.

Только полный учет всех специфических трудностей, встающих на пути к полному овладению культурой русской речи нерусским населением нашей страны, даст возможность языковедам разработать эту проблему с достаточной полнотой, дать необходимые практические рекомендации.

Кандидат филологических наук
В. П. ГРИГОРЬЕВ,
кандидат филологических наук
М. И. ИСАЕВ

Сложно- сокращенные слова

Стоит открыть любое периодическое издание 20—30-х годов и эти не всегда понятные для современного читателя слова сразу бросаются в глаза:

«Книга рассчитана на совпартшкольца и рабфаковца» («Большевик», 1927, № 7—8, стр. 136); «Эти чисто экономические мотивы и являются причиной той бешеной штыковой атаки, какой встретили *изначи* денежную реформу» («Большевик», 1924, № 1, стр. 45); «Все девушки в *Совдени* мобилизованы для помощи Красной Армии» («Рабочий край», 1920, № 23, стр. 3); «Нужно неуклонно бороться с теми работниками, которые *окомпродились* и оторвались от масс» («Большевик», 1924, № 1, стр. 32); «XIII партийный съезд не отбрасывает *собесовских* функций *кресткомов*» («Большевик», 1924, № 12—13, стр. 80).

В первое революционное десятилетие появилось особенно много сложносокращенных слов в общественно-политической лексике русского языка, так как именно в общественно-политической жизни Советской республики происходили огромные изменения, возникали различного рода учреждения, комитеты, общества, комиссии и т. д., отличающиеся новизной и формы и содержания.

В каких же областях общественно-политической жизни сложносокращенные слова получили наибольшее распространение?

1) В области партийного строительства, партийной и политической жизни страны: партсъезд, партдискуссия, политком, политбюро и т. д.;

2) в области строительства Советского государства, советской промышленности, сельского хозяйства, в области строительства вооруженных сил: СССР, СНК, ВЦИК, НЭП, наркомпрос, комбед, крестком, реввоенсовет, военпродбюро и т. д.;

3) в области профсоюзного и комсомольского движения: ВЦСПС, ВЛКСМ, райкомол, местком, фабком и т. д.;

4) в области культурной революции: культшефство, рабфак, вуз, трудшкола, селькор и т. д.

Чаще всего в качестве усеченных компонентов в сложносокращенных образованиях выступали слова, семантическая значимость которых была очень устойчива и актуальна и которые почти не требовали расшифровки. Это прилагательные: партийный, советский, профсоюзный, коммунистический, народный, губернский, главный и т. д.; существительные: комитет, комиссар, комиссия, совет, хозяйство и т. д.

Печатаая небольшой словарь, подготовленный для журнала Л. К. Павловской, мы хотели, чтобы читатель почувствовал ритм эпохи, чтобы он вдумался в смысл этих слов, проникся настроением трудных и тревожных, но осененных верой в победу первых послереволюционных лет.

Материалы для нашей подборки взяты из периодических изданий того времени (1917—1927) — журналов: «Большевик», «Профессиональный вестник», «Молодая гвардия»; газет: «Правда», «Известия», «Рабочий край», «Беднота».

- Агитпроп** — отдел агитации и пропаганды, агитация и пропаганда. «Большевик», 1924, № 5
- Военком** — военный комиссар. «Беднота», 1919, № 421
- военкор** — военный корреспондент. «Большевик», 1927, № 1
- военпродбюро** — военное продовольственное бюро (организовано в сентябре 1918 года). «Большевик», 1924, № 1
- или **ВПБ** «Большевик», 1924, № 2
- волорганизатор** — волостной организатор. «Большевик», 1927, № 23
- волревк** — волостной революционный комитет. «Беднота», 1920, № 819
- Всерабис** — Всероссийский профсоюз работников искусств. «Профсоюзный вестник», 1920, № 3
- Всерабпрос** — Всероссийский профсоюз работников просвещения. «Профессиональный вестник», 1920, № 3
- всечрезвычайком** (1918—1922), **ВЧК**, **ЧК**, **ЧЕКА** или **чрезвычайка**. «Беднота», 1920, № 533; «Беднота», 1920, № 534; «Беднота», 1919, № 423
- ВСНХ** или **высовнархоз** — высший совет народного хозяйства (1917—1932). «Беднота», 1920, № 818; «Правда», 1920, № 65
- ВУЗ** — высшее учебное заведение. «Большевик», 1929, № 3
- ВЦИК** — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (1917—1936). «Молодая гвардия», 1922, № 1—2
- Губкомваленки** — комиссия по регулированию производства и распределения валенок. «Рабочий край», 1920, № 42
- ГУС** — Государственный ученый совет (1919—1933). «Большевик», 1924, № 12—13
- ГПУ** — Государственное политическое управление (1922). «Большевик», 1924, № 14
- ГОЭЛРО** — Государственная комиссия по электрификации России (1920). «Молодая гвардия», 1922, № 1—2
- госторговля** — государственная торговля. «Большевик», 1924, № 2
- госминимум** — государственный минимум. «Большевик», 1927, № 19—20: «Заработная плата батрачества не ниже госминимума»
- Госконтроль** — Государственный контроль. «Беднота», 1919, № 4; «Большевик», 1919, № 2
- или **Госкон** (организован 27 января 1918 года)
- Главполитпросвет** — Главный политико-просветительный комитет Наркомпроса РСФСР (1920—1930) «Молодая гвардия», 1922, № 3
- Главкустпром** — Главное управление кустарной промышленности (возникло в феврале 1920 года). «Известия», 1920, № 240
- Главкомтруд** или **ГКТ** — Главный комитет по трудовой повинности. (возник в 1920 году). «Беднота», 1920, № 570; «Известия», 1920, № 244
- главк** — главный комитет. «Беднота», 1920, № 748
- главкомгосоор** — главная комиссия государственных сооружений. «Известия», 1920, № 269
- ИККИ** — Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала (1919—1943). «Большевик», 1924, № 1
- исполком** — исполнительный комитет. «Известия», 1920, № 234
- Коминтерн** — Коммунистический Интернационал (1919—1943). «Известия», 1920, № 234
- КУТВ** — Коммунистический университет трудящихся Востока (1921—1932). «Большевик», 1927, № 7—8
- культлодка** — одна из форм культурпросветработы. «Большевик», 1927, № 2

- крестком** — крестьянский комитет. «Большевик», 1924, № 7—8
- краском** — красный командир. «Большевик», 1924, № 15—16
- Компрод** — Комиссариат продовольствия. «Беднота», 1919, № 507
- Комкрасхоз** — Комиссия красноармейских хозяйств. «Беднота», 1920, № 693
- комбед** — комитет бедноты. «Беднота», 1918, № 140
- РКСМ, КСМ, СКМ** или **комсомол** — Российский Коммунистический Союз Молодежи. «Рабочий край», 1920, № 69; «Беднота», 1919, № 3986; «Молодая гвардия», 1925, № 2
- МОПР** — Международная организация помощи борцам революции. «Большевик», 1927, № 4
- Мосстолгубкомдезертир** — «Московская столичная губернская комиссия по борьбе с дезертирством уведомляет все учреждения, что комиссия... будет впредь именоваться Мосстолгубкомдезертир». «Беднота», 1920, № 628
- Нарком** — народный комиссар. «Молодая гвардия», 1922, № 4—5
- Наркомзем** — Народный комиссариат земледелия. «Большевик», 1924, № 1
- Наркомпочтель** или **наркомпочтель; почтельработники** (работники почт и телеграфа) — Народный комиссариат почт и телеграфа. «Рабочий край», 1920, № 46; «Беднота», 1920, № 703
- Наркомпрос** — Народный комиссариат просвещения: «Отдел единой трудовой школы Наркомпроса постановил обязать все школы собирать шишки» (для отопления школ.— *Л. П.*). «Беднота», 1920, № 571
- Наркомфин** — Народный комиссариат финансов. «Известия», 1920, № 245
- Наркомрабкрин** — Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции. «Известия», 1920, № 245
- Наркомюст** — Народный комиссариат юстиции. «Молодая гвардия», 1922, № 3
- начмобперштабокр** — начальник мобилизационно-оперативного отряда штаба округа. «Рабочий край», 1920, № 66
- НЭП** — новая экономическая политика (1921—1936). «Большевик», 1924, № 2
- Оском** — Особое строительно-санитарное управление. «Беднота», 1920, № 665
- Оскометжел** — Особая комиссия по отсрочкам по мобилизации железнодорожников. «Профессиональный вестник», 1920, № 3
- Поарм** — Политический отдел армии. «Беднота», 1920, № 804
- Погуб** — Политический отдел губернии. «Беднота», 1920, № 804
- Пофронт** — Политический отдел фронта. «Беднота», 1920, № 804
- ПУОКР** — Политическое управление военного округа. «Беднота», 1920, № 804
- помгол** — комитет помощи голодающим (1921—1922). «Молодая гвардия», 1922, № 4—5
- ПУР** — Политическое управление Реввоенсовета. «Известия», 1920, № 245
- профашпарат**. «Большевик», 1919, № 2
- профкружок**. «Большевик», 1927, № 7
- профцехбюро**. «Большевик», 1927, № 7—8
- нартактив**. «Молодая гвардия», 1925, № 5
- партдень** — день, когда проводились партийные и профсоюзные собрания и мероприятия. «Большевик», 1927, № 18
- партдискуссия**. «Молодая гвардия», 1925, № 1

- партком.** «Молодая гвардия», 1922, № 1—2
- партмассы.** «Большевик», 1927, № 23—24
- парторг.** «Большевик», 1927, № 23—24
- партпросвещение.** «Большевик», 1927, № 23—24
- партядро.** «Большевик», 1927, № 23—24
- Рабкор** — рабочий корреспондент. «Большевик», 1924, № 2
- райкомол** — районный комитет молодежи. «Беднота», 1920, № 700
- райкомпарт** — районный комитет партии. «Известия», 1920, № 220
- РКИ или Рабкрин** — Рабоче-крестьянская инспекция. «Беднота», 1920, № 782
- Соваппарат.** «Большевик», 1924, № 7—8
- соввласть или совласть.** «Большевик», 1924, № 7—8
- Совдеп** — Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. «Правда», 1920, № 128
- Совдения.** «Рабочий край», 1920, № 23
- Губсовдеп.** «Беднота», 1920, № 544
- Совнарком или СНК** — Совет народных комиссаров (1917—1946). «Профессиональный вестник», 1920, № 1
- совнархоз или СНХ** — Совет народного хозяйства. «Большевик», 1924, № 2
- совпартшкола.** «Молодая гвардия», 1922, № 3
- совработники.** «Профессиональный вестник», 1920, № 3
- Совроссия.** «Большевик», 1924, № 7—8
- Совтрударм** — Совет трудовой армии. «Правда», 1920, № 10
- совтрудоборона или СТО** (1920—1937). «Большевик», 1924, № 3
- совхоз.** «Беднота», 1920, № 648
- совячейка.** «Большевик», 1927, № 23—24
- Уисполком** — уездный исполнительный комитет. «Беднота», 1919, № 418
- уземотдел** — уездный земельный отдел. «Беднота», 1920, № 700
- уквартхоз** — уездное квартальное хозяйство. «Правда», 1920, № 81
- уполсовтрудоборона** — уполномоченный Совета труда и обороны. «Известия», 1920, № 246
- упродком** — уездный продовольственный комитет. «Беднота», 1920, № 760
- Фабзавуч** — школа фабрично-заводского ученичества. «Большевик», 1924, № 12—13
- ШКМ** — школа крестьянской молодежи. «Молодая гвардия», 1925, № 8
- ЭКОСО** — экономическое совещание при СНК республик и исполкомах (1920—1930). «Большевик», 1927, № 17
- Юселькор** — юный сельский корреспондент. «Молодая гвардия», 1925, № 5

В следующем номере читайте статьи:

Б. А. Ларина о языке Некрасова,

К. И. Чуковского о поэзии Брюсова

По площадям и улицам Ленинграда

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

Невский проспект!.. Кто не знает этой центральной магистрали Ленинграда — города нашей революционной и боевой славы, одного из крупнейших индустриальных и культурных центров страны!

Н. В. Гоголь писал в повести «Невский проспект»: «Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге; для него он составляет все. Чем не блещит эта улица — красавица нашей столицы!

Я знаю, что ни один из бледных и чиновных ее жителей не променяет на все блага Невского проспекта».

А вот как оценивал Невский проспект В. И. Даль в рассказе «Жизнь человека или прогулка по Невскому проспекту»: «Невский проспект, от Дворцовой площади и до Невского монастыря,— это не только целый город, целая столица, это целый мир; мир вещественный и мир духовный...».

Как же возникло это название? Некоторые полагают, что оно про-

изошло от наименования реки, на которой расположен город. Однако это не совсем так. Название связано с Невой, но косвенно. (Кстати, Невский проспект прямо к Неве нигде не выходит.)

Своим названием красавец-проспект обязан Александро-Невскому монастырю, который был заложен в 1710 году в память знаменитого полководца, новгородского князя Александра Ярославича, именуемого Невским за победу над шведами у берегов Невы в 1240 году.

Еще в первые годы строительства Петербурга была проложена просека, которая соединила Адмиралтейство и старую Новгородскую дорогу, проходившую вдоль теперешнего Лиговского проспекта. Когда просека была вымощена, ее стали называть Большой перспективной (или перспективной) дорогой. Позднее ее продлили до Александро-Невского, или, как тогда говорили, Невского монастыря. Так образовалась трасса длиной более четырех километров.

В 1738 году «Комиссия о Санкт-Петербургском строении» (она руководила планировкой и застройкой столицы) приняла решение: «...Именованную Большую перспективную, что следует от Адмиралтейства к Невскому монастырю,— Невскою проспективою». Через год решение комиссии было узаконено сенатским указом.

После Октябрьской революции Невский проспект называли одно время «Проспектом 25 Октября». В январе 1944 года исполком Ленгорсовета восстановил историческое, вошедшее в обиход жителей и классическую литературу наименование — Невский проспект.

ПЛОЩАДЬ ВОССТАНИЯ. ПЛОЩАДЬ РЕВОЛЮЦИИ

Революционная эпоха вызвала к жизни новые слова, новые названия, насыщенные революционным и гражданским пафосом.

В Ленинграде десятки названий напоминают о героической борьбе петерского пролетариата, о подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания, об установлении Советской власти. Среди них — площадь Восстания, площадь Революции, проспект Обуховской обороны, Съездовская линия, Красная улица, набережная Красного флота, площадь Пролетарской диктатуры и многие другие.

Вот история двух таких названий — площади Восстания и площади Революции.

Площадь Восстания находится у Московского вокзала. Раньше она называлась Знаменской по имени придела Знамения — небольшой церкви, которая стояла на месте нынешнего наземного вестибюля станции метро «Площадь Восстания».

В дни Февральской революции Знаменская площадь была местом митингов и манифестаций трудящихся. 25 февраля 1917 года колонны рабочих двинулись к центру города. Они несли красные знамена и лозунги «Долой царя!», «Долой войну!». На Знаменской площади конные городские пытались остановить шествие, но демонстранты разогнали их. На другой день отряд полиции расстрелял проходившую по площади демонстрацию. На мостовой осталось сорок убитых. 27 февраля стачки и демонстрации переросли в восстание.

Память о происходивших здесь выступлениях восставшего народа против царизма живет в новом названии площади. С 1918 года она именуется площадью Восстания.

Красивая, озелененная, площадь Революции протянулась от Кировского моста до парка имени Ленина. Она также была свидетельницей массовых митингов и демонстраций питерского пролетариата. В марте — июне 1917 года в бывшем особняке Кшесинской, выходящем на эту площадь, помещались Центральный и Петроградский комитеты РСДРП(б). 3 апреля 1917 года с балкона этого особняка выступил с речью возвратившийся из эмиграции вождем революции В. И. Ленин.

В прошлом площадь называлась Троицкой (по Троицкой церкви). Она была первой площадью в Петербурге. В начале XVIII века на ней находились Троицкая церковь, Гостиный двор, таможня, сенат, типография, «австерия» и другие здания. К пристани сюда причаливали иноземные торговые корабли. Впоследствии Троицкая площадь представляла собой пустовавшую территорию и лишь в советское время стала одним из красивейших мест Ленинграда.

В первые годы после Октябрьской революции Троицкая площадь именовалась площадью Коммунаров, а с 1923 года она носит современное название — площадь Революции.

Кандидат филологических наук
К. С. ГОРБАЧЕВИЧ

Н О В Ы Е К Н И Г И

Капитальный труд

В 1958 году в Москве были переизданы в одной книге первый и второй тома капитального труда выдающегося отечественного языковеда Александра Афанасьевича Потебни «Из записок по русской грамматике».

Сейчас по просьбе ряда университетов и педагогических институтов, преподавателей высшей и средней школы издательство «Просвещение» переиздало третий том этого исследования, который уже давно стал библиографической редкостью (впервые издан в Харькове в 1899 году).

В начале третьего тома помещена статья редактора «Труды А. А. Потебни по сравнительно-историческому синтаксису восточнославянских языков», поскольку эта проблематика занимает основное место в томе.

Кроме предметного указателя, в книге дан указатель имен, «Примечания и комментарии», «Список использованной литературы».

Четырехтомное исследование А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике» (издательство «Просвещение» приступило к переизданию и четвертого тома) заслуживает самого глубокого изучения. Оно совершенно необходимо специалистам в области славянских языков. Много полезного найдет в нем литературовед и писатель. Особый интерес для прозаика, поэта представляет глава (в вышедшем третьем томе) «Тождество, сочетание синонимов», в которой широко использованы произведения устного народного творчества.

ВЫДАЮЩИЕСЯ СОВЕТСКИЕ ЛИНГВИСТЫ

Сергей Иванович ОЖЕГОВ (1900—1964)

В истории русской филологической науки есть имена, известные далеко за пределами узкого круга специалистов, ставшие достоянием национальной культуры. В числе этих славных имен — имя ученого-языковеда, выдающегося советского лексикографа профессора Сергея Ивановича Ожегова.

С. И. Ожегов известен в нашей стране и за рубежом как автор популярного однотомного словаря современного русского языка. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова — вечный и добрый памятник его создателю. Это книга, к которой постоянно обращаются и будут обращаться лингвисты и учителя, актеры и писатели, все образованные люди, — все, кому дорог и кому нужен русский язык. Однако далеко не все читатели, даже из тех, для кого Словарь Ожегова стал настольной книгой, знают, что этот труд был итогом большой исследовательской деятельности его авто-

ра, человека широких научных интересов.

Творческое наследие С. И. Ожегова сравнительно невелико. Вместе с тем оно удивительно целенаправленно. История литературного языка, лексикология и лексикография, теоретические и практические проблемы культуры русской речи — вот те области научных знаний, которые нашли в лице Сергея Ивановича не только исследователя и первооткрывателя, но и человека, осмыслившего их взаимосвязь в культурной жизни народа.

Живой язык, живая русская речь — постоянный предмет и результат научной деятельности С. И. Ожегова — будь это историческая грамматика и орфоэпия или современная лексикология и фразеология. Не случайно поэтому и выбор исследуемых им старых авторов: П. А. Плавильщиков, А. Н. Островский, И. А. Крылов и другие.

Большим знатоком живой совре-

менной речи С. И. Ожегов неизменно проявлял себя в статьях и заметках о языке наших дней, в лекциях для студентов и преподавателей, в проблемных докладах на научных конференциях. Он постоянно и охотно делился со своими слушателями и друзьями по работе записями звучащей речи, тонкими и меткими наблюдениями.

История языка изучалась С. И. Ожеговым в неразрывной связи с историей говорящего на нем народа. Лексика и фразеология современного русского языка была в центре научных интересов Ожегова-лексиколога. Этой проблематике посвящен ряд его работ 1951—1957 годов: «Основные черты развития русского языка в советскую эпоху», «Из истории слов социалистического общества», «О структуре фразеологии», «Русский язык и советская культура». Итогом этих исследований явилась выдвинутая им научная проблема «Русский язык и советское общество», которая стала одной из ведущих тем Института русского языка АН СССР. Под его руководством было намечено основное направление работы над этой темой и начат выпуск серии сборников «Развитие современного русского языка». В проспекте коллективной монографии «Русский язык и советское общество» (1962) С. И. Ожегов был автором раздела «Лексика». Он предложил ряд новаторских идей в области изучения словарного строя современного русского языка. В частности, он обосновал существование разговорно-обиходной речи как одной из влиятельных форм современного национального языка.

Трудно переоценить работу, проделанную С. И. Ожеговым в области культуры русской речи. Это целый этап в развитии науки и культуры. С 1952 года и до конца своей жизни

С. И. Ожегов руководил сектором культуры речи Института языкознания АН СССР (с 1958 года — Института русского языка АН СССР). Он был создателем и вдохновителем печатного органа этого сектора — серии сборников «Вопросы культуры речи», первый номер которых открывался его большой проблемной статьей «Очередные вопросы культуры речи» (1955). Выпуск сборников под редакцией С. И. Ожегова был ответом советских языковедов на все возрастающий интерес современного общества к русскому языку, вопросам речевой культуры. Сборники хорошо были встречены читателями, а Сергей Иванович уже мечтал об особом научно-популярном лингвистическом журнале. Название этого будущего журнала — «Русская речь» — было ему уже хорошо известно.

Активное участие принимал С. И. Ожегов и в создании специальных нормативных словарей. Он был одним из редакторов «Орфографического словаря русского языка», словаря-справочника «Русское литературное произношение и ударение». Под руководством С. И. Ожегова было составлено пособие по современному литературному словоупотреблению — словарь-справочник «Правильность русской речи».

Сергей Иванович всегда был глубоко убежден в том, что разработка проблем культуры речи как одного из важнейших элементов социалистической культуры означает внедрение достижений языкознания в народные массы. «Две взаимно связанные задачи стоят перед языковедами: создание пособий, доступных широким слоям трудящихся, и одновременная теоретическая разработка языковедческих проблем, непосредственно относящихся к вопросам языковой нормализации и, тем самым, к вопро-

сам повышения культуры речи», — писал он в статье «Вопросы культуры речи», опубликованной в журнале «Вестник АН СССР» (1953, № 10).

Сергей Иванович не жалел сил и времени для пропаганды научных знаний. Его статьи в газетах и журналах, доклады и беседы в широких аудиториях находили активный отклик у читателей и слушателей; мнения Сергея Ивановича в общественных дискуссиях о языке всегда было одним из самых авторитетных.

С. И. Ожегов великолепно знал русскую литературу и русский быт — все исторические и современные реалии, стоящие за словами языка. В неустанной борьбе за речевую культуру он оберегал родной язык и от самонадеянных попыток пуристов законсервировать его и от лженоваторских устремлений «раскрепостителей» засорить его просторечием и жаргоном. Постоянная и бескомпромиссная борьба ученого с двумя этими крайностями особенно отчетливо проявилась в его словарной деятельности.

Сергей Иванович Ожегов был прирожденным и талантливейшим словарником. Начало его деятельности как лексикографа относится к концу 20-х — началу 30-х годов, когда он принял участие в редактировании академического (так и не завершено) «Словаря русского языка» (1895—1937), составлявшегося тогда в Ленинграде. Толковые словари русского языка становятся делом всей его жизни. С. И. Ожегов — один из составителей «Толкового словаря русского языка», вышедшего в 1935—1940 годах под редакцией профессора Д. Н. Ушакова. Это был первый словарь русского языка советской эпохи. Он воплотил в себе лучшие традиции русской науки — лексикографические идеи И. А. Бо-

дуэна де Куртенэ, А. А. Шахматова и Л. В. Щербы. В его составлении участвовали такие блистательные языковеды, как Г. О. Винокур, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, Б. В. Томашевский, каждый из которых внес свою существенную и неповторимую лепту в это большое культурное дело. С. И. Ожегов всегда с гордостью вспоминал о своем участии в работе над «Толковым словарем».

Однотомный словарь первоначально был задуман С. И. Ожевым как краткая переработка ушаковского словаря. Однако уже первое издание (1949) не было простым сокращением Словаря Ушакова. Наблюдения С. И. Ожегова над развитием современного русского языка позволили ему уточнить определения значений слов, их стилистические характеристики, решить сложные вопросы отбора лексики. Принципы составления краткого нормативного словаря были изложены С. И. Ожевым в статье «О трех типах толковых словарей современного русского языка» (см. «Вопросы языкознания», 1952, № 2). В это время появляется уже второе, существенно переработанное издание Словаря.

Взгляд на русский язык советской эпохи как на новый этап в развитии литературного языка (по сравнению с языком XIX — начала XX века) помог С. И. Ожегову в последующих изданиях сделать более строгой нормативную сторону словаря, усовершенствовать его как пособие по повышению культуры речи.

От издания к изданию Сергей Иванович перерабатывал Словарь, стремясь как можно лучше отразить в его рамках современное литературное словоупотребление. Уточнялась подача материала — толкование слов, система стилистических помет; улучшалась структура словарных статей, обновлялся и пополнял-

ся словник. Первое и шестое (последнее прижизненное) издания — в сущности совершенно разные книги. За этой переменной стоят не только новые достижения лексикографической науки, но также и неустанный, поистине титанический труд автора-составителя.

Словарь С. И. Ожегова — самый популярный из всех имеющихся у нас толковых словарей. И дело тут не в одном удобстве и общедоступности. Особенность книги состоит в том, что другие словари не могут заменить ее полностью. Ожеговский словарь наиболее достоверен и наиболее современен из всех существующих; он фиксирует новейшую лексику, типичное словоупотребление и типичную сочетаемость слов, богатство живой фразеологии. Он содержит в себе грамматические, стилистические и иные характеристики русской лексики, которых нет в других словарях. В этом — залог того, что книга С. И. Ожегова долго еще будет служить нашей науке и культуре.

Сергей Иванович Ожегов был человеком редкостных душевных качеств. Он всегда шел навстречу людям, и люди охотно шли к нему. Многолетняя дружба и постоянная переписка связывали его с известными отечественными и зарубежными учеными, писателями, со скромными тружениками науки — народными филологами, собирателями живых крупиц русской речи (В. И. Симаковым, В. С. Дубровиным и другими). Сергей Иванович умело собирал вокруг себя единомышленников, щедро делился с ними дерзкими идеями и замыслами. Многие из этих идей еще ждут своего воплощения.

Всех, кто знал С. И. Ожегова, — друзей и учеников — всегда поражала удивительная молодость его души. Эту молодость, которую питала неутомимость исследователя, Сергей Иванович донес до нас в своих лучших статьях и работах, в главном труде своей жизни — одноименном толковом «Словаре русского языка».

Кандидат филологических наук
Л. И. СКВОРЦОВ

Заметки С. И. Ожегова о словах *советы*, *советский* — образец тонкого социолингвистического анализа. Полностью статья «Из истории слов социалистического общества», отрывки из которой мы печатаем, была опубликована в научном издании (см. «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР». Вып. 1, 1951) и осталась малоизвестной широкому кругу читателей. Исследование С. И. Ожегова посвящено истории развития главных терминов новой, социалистической государственности.

Советы, советский

Возникновение и развитие прилагательного *советский* как термина новой, социалистической государственности обусловлено всем ходом общественной жизни в период февральской революции 1917 года, в период подготовки Великого Октября и в социалистическую эпоху после Великого Октября.

Наше прилагательное *советский* не стоит ни в какой преемственной семантической связи с существовавшим и до революции словом *советский*. История относительного прилагательного *советский* до революции длительна, но общественно ограничена. Раньше и наряду с ним выступало прилагательное *советный*. «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» (т. VI) дает сочетание *советный дом* с определением: «палата, куда собирается совет» и с приведением цитаты из библии. Как относительное же прилагательное в значении 'определенный для совещаний или совета', свойственном старому церковному языку, приводит его академический «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 года. В. И. Даль, приводя ту же цитату, что и академический словарь — «*советную палату сотвориша себе*», — толкует значение слова *советный* через 'советский' («Толковый словарь». Изд. 3. Т. IV), т. е. тоже понимает его как относительное прилагательное.

Однако как относительное прилагательное слово *советный* не было использовано русским национальным языком. Когда в русской государственной и общественной практике стали возникать учреждения или органы учреждений, носившие название «совет» (не ранее, по-видимому, начала XVIII века), возникает относительное прилагательное *советский*, нормально образованное по типу относительных прилагательных, т. е. с суффиксом *-ск-*. Его помещает академический «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 года: Советский: 1) Относящийся к совету. *Советское решение*; 2) Служащий в совете. *Советские члены*. Употребление слова уточняет В. И. Даль: Советский, к совету, как учреждению, относящийся. *Советские члены*. И. А. Бодуэн де Куртене, редактировавший третье издание словаря В. И. Даля, добавляет новый пример: *советские дела*, опираясь, по-видимому, на практику словоупотребления в университетских советах (т. IV). Д. Н. Ушаков в «Толковом словаре русского языка», опираясь не на письменные, к сожалению, источники, а на показания живых еще во время составления словаря памятливых к слову свидетелей дореволюционного его употребления, тоже указал на старое значение этого прилагательного как относительного к слову *совет*, существовавшему в таких сочетаниях, как *педагогический совет*, *административный совет банка*, *университетский совет* и т. п. Пример: *это дело советское, а не правленское* (1940, т. IV) удачно подчеркивает старое живое словоупотребление при противопоставлении.

Итак, это слово до революции не входило в активный запас национальной лексики, не было активным достоянием русского языка, а носило отпечаток профессионального употребления, отражающего некоторые частные, ограниченные стороны жизни. Является ли вся вековая история этого слова начальным этапом в развитии нашего термина? Круг явлений, обозначаемых этим словом, был слишком узок и замкнут для того, чтобы выйти на широкую арену общенародного употребления. Тихий путь его развития на перифериях литературного языка оборвался вместе с падением всей системы учреждений царской России и исчезновением того буржуазно-чиновничьего социального слоя, которому единственно и свойственно было употребление этого слова. На дальнейшую эволюцию, развитие в нем новых значений оно было неспособно.

Возникновение слова *советский* в период февральской революции было рождением нового слова, новым пополнением словарного состава языка. В недрах рабочего класса, определившего победу февральской революции и создавшего на всей территории России свои классовые органы — Советы рабочих и солдатских депутатов, — родилось это слово, сразу проникшее в общее употребление. Новое слово, относительное прилагательное *советский* возникло самостоятельно, независимо от прежнего наличия этого слова, по словообразовательным нормам относительных прилагательных в русском языке. Старое прилагательное, омоним, вошло в число выпавших из словаря устаревших слов.

Новому же прилагательному принадлежало большое будущее. Этапы его становления и развития значений отражают в себе все этапы развития революции и становления социалистического общества и государственности. В первоначальном значении прилагательного *советский* отразилось, как в фокусе, то соотношение классовых сил и тот характер развития революции, которые сложились после февраля 1917 года. «В высшей степени замечательное своеобразие нашей революции состоит в том, — пишет В. И. Ленин, — что она создала *двоевластие*». И далее: «В чем состоит двоевластие? В том, что рядом с Временным правительством, правительством *буржуазии* сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно существующее на деле и растущее *другое правительство*: Советы рабочих и солдатских депутатов» (Полное собрание сочинений. Т. 31, стр. 145). В. И. Ленин подчеркивает, что «двоевластие выражает лишь *переходный* момент в развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, *но не дошла еще* до „чистой“ диктатуры пролетариата и крестьянства» (там же, стр. 155).

На Апрельской конференции партии большевиков В. И. Ленин выдвинул лозунг «Вся власть Советам!». Большевики развертывают терпеливую и упорную работу за разъяснение массам задач революции, за завоевание Советов, где большинство принадлежало тогда мелкобуржуазным соглашательским партиям меньшеви-

ков и эсеров. В процессе нарастания революционных событий в стране, в ходе углубления революции и усиления сопротивления эксплуататорских буржуазных классов в центре всей политической жизни становится вопрос о власти, о ликвидации двоевластия, о переходе государственной власти в руки Советов — органа рабочего класса. Именно в этот период двоевластия и возникает прилагательное *советский*. Семантически оно формируется как прилагательное, характеризующее деятельность и значение Советов этого периода в противоположении буржуазному Временному правительству, как прилагательное, противопологающееся относительному прилагательному к сочетанию «Временное правительство» — «правительственный». Ясно и классовое содержание нового термина. Советы — форма организации рабочего класса, но в рабочих массах еще не изжиты мелкобуржуазные иллюзии, и руководство в Советах захвачено представителями соглашательских мелкобуржуазных партий — меньшевиками и эсерами.

Анализируя положение в стране до 4 июля 1917 года, В. И. Ленин придает именно это классовое содержание термину *советский*. «Советы, по своему классовому составу, были органами движения рабочих и крестьян, готовой формой их диктатуры. Будь у них полнота власти, главный недостаток мелкобуржуазных слоев, главный грех их, доверчивость к капиталистам, изжил бы на практике, критиковался бы опытом их собственных мероприятий. Смена классов и партий, имеющих власть, могла бы внутри Советов, на почве их единовластия и всевластия, идти мирно; связь всех советских партий с массами могла бы оставаться прочной и неослабленной. Нельзя ни на минуту упускать из виду, что только эта теснейшая и свободно растущая вширь и вглубь связь советских партий с массами могла бы помочь мирно изжить иллюзии мелкобуржуазного соглашательства с буржуазией» (Полное собрание сочинений. Т. 34, стр. 11—12). В статье «Один из коренных вопросов революции» 27 (14) сентября 1917 года В. И. Ленин пишет: «Но лозунг: „Власть Советам“ очень часто, если не в большинстве случаев, понимается совершенно неправильно в смысле: „министерство из партий советского большинства...“» (там же, стр. 202).

Итак, употребление прилагательного *советский* ограничивается рядом словосочетаний типа «советские партии», «советское большинство», «советская деятельность», «советские вожди» и т. п.; в этих сочетаниях вскрывается и семантическое содержание прилагательного, непосредственно вытекающее из того содержания исходного существительного, которое сложилось в нем, как отражение реальной действительности периода двоевластия и периода подготовки Октября. Реальные условия ограничили и круг словосочетаний.

Как в недрах старого общества рождается новое, так в словоупотреблении первого этапа революции появляются ростки будущего. Еще не выходя из норм словоупотребления этого периода,

анализируя соотношение классовых сил, В. И. Ленин в статье от 1—3 сентября 1917 года впервые применяет выражение *советское правительство*: «На словах „все“ признают теперь эту свободу [агитации.— С. О.] за большевиками. На деле она невозможна при буржуазном правительстве или при правительстве с участием буржуазии, при правительстве ином, кроме советского» (там же, стр. 136). Тогда же, в статье 27 (14) сентября 1917 года, В. И. Ленин впервые применяет выражение *советская власть*: «Только Советская власть могла бы быть устойчивой, только ее нельзя было бы свергнуть даже в самые бурные моменты самой бурной революции, только такая власть могла бы обеспечить постоянное, широкое развитие революции, мирную борьбу партий внутри Советов» (там же, стр. 201).

Так, с нарастанием революционной ситуации и приближением Великого Октября наполняется новым содержанием термин *советский*. Вот почему, когда в знаменитом воззвании «К гражданам России!», написанном 25 октября 1917 года В. И. Лениным, народ прочитал: «Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено» (Полное собрание сочинений. Т. 35, стр. 1), — термин *советский* быстро и прочно вошел в основной словарный фонд национального русского языка, а затем и в языки других народов нашей многонациональной страны.

С дней Великого Октября новое значение термина обнаруживается в образовании словосочетаний, в которых прилагательное *советский* перестает быть только относительным к слову *совет*. *Советский служащий, советский работник* — не только работник Совета депутатов, но и работник любого органа и организации, созданных Советской властью. Такие разнообразные сочетания, как, например: *советская республика, советская школа, советские города, советский суд, советская земля, советские командиры* и многие другие, возникшие очень рано, являются уже прилагательными к исходному сочетанию *Советская власть*. Оно становится качественно-относительным, входя в синонимический ряд с такими прилагательными, характеризующими новый государственный строй, как *рабоче-крестьянский* (ср. *рабоче-крестьянское правительство*), *народный* (ср. *народный суд, народный комиссар*), *красный* (ср. *красные командиры*).

С течением времени, по мере все углубляющегося социалистического преобразования нашей страны, употребление термина *советский* распространяется далеко за пределы сферы организации государственности, организации власти, борьбы с интервенцией и внутренней контрреволюцией. Отражая неуклонный внутренний рост страны, термин *советский* раздвигает границы своего употребления, входит в новые синонимические ряды, наполняется новым содержанием.

Так, с дифференциацией нашей общественной деятельности термин *советский* начинает употребляться в одном синонимическом ряду с прилагательными *государственный, правительственный* при обозначении деятельности в Советах как органах управления, в правительственных учреждениях в отличие от деятельности в организациях партийных, профсоюзных, комсомольских, хозяйственных. Это значение вскрывается в таких, например, сочетаниях, как *советские работники* в сопоставлении с партийными, профсоюзными, хозяйственными работниками, или *работать по советской линии, быть на советской работе, советские учреждения* и т. п.

Терминология, возникавшая в восстановительный период и затем в период индустриализации, показывает дальнейшее расширение содержания термина *советский*. Он входит в новые ряды противопоставлений, формирующих это содержание. В сочетаниях того времени, обозначающих многообразную промышленную *советскую продукцию, советские методы* производства и хозяйства, подчеркивается противопоставление дореволюционному, с одной стороны, и иностранному — с другой. Подобные сочетания, возникавшие в период нэпа, отражали противопоставление побеждающего социалистического сектора хозяйства быстро вытесняемому частнокапиталистическому. Таким образом, в ряду этой хозяйственной терминологии в широком смысле слова складывалось новое содержание термина *советский*, введившее его в синонимический ряд с термином *социалистический*.

С победой социалистического строя, когда исчезла база для противопоставления и частнокапиталистическому и дореволюционному, когда социалистический тип хозяйства стал единственным в стране, постепенно сокращаются ряды сочетаний, вызванных этим противопоставлением. Так, сочетание *советская торговля*, очень активное в период нэпа и построения фундамента социализма, в наше время при обозначении соответствующих отношений внутри СССР, так как вся торговля стала советской, заменяется конкретными наименованиями разных видов торговли: государственная, кооперативная и т. п. Лишь в противопоставлении иностранному, зарубежному, а также при характеристике отношений Советского Союза с зарубежными странами сохраняется терминология со словом *советский* в наименованиях продукции и хозяйственной деятельности Советского Союза. Для внутрисоюзных отношений, при отсутствии необходимости противопоставлять в наше время, распространяется термин *отечественный*: *отечественная продукция, отечественное производство* и т. п. Итак, с построением социализма термин *советский* в сфере общественно-экономических отношений приобрел глубокое общественно-политическое содержание, выступая как синоним социалистического. Ср. такие сочетания, как *советское хозяйство — социалистическое хозяйство, советская экономика — социалистическая экономика*, и многие другие.

Одновременно и в сфере идеологической термин *советский* в эпоху социализма наполняется новым содержанием. Он выражает здесь не только отнесенность, принадлежность к Советскому Союзу, но и подчеркивает идейное содержание определяемого им понятия. В таких сочетаниях, как *советская идеология, советская наука, советское искусство, советская культура, советская мораль* и т. п., термин *советский* вступает по своему содержанию в синонимический ряд с терминами *социалистический, марксистско-ленинский*, подчеркивая новую классовую методологическую сущность характеризуемого понятия. Это содержание термина *советский* ясно выступает и в таких сочетаниях, как, например, *вполне советский человек, советские настроения* и т. п., возникших еще в период острой борьбы с отживающими классами. Прилагательное *советский* в этой сфере употребления выступает уже как прилагательное качественное, отражающее идеологическое содержание социалистической эпохи. В этом направлении происходит и дальнейшее развитие употребления термина *советский*. Так, в условиях совершившейся культурной революции и создания национальной по форме и социалистической по содержанию культуры всех народов нашей страны рядом с термином *советские народы* (во множественном числе), т. е. народы Советской страны, возник термин *советский народ* (в единственном числе), в котором на первый план выступает не национально-этническое содержание, а то содержание, которое характеризует содружество народов нашей страны, идейно-политическое единство социалистических наций.

Профессор С. И. ОЖЕГОВ

П РА К Т И К У М П О С Т И Л И С Т И К Е

Исправьте предложения:

1. В заключение занятия лектор продиктовал слушателям список рекомендательной литературы.
2. Благодаря заботам общественных организаций дети нашего двора в период зимних каникул не были представлены самим себе.
3. Мы напомнили предприятию-заказчику о необходимости оплатить за выполненную нами работу.
4. На проходящей спартакиаде народов СССР впереди лидирует команда Украины.
5. Во всех своих предложениях мы исходим из того, что товарищи уже ознакомились с существом дела.

(Ответы см. на стр. 132)

Цвет в пейзажах К. Паустовского

Константин Георгиевич Паустовский относится к тем писателям, в творчестве которых пейзаж занимает особое место. В «Золотой розе» — книге заметок о писательском труде — Паустовский пишет: «Пейзаж — не привеска к прозе и не украшение... Природу надо любить, и эта любовь, как и всякая любовь, найдет верные пути, чтобы себя выразить с наибольшей силой».

Природа у Паустовского существует всегда в двух измерениях: как объективная данность и как предмет восприятия ее человеком. Сам автор видит природу как художник. Это дает основание исследователям сравнивать его с Левитаном, Шишкиным и другими пейзажистами. Постигая «душу» природы, ее «настроение», Паустовский реализует и выявляет всю гамму красок, которую могут представить слова-цветообозначения (прилагательные, существительные, глаголы). Природа у Паустовского то переливается и сверкает, то тускнеет, блекнет, и все краски ее приглушены. Но всегда природа активна: она соотнесена с тональностью рассказа, вернее, она и создает эту тональность, созвучную переживаниям, настроениям героев произведения. Пейзаж у Паустовского вы-

ступает то как развернутое описание, то как небольшая зарисовка, то как деталь, по которой внимательный читатель восстановит всю картину.

Наиболее широко используются писателем прилагательные цвета, как одно из речевых средств создания пейзажа (анализируются рассказы 1942—1957 годов). В зрительной картине пейзажа значительная роль принадлежит цветовой, красочной ее стороне. Прилагательные цвета, используемые Паустовским, раскрывают динамику жизни природы. Писатель умеет различать цвета не только яркого, полного тона, но и полутоня, оттенки, которые он особенно любит. Возможность передачи всей цветовой гаммы Паустовский находит в синонимических рядах прилагательных цветообозначения:

красный — алый, багровый, пурпурный, огненный, красноватый;

желтый — лимонный, рыжий, бронзовый, споз-желтый, желтоватый, золотой;

серый — седой, пепельный, дымный, ртутный, сизый, серебряный, свинцовый и т. д.

Яркие, сочные тона встречаются у Паустовского реже, ведь чаще всего он живописует природу средней

полосы России с ее приглушенной цветовой гаммой. Из большого ряда определений к слову *свет*, встречающихся в рассказах писателя, лишь некоторые заключают понятие яркого, полного цвета: золотой, оранжевый; большинство же определений передает оттенки, полутона: ртутный, розовый, зеленоватый, бледный, пясный, тусклый, мутноватый. В сочетаниях со словами *день*, *небо*, *тучи*, *заря*, *солнце* тоже преобладают оттеночные прилагательные:

день — серый, темный, бурый, мглистый, пасмурный;

небо — чистое, светлое, но чаще: пасмурное, черное, серое;

заря — смутная, зеленоватая;

тучи — черные, багровые, пенельные;

солнце — размытое, белое размытое, цвета соломы.

Цветовая гамма в пейзажах Паустовского, увиденная зорким, умеющим наблюдать глазом, отражает закономерность извечного круговорота в природе, она полна особого эстетического содержания, поэтичности, никогда не противоречит реальности. Поэтому встречаются пейзажи и ярких, праздничных красок: «А среди дна и река и леса играли множеством солнечных пятен — золотых, синих, зеленых и радужных. Потоки света то меркли, то разгорались и превращали заросли в живую, шевелящийся мир листвы. Глаз отдыхал от созерцания могучего и разнообразного зеленого цвета» (Кордон «273»).

Прилагательные цвета употребляются Паустовским в номинативной функции, определяя растения, животных по их окраске: оранжевый — липшан; желтый — хмель, листья, ирисы; зеленый — шишка, ветка; красный — жук; розовый — грудка снегиря, ленистки, метелки гречи-

хи; и в переносно-образном значении: эпитет *синий* в сочетании со словами *день*, *леса*, *звезды*, *лужи*, *тучи*, *полог ночи* имеет экспрессивно-эмоциональную окраску и передает отношение автора к изображаемому.

Паустовский писал: «Эпитет должен запоминаться. А для этого он должен быть единственным». Этому правилу писатель строго следует, и все же в ряде случаев одного эпитета бывает недостаточно. Сочетание двух прилагательных при одном определяемом существительном позволяет установить более тесные семантические отношения, уточнить, высветить одно из значений. Контекстуальное окружение позволяет выявить тон и обертоны цветовой эпитета.

Интересно проследить употребление прилагательного *серый* в контексте. В одних случаях это — логическое определение, например, в сочетании «Серый снегирь с розовой грудкой», в других — художественный эпитет: «Валила воднистый снег. На Исаакиевском соборе выступила серая изморозь» (Телеграмма). Серая изморозь на колоннаде Исаакиевского собора — очень емкий цветовой эпитет, который лаконично рисует характерную для ленинградской зимы деталь: смена морозов и оттепелей покрывает камни горета серой, седой изморозью. Иногда значение «серый» уточняется, конкретизируется прилагательными иного семантического плана. В таких контекстуальных сочетаниях эпитет *серый* выявляет оттеночные значения: «Ночь мутнела, воздух наливался слабой синевой. Потом эта синева переходила в *мягкий серый цвет*» (Секвойя); «Короткий, как мимолетная улыбка, день быстро иссякал, сливая все краски осени в один

угрюмый серый цвет» (Беглые встречи); «Почти все пристани убраны в затоны, бакены сняты, и ночью пароход мог идти только потому, что над землей лежала *серая лунная* ночь» (Ночь в октябре).

Прилагательные, обозначающие неконкретный, расплывчатый цветовой признак, уточняются соседними прилагательными, которые выступают как контекстуальные синонимы: седое и мгlistое море; бледное и широкое сияние; слабое голубоватое зарево; на облаках появился *связый*, почти зимний палет.

Сочетающееся прилагательное, не являясь синонимом, может уточнять цветовой признак: «Вода просвечивала *зеленым* бутылочным цветом»; «Небо черное, тяжелое»; «Ночь черная, ледяная».

Часто Паустовский ставит рядом два определения-эпитета, передающие зрительное и осязательное впечатление: «Вода была застоявшаяся — *теплая и зеленая*»; «Стоял *шиповник* и цвет таким *алым* и *влажным* огнем...»; «*Теплому* *красноватому* сумраку»; «Шелест *сухого* *золотого* листа»; «По *твердому* *белому* песку»; «Отражался *желтоватый* *холодный* закат».

Каждое цветковое определение Паустовского непременно вызывает зримый образ. Сочетаясь с прилагательными, существительные обогащаются не только новыми, семантическими, но и эмоционально-экспрессивными оттенками, так как в контексте, даже минимальном, слово стилистически окрашивается. Например, в разных рассказах встречается сочетание существительного *ветлы* с прилагательными цвета. В таких сочетаниях прилагательное несет основную смысловую нагрузку, организует пейзажную зарисовку. «*Черные* прибрежные ветлы» (Стек-

ляные бусы) — это весенние, еще без зелени деревья, а «Дымные громады *седых* ветел» (Фенино счастье) — деталь картины ранней осени.

Переливы цветов, тонов и полутонов, смена одной цветовой гаммы другой достигаются не только использованием прилагательных цветообозначения, но и широким употреблением союза *то...то*, при помощи которого отдельные детали соединяются в одну яркую картину: «Левый берег уходил в туман. Туман этот был разнообразно окрашен. В нем были то розовые, то золотые, то синие и сиреневые, то пурпурные и бронзовые широкие и размытые пятна. Лавров знал, что это просвечивают сквозь туман то леса, то облака, освещенные вечерним солнцем, то обрывы берегов, то, может быть, далекие белые здания невидимых в тумане городов» (Бег времени).

Экспрессивность, образность прилагательного выявляется в контексте или подкрепляется сравнениями, которые вводятся словами *похожий*, *будто*. Эти пояснения и сравнения свежи, эмоциональны, зримы: «Бледный свет, *похожий* на чуть разбавленную синькой воду...»; «...Небо было сухое, светлое, но серое, *будто* над головой протянули вымытую, подмерзшую холстину»; «...Цвет на этих камнях такой красный цветок, *будто* горели среди мха маленькие костры».

Максимальную насыщенность цвета писатель передает сочетанием цветковых эпитетов с существительными, уже содержащими значение цвета: черная мрачность; спелая белизна; серая дымка; синий, почти до черноты. Такие эпитеты усиливают признак и в то же время могут быть средством идейной и эмоцио-

нальной выразительности. В рассказе «Робкое сердце» словосочетание *черная мрачность* («В черной мрачности, во мгле шумело море») не только деталь хмурого, мрачного рассвета, но и средство передачи особого душевного состояния героини. Другие эпитеты, в том числе и цветковые, дополняют картину мрачного, ненастного дня: темный, бурный, сырой. В контексте всего рассказа *черная мрачность* — это и символ насилия, зла.

Широко используются Паустовским оттеночные эпитеты, передающие цветовой признак приглушенно. В роли таких эпитетов выступают прилагательные с суффиксом *-оват-*, указывающим на неполноту признака: красноватый сумрак; желтоватый туман; гряда холодных синеватых облаков; и сложные прилагательные, первая часть которых указывает на оттенок основного цвета: сизво-желтые листья акации; травы темно-зеленые; бледно-зеленая твердая листва; бледно золотой венчик.

В пейзажах Паустовского встречаются и прилагательные, которые передают цвет обобщенно. Такие эпитеты используются для создания общего зрительного впечатления: светлый туман, светлые дни, темная вода, темный день, мглистый день, бледное море, неяркий закат, мутное солнце.

Цветовой эпитет в пейзажах Паустовского обычно психологичен. Прилагательные цвета у него — тонкое средство для раскрытия «диалектики души» героев. Через цветовой эпитет пейзажа писатель создает настроение рассказа в целом и раскрывает внутреннее состояние героя. В рассказах «Снег» и «Белая радуга» прилагательное *сизый* сочетается со словами *небо* и *даль*. На прямое значение прилагательного

(темно-серый с синеватым отливом) наслаивается переносное, образное значение, характеризующее душевное состояние героев, одиноких людей, для которых природа предстает бесконечно однообразной и бесцветной.

Включаются в пейзажные зарисовки и существительные, называющие цвет. Прежде всего это обобщенные наименования качества: белизна, синева, синь, голубизна, желтизна, чернота, ржавчина. Употребляясь в прямом значении, они имеют при себе пояснительные слова: белизна снегов, синева неба, синева небес, небесная голубизна. Эти пояснительные слова конкретизируют обобщенные наименования качеств, присущих предмету или явлению.

В переносном значении такие существительные встречаются с пояснительными словами, уточняющими признак, на котором строится художественный образ: «Солнце еще за горами, но верхушки лесов на зеленых склонах уже зажигаются *ржавчиной от его первых лучей*» (Стекланные бусы); «...Через полчаса земля начала одеваться в багрянец, в ржавчину сжатых полей, в сырую и яркую зелень озимой, в курпур осиповых листьев и желтизну трепещущих без ветра берез» (Фенино счастье).

В лексике, используемой писателем для создания пейзажей, значительна группа глаголов отыменного происхождения, содержащих понятие цвета: синеть, зеленеть, розоветь, чернеть, белеть. Цветовые переходы, оттенки, передаваемые этими глаголами, в тексте детализируются, поясняются предложно-именными конструкциями, наречиями, сравнениями или целыми предложениями: «Мутно *розовело* небо — должно быть, за облаками подыма-

лась луна»; «...Небо *зеленело* от холода»; «...*Синело* водянистое небо»; «А небо все *чернело*, будто чугунная стена росла из-под земли...»; «Близкий сосновый лес *поседел* от снегопада...».

Глаголы, передающие цветное состояние, почти всегда эмоционально окрашены, так как они показывают живое восприятие природы автором или его героями. В некоторых случаях цветовая гамма передается описательно: «Он долго смотрел, как степь синела к вечеру, как на небе загорались закатным огнем облачные снеговые горы...» — в этой картине наступающего летнего вечера прилагательное *снеговой* не только содержит значение «похожий на

снег», но и «белый, как снег», *закатный* в сочетании со словом *огонь* передает сложное цветное значение. Тот же прием используется и при описании раннего весеннего утра: «...Капля смолы в щели бревна заискрилась в это утро, как *топаз*».

Признанный мастер пейзажа, великолепный знаток русского языка, Константин Георгиевич Паустовский живописует словом, как кистью. В этом значительная роль отводится словам-цветообозначениям, которые служат одним из важных элементов зрительной картины.

Кандидат филологических наук
Н. П. ЛЮЛЬКО

Секрет

«заражения чувствами»

О характерных особенностях художественного мышления В. Тендрякова критик И. Соловьева справедливо судила по тому общественному резонансу, который вызывают произведения писателя: «Разговор о проблемах социальных, без сколько-нибудь длительного торможения на разборе прозы как таковой».

В самом деле, о художественной стороне произведений этого писателя говорят мало или совсем не говорят. Кажется, что проблемы, активно возбудившие ум и чувства читателя, заслоняют все.

В чем же здесь секрет? Может быть, в злободневности, в проблемности, остроконфликтности, столь присущих произведениям В. Тендрякова? Но проблема любой значи-

мости не может целиком составить художественную ценность произведения. К тому же В. Тендряков, как правило, берет уже освоенный литературой конфликт и лишь доводит его до эмоциональной действительности, логической ясности и глубины.

Реализм обстоятельств и соотносящаяся с ним правда характера — это последовательная концепция В. Тендрякова, но считать такое объяснение исчерпывающим нельзя. Ведь, как верно заметил К. Федин, «Реализм в „чистом“ виде — абстракция».

Остается предположить, что способность «заражать чувствами» читателя, психологически вовлечь его в русло авторской анализирующей мысли заложена в стиливой организации произведений В. Тендрякова, в умении живо, пластично изобре-

зять действительность, в которой с наибольшей отчетливостью выражает себя актуальная социальная проблема.

Стиль В. Тендрякова отличает прежде всего широкое и разнообразное употребление так называемой несобственно-прямой речи. Эта очень гибкая форма повествования способна органически синтезировать не только разнородные языковые пласты, но и те внутренние различия в экспрессивном восприятии действительности, которые разделяют автора и его героя.

Федор Соловейков поражен дикой сценой расправы над козой, которую учинили его теща и жена: «Смутная тяжесть легла на душу. Такой еще не испытывал. Не жестокость удивила и испугала и уж, во всяком случае, не жалость. Попадись эта блудливая коза под его руку, тоже бы отходил — помнила. Люди непонятные — вот что страшно» (Не ко двору). Здесь речь автора и лексически и по интонации близка речи героев.

Такая форма повествования сразу знакомит читателя с оценкой явления и автором и персонажем. Разница их выводов направляет внимание читателя на обстоятельства, особенно которым мыслит и поступает то или иное действующее лицо.

Принцип соблюдения объективности повествования позволяет писателю приблизиться к внутренней, «скрытой» точке зрения героев, происходить своего рода «оживание», «вчувствование» в характер героя, в особенность его мироощущения. Этот принцип обязывает писателя и к выбору таких образительных средств, которые с наибольшей достоверностью передают психологию героя, восприятие им окружающего мира.

Вот какой предстает перед Сашей

Комелевым картина раннего утра: «От реки через кусты на мокрую косовицу, как перебродившее тесто через край квашни, набухая, сочился туман» (Тугой узел). Сравнение предметно, взято из повседневного окружения деревенского мальчика, то есть образность языка повествователя подчинена определенной функциональной задаче: «В тени на земле были разбросаны лунные зайчики. С лугов время от времени тянул сырой ветерок, и тогда лунная россыпь начинала ленивый хоровод. Один из крупных зайчиков лежал на белой кофточке Кати, как голубая ладошка». Здесь автор рассказывает уже о взрослом Саше, пришедшем на свидание с любимой девушкой. Сравнение лунного зайчика с ладошкой создает не только яркий зрительный образ в речи повествователя, но и отражает мир чувств и настроений Саши.

Очень часто в форму несобственно-прямой речи у В. Тендрякова облекаются внутренние монологи героев. Такой прием расширяет возможности психологической характеристики. Например, секретарь райкома Мансуров вряд ли осмелился бы высказать вслух мысли, которые обнажают сущность его командного волевого метода руководства: «То, что он сделал и продолжает делать, нельзя называть иначе, как атакой. Может, он поспешил, может, слишком горячо рванулся, но дело сделано — в атаке не останавливаются на полдороге. К тому, кто хочет залечь на полпути, надо относиться без жалости» (Тугой узел). После самоубийства Мургина, ставшего жертвой неоправданной жестокости Мансурова, этот внутренний монолог воспринимается как красная софистика, с помощью которой Мансур-

ров пытается подвести свои поступки под закон необходимой жертвенности при осуществлении больших дел.

Употребление несобственно-прямой речи как основной формы повествования создает впечатление постоянного речевого общения с персонажем. Происходящее таким образом сближение речевых стихий обогащает экспрессивно-изобразительные возможности языка повествователя.

Действие многих произведений В. Тендрякова происходит в северных районах, однако писатель не злоупотребляет местными речениями. Встречается у него слово **чело** в значении 'передняя часть чего-либо', встречается редко употребляемое слово **вальжный**; писатель привержен к употреблению слова **воля** в его забываемом ныне значении 'снаружи, на чистом воздухе'; иногда встречаются диалектизмы вроде **лава** 'мостик, переход через ручей', **лежина** 'овраг' и т. п. Но в основном В. Тендряков использует общеупотребительную разговорную лексику. Таковы, например, его сравнения: «Ударила мысль простая, ясная среди других путаных, угарных, она открылась, как свежее яичко в ворохе мусора»; «И уж ежели до этой деревни долетят слухи о найденном младенце, подозрения выползут наружу, как гроздь из-под прелых листьев» (Находка).

Иногда в авторскую речь вкрапляются эмоционально окрашенные предложения, свойственные разговорной речи: «Тянуло уйти в сторону, спрятаться в лесу без свидетелей, ну, не плакать — где уж! — а просто забыться» (Суд); «Артемий Богданович — что с ним? — синий бостоповый костюм, в каком выезжал только в область,

не ниже — для района и в обывачном хороши,— рубашка белая, галстук, и лицо — что пятак, натертый о вадепок» (Поденка — век короткий). В последнем примере нет заметно выраженной речевой особенности какого-либо персонажа; здесь — характеристика разговорной речи вообще, и выразить она должна психологию односельчан, увидевших своего председателя в необычном наряде.

Сближение языковых пластов замечается и в комментирующих авторских суждениях, использующих поговорки и пословицы или выражения, близкие по характеру к складу народного мышления: «Несчастливым, как и героем, нельзя оставаться вечно. В институт Православного не приняли, причины, когда-то делавшие его достойным жалости, остались, по... тело заплывчиво, дело забывчиво — ковер не кушлен, главный редактор издательства не помог» (Свидание с Нефертити).

Эпитет у В. Тендрякова психологичен. В употреблении его писатель придерживается того принципа художественной пластичности, который был высказан Л. Н. Толстым: «Мне кажется, что описать человека собственно нельзя; можно описать, как он на меня подействовал».

«Следователь встал, узкий, прямой, высокий, на полголовы выше сутуловато поднявшегося Семена Тетерина» (Суд). Слово **узкий**, разумеется, менее всего можно принять как определение физического качества следователя, оно выражает впечатление о нем Семена, почувствовавшего, в какие жесткие и узкие рамки законности хочет втиснуть его поступок этот человек.

Чаще всего В. Тендряков употребляет несколько эпитетов к одному

слову, стремясь тем самым выразить не только основные свойства предмета, но и его оттенки: «И от чужого горя, невысказанного, неподправимого, безропотного, у Семена Тетерина перехватило горло» (Суд); «Он ушел по шевелящимся ветхим половицам, утратившим даже способность скрипеть. Ушел озадаченный, но явно не убежденный и уж, конечно, не успокоенный» (Свидание с Нефертити).

В. Тендряков редко обращается к прямому описанию чувств и состояний человека, но стремится передать их посредством изображения предметов или явлений, отраженно показывающих внутреннее состояние героя по принципу контраста или параллели. Эта творческая установка писателя имеет непосредственное отношение к содержанию эпитета. Показательна в этом смысле функция эпитета в пейзажах: «День, заполненный и ромозлой сыростью, так и не разгорелся. С самого утра тянулись унылые сумерки. Сейчас, к вечеру, он не угасал, а скисал. Тупой равнодушной свинцовостью встретило Трофима озеро. Хилые облетевшие кусты, темный хвостец у берегов и где-то за стилой, обморочно неподвижной гладью — мутная полоса леса на той стороне». Таким неприглядным пейзажем начинается повесть «Находка». Он прямо соотносится с характером главного героя — инспектора рыбнадзора Трофима Русанова, человека угрюмого, нелюдимого, страдающего гипертрофией недоверия и подозрительности. Видевший в жизни много нечестности, несправедливости, Трофим считает, что все, кроме него, жулики: «дрянь народ, сво-

лочь на сволочи». Поэтому большинство пейзажей в «Находке» лишено красоты. Эпитеты здесь откровенно и намеренно антиэстетичны (раскоряченный баркас; помойное утро; мутный, как жидкое коровье пойло. свет; неприятный клочковатый снег и т. п.).

Приведем еще один пример из той же повести: «В пиковато горели сухие гнилушки на носу дубаса, прорывающиеся языки пламени плескались в стоячей воде, с треском падали угли, шипели... А над придавлено-сопным озером разносился звонкий и сильный от не израсходованной непависти голос. Берег отзывался на него приглушенно-истеричным эхом».

Многозначность такого эпитета, как **виновато**, очевидна: он выражает не столько свойства слабо горящего пламени, сколько чувство рыбака, выехавшего ночью на запрещенный лов рыбы с острогой. Реализм предметного описания здесь тонко взаимодействует с реализмом психологического состояния человека.

Установка на психологическое восприятие описываемой действительности ярко проявляется в ритмике, интонации и синтаксисе фразы. Своеобразие интонации и ритма прозы у В. Тендрякова обусловлено прежде всего характером отражаемой действительности, теми ее сторонами, которые стали предметом художественного исследования.

На мучительный вопрос «в чем смысл искусства?» герой романа «Свидание с Нефертити» дает такой ответ: «...вздروгни и удивись, сколько ты пропустил мимо, как много не заметил. Я после этого в жизни начинаю замечать больше, становлюсь чутким...». И еще: «Стопки

поэзию с прозой, необычность с будничностью, счастье бытия и угнетенные лица — вот великое единство противоположностей, без которых не существует жизнь». Разумеется, программу Федора Материна нельзя отождествлять с программой автора, хотя он и относится к своему герою с явным сочувствием; тем не менее это высказывание может служить ключом к раскрытию некоторых особенностей творческого метода В. Тендрякова. Как правило, в основе сюжета у В. Тендрякова лежит случай или ситуация, которые превращают героев на человеческую прочность. Разрешить сложные душевные конфликты могут лишь высшие моральные критерии и стимулы поведения человека. Поэтому интонация и ритм речи у В. Тендрякова отражает не созерцание, не эпическое спокойствие, а тревожное размышление, осознание противоречий действительности. Напряженне между ее разноименными полюсами постоянно ощущается и в речи персонажей и в речи автора. Поэтому для прозы В. Тендрякова весьма характерно обилие внутренних монологов, передающих несобственно-прямой речью, насыщенных вопросительными, восклицательными или незаконченными предложениями.

«Он возмущался следователем. А сам?.. Настаивал строить не капитальное жилье, а бараки, приводил веские доводы — быстро, дешево, просто... Главное — просто! Не надо будет изворачиваться и экономить, не надо задумываться, откуда оторвать рабочую силу, не надо беспокоиться, что сорвется рабочие планы. Проще! Легче! Разве это не называется — искать под фонарем?» (Суд); «Весь мир разделен — черное небо и серый снег, снег и небо, выстрелы кругом и тишина рядом.

И товарищи его — один мертв, другой умирает, неподвижные ноги, слабые руки, кружится голова... По пока-то жив, надо ползти от этого места... Черное небо и серый снег... Надо ползти... А как уютно лежать в снегу. Надо ползти, но куда? Вперед к разведчикам? Они где-то близко... Близко и немцы... Только Голеннищев знал дорогу, а Голеннищев лежит и хрипит» (Свидание с Нефертити). Интонация и ритмика этих конструкций подчинена задаче наиболее интенсивного психологического восприятия читателем ситуации, в которой оказываются герои.

Нередко для создания эмоционального напряжения речи В. Тендряков использует анафору, то есть одинаковые синтаксические и интонационные построения: «И кровоточило сердце, и родная Матера разрослась до размеров необъятной страны. И чулки деревни, лежащие в пенелищах, было так же до боли жаль, как свою, спрятавшуюся в далеком тылу. И тяжелая ненависть душила минутами к тем, кто в знакомых уже стенах сидит в окопах, едет на машинах по знакомым дорогам, к тем, кто без человеческого лица, без человеческого сердца, не похожим на все родное. И заново осмыслось угрюмое слово — фашизм... Федор учился ненавидеть...» (Свидание с Нефертити).

Анафора, как известно, строится по принципу постепенного нагнетания экспрессии и разрешения в конце. Конечная фраза, как правило, заключает в себе мысль, обобщающую предыдущие. Это традиционное построение иногда нарушается у В. Тендрякова необычной концовкой. Вот один из примеров анафоры, построенной в форме периода:

«Дудырев любил охоту.

По в любой охоте был для него всегда один неприятный момент. После того, как долгожданная дичь, на выслеживание которой уходили все силы, расходовалась вся душевная страсть, появлялась — птицы ли с шумом взлетали в подкрашенное зарей небо, или среди холодных сугробов мелькало горячее пятно лесной пшубы, после вскинутого к плечу ружья, после возвышенного мгновения, когда разум отсутствует, а действует инстинкт, после выстрела и торжества — видеть кровь, брать руками противно теплую тушку, хряпавшую остатки жизни, той жизни, что оборвана твоим выстрелом... Среди наслаждения — жестокость, среди поэзии — грубая проза. Нужно только перетерпеть, не заметить, не придать значения, а потом — снова — уснувшие камыши, следы на снегу, ствол, наступающий взмывающую птицу, торжество победы... Дудырез любил охоту» (Суд).

Нагнетением резко контрастных начал и несколько утяжеленным синтаксисом период передает сложное и противоречивое содержание внутреннего мира Дудырева. Предложение, которое «разрешает» период («Среди наслаждения — жестокость...» и т. д.), в свою очередь тоже имеет анафорическое строение, а после периода следуют еще две фразы, по чувству составляющие с ним единое целое и усиливающие его эмоциональное напряжение.

Немаловажное значение в ритмико-синтаксической организации фразы у В. Тендрякова имеет пауза: «Дубинин взглянул на пож, на блеснувшем при свете луны лезвии увидел черные пятна — кровь» (Суд).

Попробуем в этой фразе изменить конец: «...увидел черные пятна кро-

ви». По информационному содержанию фраза осталась прежней, но теперь в ней явно чего-то недостает: исчез ритм, отрывистый, взволнованный. Вместе с паузой исчезло и то, что она вмещала — психологический момент осознания случившегося. «Черные пятна крови» — это уже констатация известного, совершившегося, в ней нет уже той оглушающей силы неожиданности, которая заключена в паузе перед словом **кровь**.

Есть своя, оправданная закономерность в тяготении В. Тендрякова к употреблению бессоюзных сложных предложений, в которых интонация служит важным средством выражения смысловых отношений: «Хлещущие по лицу ветви, кусты, трухлявые пни, попадающиеся под ноги, — через пять минут стало жарко, кровь застучала в висках»; «Вот и береза — под ней стояли ружья»; «Мир исчез — здесь преисподняя» (Суд). Значительное место среди бессоюзных сложных предложений занимают присоединительные, в которых связь между частями мотивируется в известной мере экспрессивно-психологическими отношениями: «Обеспамятевший медведь наткнулся на лаву — она его не держит, вплавь перебраться не успеет» (Суд).

В короткой статье, разумеется, нельзя дать сколько-нибудь полной характеристики стиля писателя. Мы обратили внимание лишь на некоторые важные особенности индивидуальной творческой манеры В. Тендрякова.

Н. С. РУБЦОВ, аспирант
Института мировой литературы
АН СССР

О типологии речи

Типология речи — особый раздел лингвистики, в котором изучаются виды и формы (типы и подтипы) языкового общения людей. Сама проблема типологии речи относится к области социологии языка. Почти вся жизнь человека связана с языком. И хотя люди общаются не только при помощи языка в его самых разнообразных проявлениях, но и с помощью некоторых других «информаторов» (например, жестов, мимики и проч.), именно язык выступает как важнейшее средство человеческого общения, подчиняя себе иные возможности передачи информации как более «низкие» и случайные, как менее совершенные и менее удобные.

Свыше сорока лет назад проблема типологии речи (впрочем, без самого термина) была поставлена советским лингвистом Л. П. Якубинским в его ярком исследовании о диалоге (сб. «Русская речь». Вып. I. Пг., 1923). Позднее эта проблема привлекла внимание японских ученых, ныне разрабатывающих теорию так называемого «языкового существования» (о ней, в частности, писал Н. И. Конрад в «Японском лингвистическом сборнике». М., 1959). И уже совсем недавно статья о типологии речи была опубликована А. А. Холодовичем («Историко-филологические исследования. Сборник статей к семидесятилетию академика Н. И. Конрада. М., «Наука», 1967. В дальнейшем цифры в скобках — сноска на эту статью А. А. Холодовича). Она оканчивается призывом обсудить само понятие типологии речи в связи с развившимся у нас интересом к общим вопросам социологии языка.

В интересной статье профессора А. А. Холодовича не все представляется одинаково убедительным. На наш взгляд, основной вопрос, который возникает при изучении типологии речи, должен быть сформулирован так: возможно ли установить виды и формы общения людей, учитывая лишь то, *как* протекает само общение, или для осмысления подобных видов и форм необходимо считать не только с тем, *как* проходит общение, но и с тем, *что* обобщенно выражается с помощью каждого из этих видов и каждой из этих форм общения. Иными словами: опирается ли типология речи лишь на понятие *как* или она должна основываться и на понятии

как и на понятие что. В статье А. А. Холодовича дается противоречивый ответ на поставленный здесь вопрос: при характеристике типологии речи автор в одних случаях считается только с *как*, а в других — и с *как* и с *что*.

При установлении «речевого поведения человека» А. А. Холодович выделяет пять признаков: 1) средство выражения речевого акта (звук, письменный знак, жест), 2) степень коммуникативности речевого акта (от коммуникативности до отсутствия коммуникативности), 3) ориентированность речевого акта (ожидает ли говорящий или пишущий ответа или его речь однонаправлена, как, например, речь диктора по радио), 4) квантификативность речевого акта (сколько лиц участвует в подобном акте — от одного до очень многих) и, наконец, 5) контактность речевого акта (находится ли «партнер» или «партнеры» говорящего в его поле зрения или говорящий обращается к ним на расстоянии — по телефону, с письмом и проч.). Таковы пять признаков «речевого поведения человека», установленные А. А. Холодовичем.

Задержимся на каждом из этих пяти признаков. О первом из них, вслед за автором анализируемой статьи, скажем, что жесты, как таковые, к языку непосредственно не относятся. Поэтому первый признак обнаруживается либо в звучащей речи, либо на письме.

Значительно сложнее уже со вторым признаком. Как понимать коммуникативность речевого акта? А. А. Холодович приводит такой пример из повести В. Катаева: «Ты, главное, Людмилочка, не расстраивайся. В общем его по целым дням не бывает дома... *Где же это чертово электричество?..* Только почувет... *Ну вот есть*». Предложения, выделенные курсивом, А. А. Холодович считает некоммуникативными: говорящий задает их как бы сам себе, тогда как другие предложения, адресованные «Людмилочке», заряжены коммуникативно. Трудность проблемы заключается в том, что ситуация способна быстро изменить водораздел между коммуникативностью и некоммуникативностью. Представим себе, что говорящий, обращаясь к «Людмилочке», хочет не только утешить ее («не расстраивайся»), но одновременно у нее же спросить, где в комнате находится штепсель. Тогда все без исключения предложения приведенного фрагмента сейчас же станут коммуникативными. Коммуникация окажется двунаправленной (утешение и поиски электричества), но от этого она не лишится своей коммуникативности. Следовательно, для того, чтобы разобраться в противопоставлении «наличие коммуникативности — отсутствие коммуникативности», необходим смысловой анализ самого «речевого материала». Следует изучить не только *как* протекает речевой акт, но и *что* с его помощью передается.

Взаимодействие *как* и *что* выступает еще более очевидно при анализе третьего признака речевого акта — его ориентированности.

А. А. Холодович приводит известный эпизод из «Анны Карен-

нипой» Л. Толстого: «— Я всегда удивляюсь ясности и точности выражений вашего мужа,— сказала она (княгиня Бетси.— *Р. Б.*).— Самые трансцендентные понятия становятся мне доступными, когда он говорит.— О, да! — сказала Анна, сияя улыбкой счастья и не понимая ни одного слова из того, что говорила ей Бетси». Автор статьи кратко, но решительно комментирует: «Квазидиалогичность этого диалога очевидна» (стр. 205). Между тем из чего следует подобная очевидность? Ведь с чисто формальной точки зрения в приведенном отрывке диалог никем и нисколько не нарушается. Бетси говорит, Анна ей отвечает. Это типичный диалог. Он становится квазидиалогом только тогда, когда исследователь начинает учитывать особенности всей ситуации. Выясняется, что Анна, «не понимая ни одного слова из того, что говорит ей Бетси», по существу и не могла вести с ней диалога. В этом случае действительно диалог может предстать как квазидиалог. Так вновь возникает проблема взаимодействия *как* и *что*, формы и содержания.

Четвертый признак «речевого поведения человека» — его квантификативность — казалось бы «вырывается» из сферы взаимодействия *как* и *что* уже в силу своей чистой количественности: один и много. Один говорит, один или многие слушают. Гораздо реже: многие говорят, один или многие слушают. При более пристальном рассмотрении все же оказывается, что и здесь особенности высказывания не безразличны для понимания квантификативности. Устанавливая различные подвиды в пределах «один — много», А. А. Холодович выделяет разговор, беседу, массовое общение и т. д. При этом он замечает: «...Беседа — целеустремленное общение, для которого характерно наличие определенной темы или цели» (стр. 207). Поэтому разговор «дамы просто приятной» и «дамы приятной во всех отношениях» из «Мертвых душ» Гоголя окажется только разговором, а не беседой. Совершенно другую цель обычно преследует ораторская речь, когда один стремится убедить многих. Нередко противопоставление «один — много» становится гораздо сложнее, особенно в художественной литературе. Стоит только раскрыть, например, «Житейские воззрения Жюта Мурра» Гофмана, в которых рассуждения Мурра даются «вкусно с фрагментами биографии капельмейстера Иоганна Крейслера, случайно уцелевшими в макулатурных листах» (Э. Т. А. Гофман. Избранные произведения (в трех томах). Т. 3. М., 1963, стр. 104). В естественном противопоставлении «один — много» выступают не менее важные качественные градации. *Как* и здесь взаимодействует с *что*.

Наконец, последний (пятый) признак речевого поведения — контактность речевого акта. С первого взгляда все кажется очень простым: общение протекает либо в поле зрения говорящего, либо вне его. В первом случае контактность речевого акта соблюдается, во втором — не соблюдается. Но и пятый признак дробится на множество разновидностей, обусловленных качественными разли-

чиями как внутри контактного, так и внутри дистантного общения.

При контактном общении информацию дает не только собственно речь, но и ее помощники, так называемые супрасегментные элементы (жесты, мимика, значимые паузы и проч.). При дистантном же общении «...источники информации сужаются в пределе, видимо, до голого смысла» (стр. 207). Однако и в этом случае многое зависит от свойств источников, которые питают информацию. Малограмотная контактная речь, сколько бы она ни опиралась на супрасегментные элементы (энергичные жесты, усиленные мимические движения и проч.), все же с большим трудом передает информацию, чем речь дистантная (например, письмо), принадлежащая высокообразованному человеку, хотя такая речь и не может прибегать к помощи супрасегментных элементов. И в этом случае существенно учитывать не только «расстановку» источников информации (контактный — дистантный), но и их качественную характеристику.

Установив пять признаков «идентификации речевого акта», А. А. Холодович замечает: «Если все эти признаки являются логически независимыми, то их можно считать дифференциальными признаками речевого акта и на их основе построить типологию речи. В этом случае мы будем иметь $2^5 = 32$ типа речевого поведения, каждый из которых будет характеризоваться своим набором дифференциальных признаков» (стр. 208). Едва ли, однако, возможно арифметически предопределить раз и навсегда количество типов речевого поведения, тем более, что каждый тип, как мы видели, не только допускает, но и предполагает дробление на различные подтипы. Еще существеннее другое: подвижность каждого типа, его зависимость от широкого контекста, в котором протекает наша речь. И все же несмотря на это, сама попытка наметить количество типов речевого поведения человека в определенном обществе и в определенную эпоху представляет бесспорный интерес.

Типология речи нередко понимается вне времени и пространства. Между тем это не так. При всей своей всеобщности (она применима к самым разнообразным языкам) типология речи изменчива и во времени и в пространстве. Когда работник ОРУДа предлагает нам в руно из автомобиля сейчас же вернуться на тротуар, а диктор универсама информирует, что жена ждет вас у входа (примеры А. А. Холодовича), то такие формы одностороннего речевого общения (без ожидаемого ответа, но с последующими немедленными действиями) были, разумеется, невозможны в XIX столетии. Не менее интересны и национальные различия между народами в формах и средствах подобного рода общения. Все эти проблемы еще ждут своих будущих исследователей. Всеобщность типологии речи не должна заслонять от нас ее исторических и социальных спецификаций.

Идея «конечности» речевых ситуаций первоначально возникла

не в языкознании, а в литературоведении. Филологи давно задумывались над тем, сколько ситуаций может сложиться в драме или комедии, в романе или повести. Кому не знакомы насмешки над «треугольником» в романе (*она, он* и еще *он; он, она* и еще *она*). Один французский эссеист даже утверждал, что в истории литератур мира встречается не больше тридцати шести драматургических ситуаций (G. Polti. *Les trente-six situations dramatiques*. Paris, 1912). Ему казалось, что появление новых ситуаций невозможно и писатели вынуждены лишь комбинировать в пределах уже существующей «расстановки сил». Любопытно, что цифра 36 применительно к ситуациям в трагедии, по-видимому, впервые была предложена итальянским драматургом Карлом Гоцци (1720—1806), автором хорошо известных у нас пьес «Турандот», «Любовь к трем апельсинам» и многих других. В 1830 году И. Эккерман (см. его «Разговоры с Гете». Русский перевод. М.—Л., 1934, стр. 495) записал: «Затем Гете заговорил о Гоцци и его венецианском театре, где актеры импровизируют, получая от автора лишь сюжет. Гоцци полагал, что существует только тридцать шесть трагических ситуаций; по мнению Шиллера их больше, однако на деле ему не удалось найти даже тридцати шести».

В отличие от литературоведа лингвист исследует не сюжетные, а лишь речевые ситуации. Различие это существенно. Сюжетные ситуации могут частично совпадать с ситуациями речевыми, а частично выходить за их пределы. Только те ситуации, которые связаны с «говорением» (в самом широком смысле), могут интересовать лингвиста.

Уязвимость подсчетов в литературоведении заключается в том, что их сторонники регистрируют обычно лишь количество тех или иных ситуаций. Этого оказывается явно недостаточно, особенно в такой области, как художественная литература. Хорошо известно, что один и тот же «треугольник» (например, женщина и двое мужчин) нередко скрепляет и сюжет великого произведения искусства и сюжет пошлейшего романа. Весь вопрос в «наполнении» этого треугольника, в том, рукою какого мастера и с какой целью он начерчивается.

В языкознании проблема складывается иначе, так как лингвист анализирует типичные и обобщенные речевые ситуации, речевые реакции человека. Отсюда и возможность построения типологии речи. Вместе с тем трудность проблемы типологии речи заключается в том, что формы речевых коммуникаций во многом зависят от того, как реагируют на эти формы сами люди в процессе общения. Диалог, как мы видели, безукоризненно правильный с чисто формальной точки зрения, может предстать как квазидиалог в семантическом плане. Нередко встречается и противоположное соотношение: при отсутствии внешних признаков диалога его элементы созревают в его же собственном антипode — в монологе («Я хочу высказать свои соображения. А где мы были при этом?» — из речи на собрании). Подобные же осложнения и

противоречия наблюдаются и в других признаках речевого акта.

Означает ли все это, что типология речи должна раствориться в типологии мысли? Разумеется, не означает. Задача типологии речи заключается в том, чтобы, классифицируя признаки речевого поведения человека, установить правильное соотношение между внешними (формальными) и внутренними (семантическими) особенностями подобных признаков.

Поясним на одном простейшем примере. Для диалога необходимо, чтобы стороны, принимающие в нем участие, как-то воспринимали слова собеседника. Лингвиста не интересует вопрос, какое житейское или научное содержание вкладывает в ту или иную реплику тот или иной собеседник. Но лингвист обязан исследовать минимум условий, без которых диалог не может быть диалогом. К этому минимуму условий относится обоюдная реакция собеседников. Без нее диалог превращается в квазидиалог. Существенно, что в подобный минимум условий входят не только внешние признаки самого диалога (коммуникация между двумя или несколькими лицами), но и его внутренние, семантические особенности (то или иное восприятие речи собеседника).

То же следует сказать не только о диалоге, но и о других признаках речевого поведения: коммуникативности — некоммуникативности, ориентированности, квантификативности, контактности и дистантности и т. д. Коммуникативность речевого акта предполагает определенную реакцию независимо от того, правильна ли она с точки зрения говорящего или неправильна. Этим последним типология речи отличается от типологии мысли. И все же сами признаки речевого акта всегда двусторонни: они характеризуются не только внешними формами проявления, но и внутренними побудительными импульсами.

Обобщенная семантика пяти признаков речевого поведения человека должна точно так же входить в типологию речи (наряду с признаками чисто формальными), как обобщенная семантика слова, отвлекаясь от индивидуальных и единичных осмыслений, органически входит в само понятие слова. Все эти особенности типологии речи увеличивают ее удельный вес в сфере общей — большой и важной — проблемы социологии языка.

Доктор филологических наук
Р. А. БУДАГОВ

**В следующем номере читайте
статью Л. И. Скворцова
„В жанре дамской повести“**

Дикторский текст в кино

— «Александр Македонский великий человек, но стульев ломать не следует!». Откуда это выражение? — спросил однажды преподаватель слушателей университета культуры.

— Реплика Фурманова из фильма «Чапаев», — не задумываясь, ответили одни.

— Слова городничего из «Ревизора» Гоголя, — подумав, заявили другие.

— Нечто подобное действительно первым произнес Антон Антонович Сквозник-Дмухановский. Комиссар легендарной дивизии сказал иначе. Вспомните-ка. А приведенная мною фраза принадлежит сварливому отставному генералу из рассказа Чехова «Скука жизни», — уточнил преподаватель.

Любопытный факт: первое, что вспомнили слушатели, был кинофильм, а не комедия Гоголя и не рассказ Чехова. И это не случайно. Ни одно из искусств не имеет такого широкого и тесного общения с массами, как звуковой кинематограф. Кино проникло в самые отдаленные уголки земли и завоевало сердца миллионов. Нет такой области культуры, в развитии которой не участвовало бы кино. Особая роль принадлежит ему в пропаганде культуры речи, в совершенствовании современного русского литературного языка. Звуковое кино очень популярно и его словесные реплики крепко «въедаются» в сознание видевших фильмы. Немало слов и выражений перешло с экрана в живой разговорный язык. Часто приходится слышать фразы вроде: «Бывалов на проводе», «Муля, не нервйруй меня!», «Я, кажется, попрошу», «Одеколон не роскошь, а предмет ширпотреба», «Я культурный человек и требую к себе культурного отношения» и многие другие.

Совершенно ясно, что речь в кино заслуживает самого серьезного внимания. Люди, создающие фильм, должны не только безукоризненно владеть литературной речью, но и учитывать особые законы речи в кино, определяемые его спецификой. В художественных фильмах и киножурналах речь передает многие оттенки живого разговорного языка: особенность произношения, продолжительность пауз, ритм, мелодику, ударение. Строгое следование правилам письменной речи здесь может привести к засушиванию текста, к снижению художественного качества всего произведения, отрицательно сказаться на его образном строе. Автор, работающий над

диалогом и монологом произведений киноискусства, готовит речь не для прочтения, а для произнесения, стремясь придать ей выразительные свойства разговорного языка.

На слушателя рассчитана и речь, транслируемая по радио. Однако нельзя речь в фильмах рассматривать по принципу, применяемому к радиопередачам. В радиопередачах, как и в печатных произведениях литературы, речь — единственное выразительное средство. Здесь все можно и нужно изобразить только с помощью слова, поэтому речевые средства должны использоваться наиболее полно. В произведениях же киноискусства, где содержание раскрывается в основном зрелищно, речь не главное выразительное средство, а дополнительное.

Речь в кино в силу исключительного развития зрелищной стороны отличается и от речи в театре своей краткостью, смысловой емкостью, большей естественностью произношения. В кинематографе подробное изложение мыслей не обязательно: оно может лишь утяжелить восприятие, которому помогают жест, мимика, крупный план. Отпадает необходимость и в какой-то особой, сценической постановке речи у киноактеров.

Чаще всего с экрана звучит диалог, который должен обладать всеми особенностями, характерными для разговорной речи. Но и монолог, занимающий в кино большее место, чем в театре, также приближается к разговорно-бытовому стилю. Эмоционально напряженный кинематографический монолог в игровом фильме может принимать вид отдельных реплик, как бы превращаясь в диалог и проявляя тенденцию к сближению с разговорной речью.

Звучащая с экрана речь изобилует паузами. Чаще это наблюдается в диалогической речи. В монологах (куда относится также «голос от автора» или, как его иногда именуют на практике, «дикторский текст») подобные паузы также закономерны. Такие перерывы речи не нарушают логическую связь между соседними предложениями. Зрительные и слуховые восприятия как бы сливаются в единое целое. Дополняя изображение словом, автор произведений киноискусства учитывает так называемый «эффект присутствия». Кинозрители, словно очевидцы происходящего, внимательно следят за экраном, они все время в курсе изображаемых событий. И автор, доверяя уму зрителей, умышленно делает паузы, которые в обычном монологе недопустимы.

Доминирующей формой звучащей речи в произведениях документального и научного кинематографа является авторский комментарий. Кинопериодика, как самая массовая и гибкая продукция кинопроизводства, — чрезвычайно действенное средство пропаганды слова. Нередко приходится слышать: «Так сказал диктор в киножурнале, поэтому и я так говорю». Многие ссылаются на диктора как на непререкаемый авторитет, по праву считая авторский комментарий эталоном высокой речевой культуры.

Речь авторского комментария в фильмах и киножурналах с точки зрения грамматики обычно правильна, так как текст редактируется специалистами. Если и встречаются отклонения от современных норм литературного языка, то они подчас возникают по вине дикторов, которые не всегда придерживаются общепризнанных орфоэпических правил. Именно по этой причине в 1956 году один из лучших сюжетов журнала Ростовской студии кинохроники «Новости недели» не был отмечен на всероссийском конкурсе.

Жюри отклонило прекрасный сюжет за то, что диктор в слове **фарфор** сделал ударение на **а**.

Зрители остро реагируют на появление в авторском комментарии различного рода ошибок. Стоило, например, в документальном фильме «Новый завод», созданном Нижне-Волжской студией кинохроники, диктору сказать: «с обеих сторон», как в Главк тотчас же поступило письмо возмущенного зрителя с указанием ошибки. Но такие погрешности в авторском комментарии — редкость. Гораздо чаще встречается правильная, но невыразительная, многословная речь.

Верным признаком высокой культуры речи в кино является краткость. В лучших фильмах и киножурналах комментатор ведет живой разговор со зрителем, как с умным собеседником, понимающим с полуслова, о чем идет речь. Примером тому может служить кинокартина М. Ромма «Обыкновенный фашизм».

Но иногда авторский комментарий настолько обширен, что забывает изображение. Словесная инфляция — один из существенных недостатков авторского комментария фильмов и киножурналов. Разновидностью словесной инфляции является пересказ содержания кадров и обобщения. Автор комментария, видимо, должен больше доверять зрителю, который сам может сделать верные выводы из увиденного и услышанного в кино.

Часто авторский комментарий пишется без учета специфики кино и скорее пригоден не для произнесения, а для прочтения. Вот пример из заказного технико-пропагандистского фильма «Противохимическая защита населения»: «Армия Советской страны, внесшая решающий вклад в дело разгрома фашизма, освободившая народы Европы от гитлеровской тирании, праздновала победу». Фраза слабо дополняет изображение военного парада на Красной площади. Подобного рода предложения чужды разговорной речи. В нем шестнадцать слов, не считая предлогов, два причастных оборота. Это затрудняет восприятие даже несложных мыслей, переданных диктором.

В авторском комментарии фильмов и киножурналов допустима и закономерна некоторая упрощенность в построении фразы. Многие слова, необходимые при письме, здесь заменяются изображением, игрой интонации, варьированием темпа и ритма речи. Наиболее доступны и понятны простые распространенные предложения с прямым порядком слов. Инверсия, разумеется, допустима, если вводят ее с целью придать предложению определенный смысловой оттенок.

Сложные предложения также имеют какое-то право на место в авторском комментарии. Они могут точнее, глубже, чем простые предложения, передать течение мысли, ярче выразить нарастание эмоций. Известны фильмы, в которых обширный авторский комментарий, состоящий из многословных, сложных предложений, хорошо воспринимается зрителями. Таков документальный фильм «В Лондоне», где комментирует изображение народного артист СССР С. В. Образцов.

Не свидетельствует о высокой культуре слова обилие числительных в тексте. Иногда цифр в авторском комментарии так много, что они, словно дымовая завеса, затуманивают смысл сказанного. Вот пример из киножурнала «Советский Урал» (1955, № 9): «В результате реконструкции и рационализации смогли поднять скорость бумажной машины на 40 метров в ми-

ниту против проектной, ... рабочее время довели до 23,5 часа вместо плановых 2,5 часа. Все это позволило давать дополнительно бумаги в сутки 15 тонн и 600 килограммов, из которой можно выработать 15 тысяч 600 книг, или 55 миллионов ученических тетрадей». Ну чем не бухгалтерский отчет или условие арифметической задачи? Опытные авторы стремятся заменять числительные образными сравнениями.

Снижает культуру авторского комментария и излишнее употребление терминов, профессионализмов и придуманных слов, смысл которых понятен не всем. Так, в киножурнале «Поволжье» (1956, № 26) закадровый голос сообщает о достижениях башкирских нефтяников следующее: «Мастер Гимазов поставил новый рекорд — три тысячи пятьдесят метров проходки на станкомесяца». Неужели нельзя было обойтись без придуманного слова-гибрида **станкомесяца**?

Разумеется, не всегда термины, в частности, специальные, обозначающие строго определенные понятия в науке, технике, искусстве, можно и надо заменять близкими по смыслу общепринятыми словами. В научно-популярном кино, например, без терминов обойтись нельзя. Но, употребляя термины, их надо пояснять.

Важнейшие достоинства речи авторского комментария — точность и конкретность. Однако кинематографисты не очень строго следуют этому элементарному требованию. В речи диктора сплошь да рядом встречаются слова, которые придают содержанию киножурналов и фильмов неправильный оттенок или вообще не несут никакой смысловой нагрузки. Например: «Одна такая деталь, стена комнаты, весит свыше пяти тонн», — говорит диктор в сюжете о преимуществе строительства домов из пенобетонных плит (киножурнал «Советский Урал», 1958, № 21). Слово **свыше** здесь искажает смысл предложения. Большой вес стен не показатель достижений в конструкции домов. Скорее наоборот.

«А слева — черные пятна, сигнализирующие о скрытой в глубинах металла пустотелой раковине» (киножурнал «Поволжье», 1958, № 6). Слово **пустотелой** здесь лишнее. А какой же еще может быть раковина? В «Толковом словаре русского языка» под редакцией проф. Д. Н. Ушакова слово **раковина** определяется как 'пустота, выбоина в выделанном металле'.

«Победили самые смелые и выносливые», — комментирует диктор изображение финала мотокросса (киножурнал «Новости недели», 1966, № 37). Пустая, ничего не дающая фраза. А как же иначе? Кто же победит, как не самые смелые и выносливые?

Примером неточности речи, присущей только кинематографу и телевидению, может служить несоответствие авторского комментария изображению. Так, в киножурнале «Советская Карелия» (1965, № 10) диктор при изображении небольшого количества мелкой картошки утверждает, что применение механизации дало богатый урожай. Несоответствие это часто усиливается неправильной интонацией, с которой произносится текст. Например, в документальном фильме «У подножья Казбека» диктор на кадрах, в которых изображена птица удод и что-то вроде чертополоха, с пафосом говорит о современности.

Авторы, работающие над текстом хроникальных киножурналов, не всегда бывают на месте съемки — это одна из причин появления неинтересного,

лишенного конкретности комментария. К тому же, на подготовку авторского комментария в кинопериодике нередко отводится несколько часов, Спешка, разумеется, отрицательно сказывается на качестве киножурналов.

Звуковая организация текста также заслуживает внимания. Комментарий фильмов не всегда благозвучен. Мало в нем настоящей выразительности, игры интонаций, легкости, которая присуща хорошей речи, живому народному языку. Одни и те же звуки в предложении повторяются излишне часто. Вот залп звуков **по** в киножурнале «Новости недели» (1966, № 39): «Первое поколение потомственных железнодорожцев пошло только во второй класс».

Авторский комментарий засорен не только словами-штампами, но и застывшими словосочетаниями. Вот примеры: «Отсутствием аппетита никто не страдает»,— рассказывает диктор о школьниках, остановившихся на привал во время похода (киножурнал «Новости недели», 1955, № 13); «Да, здесь никто не страдает отсутствием аппетита»,— слышит зритель голос за кадром, наблюдая, как утята жадно поедают корм (киножурнал «Советский Урал», 1955, № 24); «На отсутствие аппетита здесь никто не жалуется»,— это уже говорится о прожорливых поросятах (киножурнал «Наш край», 1955, № 38). Слишком часты словосочетания типа: «Есть чему поучиться», «Есть что показать», «Есть что посмотреть».

Видимо, надо шире привлекать к работе в кино писателей, а также актеров — мастеров слова, знающих, любящих и хорошо чувствующих язык. Борьба за чистоту речи в кино не означает выхолащивания из нее ярких выражений и богатой разговорной интонации. Наш живой язык — неиссякаемый источник усиления выразительности всех форм речи в фильмах и киножурналах. Заимствование замечательных качеств и форм живого языка — один из реальных путей улучшения речи в произведениях киноискусства. Путем этим издавна идут художники слова в литературе и театре.

Для разговора с кинозрителями пригодна только хорошая речь, точная, выразительная, понятная и благозвучная, то есть речь, которой присущи черты высокой культуры.

Кандидат искусствоведения
Е. И. НЕДУГОВ

Живут ли «мамки» в поселке Мама?

В современном русском языке весьма часты случаи, когда название жителя того или иного города, села и т. д. существует, а соответственное с ним название жительницы отсутствует. Например, житель

поселка Средняя Ахтуба Волгоградской области — среднеахтубинец и ахтубинец, а жительницы, однако, *среднеахтубинками* и *ахтубинками* не зовутся. Житель поселка Тисуль Кировской области — тисульчанин и

тисулец, но *тисульчаниок* или *тисулек* нет. И таких случаев очень много.

«Словарь названий жителей РСФСР» под редакцией А. М. Бабкина (М., 1964; далее — «Словарь»), зафиксировавший, как зовутся уроженцы Порхова и Ельцовки, Калуги и Новокуровка (две тысячи населенных пунктов Российской Федерации, около шести тысяч наименований), содержит 43 процента названий жителей-мужчин, женских же параллелей к ним только 10 процентов.

Но даже в тех случаях, когда женские соответствия к мужским названиям существуют, употребляются они в литературной и особенно устной речи весьма редко. Так, за октябрь месяц 1965 года Ивановская областная газета «Рабочий край» 48 раз назвала жителей мужчин *ивановцами*, 8 раз — *ивановец*, а названия жительниц не встретилось ни разу, хотя оно существует: *ивановка*.

(√ Что же здесь мешает «равноправию»? Причины самые различные: лексические, морфологические, исторические и т. д. Сюда относятся и «консерватизм, противодействие самой языковой системы...», «а также объективность, свобода от экспрессивных примесей... обозначений мужского рода, сравнительно с экспрессивно окрашенными парными словами женского рода...» (В. В. Виноградов. Русский язык. М. — Л., 1947, стр. 66, 67).

Почему, например, от топонимов на *-ка*: Благовещенка, Ельцовка, Чесновка, Екатеринославка, Тальменка, Тамбовка, Федоровка, Алексеевка, Борисовка и многих подобных есть названия лиц мужского пола (благовещенец, ельцовец и т. п.), но нет названий лиц женского

пола *благовещенка, ельцовка* и т. п. (см. «Словарь»)? Да потому, что в этом случае возникновению женских параллелей противодействует сам лексический материал, избегающий излишних омонимических, т. е. одинаково звучащих, но имеющих различное значение, образований. Ср.: Ельцовка — село Алтайского края и *ельцовка* — жительница этого села, Новокуровка — село Хабаровского края и *новокуровка* — жительница, живущая в этом селе. Даже если от топонима на *-ка* название жителей образуется (при помощи суффикса *-ец* и производных), женских соответствий почти не наблюдается. Например: Шилка — шилкинец, шилкинцы, но название жительницы города Шилка в «Словаре» не отмечается; Сатка — саткинец, саткинцы, но *саткинки* нет; Старая Кулатка — только старокулаткинец, старокулаткинцы; Аксарка — аксарковец, аксарковцы, женская параллель опять отсутствует.

Нет названия жительниц с суффиксом *-к(а)* и от топонимов, оканчивающихся на *-г*. Например: Петербург — петербуржец, Гамбург — гамбуржец, Калуга — калужец, Кондопога — кондопожец и т. д., но слов *петербуржка, гамбуржка, калужка, кондопожка* нет. Жительниц этих населенных пунктов называют *петербуржанка* («малокровные петербуржанки» — Т. Щепкина-Куперник. Театр в моей жизни), *калужанка* и т. п. А. П. Чехов в письме к Л. А. Авилловой употребил редкое образование *петербуржица* («Впрочем, Вы петербуржица, вы не соглашаетесь со мною ни в чем...»).

Почему же соответствие *-жец, -жка* нехарактерно? Это объясняется тем, что названия *жительниц* на *-жка* (в производных *-шка*) несут на себе сниженную экспрессивно-

эмоциональную окраску. Ср.: *кондо-пожка* (Кондопога), *пражка* (Прага), *кузюжка* (Кузюг), *моложка* (Молога), *чикажка* (Чикаго). Сниженная экспрессивная окраска переносится сюда, видимо, с образованных тоже при помощи ласкательного или уничижительного суффикса *-к(а)* или его производных слов типа: дорожка, учительшка, куличика, подружка, страстишка, — нередко имеющих характер просторечности и выражающих пренебрежение, насмешку.

Видимо, по этой же причине часто отсутствуют названия жительниц с суффиксом *-ичк(а)*. Например, о женщинах, живущих в Выгоничах, Выми, Вятке, Гдове, Порхове, Яхромах, не скажут *выгоничка, вымичка, вятчичка, гдовичка, порховичка, яхромичка*, хотя жителей-мужчину называют — выгонич, вымич и т. п. (см. «Словарь»).

Правда, ряд названий лиц на *-ич* имеет соотносительные женские параллели на *-ичк[а]*: *пскович* — *псковичка* (Псков), *москвич* — *москвичка* (Москва), *томич* — *томичка* (Томск), *омич* — *омичка* (Омск), *чухломич* — *чухломичка* (Чухлома), *кромич* — *кромичка* (Кромы) и некоторые другие. Но в вариантах женского рода от этих слов, на наш взгляд, есть некоторый налет той экспрессии, которая поменшала образовывать и сделать употребительными наряду с названиями на *-жец* названия на *-жка* (пражка и т. п.). Несколько снижено звучат и женские параллели на *-ачк[а]* (*ячк[а]*) к мужским названиям на *-ак(-як)*: *пермячка* (Пермь), *пензячка* (Пенза), *симачка* (Сим), *межачка* (Меженский район), *кунгуричка* (Кунгур), *ельнячка* (Ельники), *вохмячка* (Вохма) и другие, напоминающие слова с яркой уничижительной

экспрессией типа: *чудачка, вертячка, мерзлячка, пошлячка*.

Мало распространены и весьма не характерны пары типа *артековец — артековка*. Как справедливо отмечает В. В. Виноградов, «суффикс *-овк(а)* со значением лица гораздо менее продуктивен, чем *-овец* (ср. *толстовец*, но *толстовка* — рубашка). По-видимому, суффиксу *-овк(а)* приходится преодолевать сопротивление традиции. В дореволюционном языке [да и в современном тоже. — Г. И.] выделялась группа слов на *-овк(а)* с пренебрежительным оттенком: *воровка, мотовка, чертовка, хрычовка, плутовка*» (В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 135).

Нет названий женщин на *-овк[а]*, при имеющихся словах на *-овец*, от населенных пунктов Яльчики, Вязники, Турки, Высокое, Пено, Дно, Асино, Лазо, Калач (см. «Словарь»), Кресты, Крутое, Шарашы, Котлас, Липда, Суха, Лог и многих других (сведения местных жителей — студентов Горьковского пединститута). Подсчет по «Словарю» показал, что из отмеченных 80 названий с суффиксом *-овец* только 12 имеют женские параллели на *-овк[а]*. Например: *пестяковец* и *пестяковка* (Пестяки), *безенчуковец* и *безенчуковка* (Безенчук).

Редко называют жительницу той или иной местности и таким образом: *бугульминка* (Бугульма), *краснилка* (Красны), *шумячилка* (Шумячи). Мы считаем, что и здесь причина та же — в ощущении связи наименований лиц женского пола с ласкательно-уменьшительным суффиксом *-илк(а)*, встречающимся в словах типа: *перстинка, травинка, пылинка*.

Употреблению суффикса *-илк[а]* (*-ялк[а]*) в названиях лиц женского пола часто мешает влияние омопи-

лично-предметного суффикса в словах типа: стеклянка, овсянка, жестянка. Ср. например: Локня — локнянец и *локнялка*, Колпны — колпнянец и *колпнялка*, Калга — калганаец и *калганка*, Кемля — кемлянец и *кемлянка*.

Суффикс *-анк[a]*(*-янк[a]*) стал, однако, довольно распространенным в наименованиях женщины по их принадлежности к какой-либо национальности. Например: итальянка, мексиканка, марокканка и др., по Котлас — только котлашанка, Фатеж — только фатежанка, Чермоз — только чермозянка (см. «Словарь»), хотя, казалось бы, соответствующие варианты женского рода могли быть образованы и вполне употребительны. Ведь называем же мы жительниц населенных пунктов Чернушка, Себеж, Кильмезь — чернушанка, себежанка, кильмезянка, а женщины, живущих в городе Россошь, — росошанка. Чем же хуже слова *котлашанка*, *фатежанка*, *чермозянка*? Они звучат почти одинаково.

А теперь посмотрите следующую таблицу:

Название населенного пункта	Название жителя	От. соответствующее название жительницы
Камень-на-Оби	каменец	каменка
Родино	родинец	родинка
Шарап	шарапнец	шарапка
Кромь	кромец	кромка
Оса	осинец	осинка
Манский (район)	манец	манка
Копейск	копеец	копейка
Татарск	татарец	татарка
Вольнский (район)	вольнец	вольница
Половинское	половинец	половинка

Список, взятый нами из «Словаря», можно было бы продолжить, но и это достаточно убедительно показывает, как на фоне объективных

абсолютно нейтральных названий жителей мужчин варианты женского рода выступают с яркой экспрессивной окраской, вносимой образующим суффиксом. Этот же суффикс зачастую создает предпосылки для двусмысленного понимания (результат возникающей омонимии): *осинка* — жительница села Оса Иркутской области, *шарапка* — жительница села Шарап Башкирской АССР (и народное просторечное название майского жука). А чего стоит *копейка* — название жительницы города Копейск Челябинской области? И, конечно, жительница поселка Мама Иркутской области не называют *мамками*, так как и это название (она — мамка) двусмысленно. Ср.: «*Мамки* одевали, кормили Илюшу Обломова» (т. е. кормилицы, няньки); «*Мамки* встретили День 8 Марта трудовыми успехами» (это уже о жительницах поселка Мама).

Где же выход? — Прибегнуть «к помощи» суффикса *-анк(a)*. Он, как и суффикс лиц мужского пола *-чанк*, однозначен, не обременен какими-либо дополнительными смы-

словыми или экспрессивными «настройками». Поэтому не случайно в тех случаях, когда требуется назвать именно «словом-термином», а

не словосочетанием и не субстантивированным прилагательным жительницу населенного пункта, обычно используют этот суффикс, даже если название лица мужского пола образовано не с помощью *-чанин*. Например: Карсун — карсунцы, карсунец, *карсунчанка*; Тарасовский (поселок Ростовской области) — тарасовцы, тарасовец, *тарасовчанка*, Чалтырь — чалтырцы, чалтырец, *чалтырчанка*, Тербунь — тербунцы, тербунец, *тербунчанка*, Доброе — добровцы, добровец, *добровчанка*, Ставрово — ставровцы, ставровец, *ставровчанка*, Кинель — кинельцы, кинелец, *кинельчанка* (см. «Словарь»).

Суффикс *-чанка* устранил тот налет экспрессии, который ощущался бы в названиях: карсунка, тарасов-

ка, чалтырка, тербунка, добровка, ставровка, кинелька. Слова *кинелец* и *кинелька*, *карсунец* и *карсунка* не воспринимаются как равноценные. А вот *кинелец* и *кинельчанка* в равной степени ясны, понятны, нейтральны, в равной степени выражают одно понятие — житель города Кинель. Никакого другого смысла, чем тот, который заключен в наименовании *кинелец*, слово *кинельчанка* не имеет, кроме указания на женский пол.

А как же назвать жительницу поселка Мама? — *Мамчанкой*. Такую рекомендацию и дает «Словарь названий жителей РСФСР».

Г. И. ПЕТРОВИЧЕВА,
старший преподаватель Глазовского педагогического института

О колебаниях в употреблении форм *дверь — двери, дверца — дверцы*

Форма множественного числа *двери* указывает не только на множественство, но и употребляется в значении единственного числа. Вместо конструкции: стоять у двери, стучать в дверь и т. д. нередко встречается: стоять у дверей, подойти к дверям и т. д. Весьма часто колебание в употреблении форм *дверь — двери* (для обозначения единственного числа) можно отметить и в произведениях русских писателей XIX—XX веков. Например: «...Вдруг боковая дверь открылась, двое слуг вталкивают в нее француза и запирают ее на ключ», «Все сбегались. Двери открылись, Кирилла Петрович вошел,

изумленный развязкою своей шутки» (Пушкин. Дубровский); «В это время старый есаул подошел к двери и назвал его по имени...», «Поставив у дверей трех казаков... я обошел хату и приблизился к роковому окну...» (Лермонтов. Фаталист); «Когда вы услышите стук в двери, вы развяжете себе глаза,— прибавил Вилларский... В дверь послышались сильные удары» (Л. Толстой. Война и мир); «Клим Самгин постучал ногою в дверь, чувствуя желание уйти со двора, но в дверях открылась незаметная узкая калиточка» (Горький. Жизнь Клима Самгина).

Любопытно, что форма *двери* в применении к одному предмету нередко осмысливается как единственное число, поэтому зависимые от нее слова могут стоять в единственном числе. Например: «...Поставил у дверей каких-то капельдинеров с красными воротниками в галунах, которые брались за ручку дверей и отворяли ее всякому приходившему» (Гоголь. Шинель).

Форма множественного числа вместо формы единственного употребляется также и в переносном значении: «Лгунишка он, картежник, вор. Я от него и двери на замок, да мастер услужить» (Грибоедов. Горе от ума); «Здравствуй же, племя, вскрывающее двери нам в век впереди!» (Брюсов. Красное знамя). Ср. аналогичные конструкции с формой единственного числа: «открыть дверь жизни, ломиться в открытую дверь и т. п.

В академическом «Словаре русского языка» под редакцией Я. К. Грота (СПб., 1891—1895) применение формы множественного числа *двери* вместо формы единственного числа *дверь* объясняется так: «мн. число употребляется для означения одной двери, состоящей из двух створок». Этот комментарий, принятый также семнадцатитомным академическим «Словарем современного русского литературного языка», не дает полного объяснения. Вот пример, явно ему противоречащий: «За дверью послышались поспешные шаги. Быстро отворились обе половинки двери, камергер, отворявший, почтиительно остановился, ожидая...» (Л. Толстой. Война и мир); «Да, за Керженцем, — молвил Алексей, — жадно глядя на белую как мрамор створчатую дверь, за которой, сдавалось ему, стояла Мария Гавриловна» (Мельников-Печерский. В лесах).

С другой стороны, и это важно, форма множественного числа часто употребляется в тех случаях, когда речь идет об одной двери, не имеющей створок (примеры см. выше).

Использование формы множественного числа вместо единственного объясняется, на наш взгляд, другими причинами: в свое время оно было вызвано представлением о сложности обозначаемого предмета, наличием множества в единстве. Ср., например, такую загадку о дверях: «Два стоят, два лежат, пятый ходит, шестой водит». В этом смысле форма *двери* вместо *дверь* стоит в одном ряду с формами множественного числа: казармы, антресоли, ширмы, кресла, рамки, нарты, передки и т. п. (которые также применяются вместо соответствующих форм единственного числа). До середины XIX века эти формы обладали некоторой продуктивностью и имели сравнительно широкое распространение. Слова *кресла*, *ширмы* употреблялись в первой трети XIX века по отношению к одному предмету лишь во множественном числе. Более употребительной в то время была и форма множественного числа *двери*. По свидетельству И. И. Срезневского, слово *дверь* в древнерусском языке употреблялось «чаще во множественном числе» (Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I. М., 1958, стр. 648). Отметим, кстати, что в современном украинском и белорусском языках *двері*, *дзвері* употребляются только во множественном числе. В «Словаре Академии Российской» (СПб., 1789—1794) почти все примеры к этому слову даны во множественном числе. В былинах, записанных в середине XIX века, форма *двери* применяется по отношению к одному предмету так же часто, как и

форма единственного числа *дверь*.

Со второй половины XIX века значение множества в названиях сложных предметов уже не выделяется, поэтому формы множественного числа быстро сокращают сферу применения. Однако форма *двери* сохраняется. Например, в романе Л. Толстого «Война и мир» 312 раз употребляется форма единственного числа *дверь* и 40 раз (в том же значении) форма *двери*. В романе Л. Леонова «Русский лес» соответственно 47 и 5, в романе Л. Никулина «Мертвая зыбь» — 102 и 17, в повести Н. Думбадзе «Я вижу солнце» — 30 и 13.

В настоящее время форма *двери* употребляется несколько реже, чем раньше, однако это не дает никаких оснований считать ее устаревшей или предполагать, что она в ближайшем времени отомрет.

Важно отметить, что в употреблении форм *дверь* и *двери* сейчас заметилась некоторая семантическая дифференциация. Форма единственного числа применяется обычно для обозначения полотна двери или одной из ее створок. Для одновременного обозначения полотна и проема в стене обе формы используются почти равноправно. Вот несколько примеров (форма *дверь* обозначает полотно, а форма *двери* — полотно и проем в стене одновременно): «...Вдруг стук у дверей заставил его вздрогнуть и очнуться. Дверь открылась и вошел лакей в богатой ливрее» (Гоголь. Невский проспект); «Дверь и окна раскрыты настежь. Входит Вишенкин и останавливается у дверей» (Иванов. Праздник святой Ерохи); «Он задержался у дверей квартиры, взялся за подбородок. „Борода отросла, пожалуй, сразу не узнают“, — подумал он и позвонил. Дверь открыла дочь и

действительно не узнала его» (Никулин. Мертвая зыбь).

Как указание на место нахождения слово *дверь* (в этом случае в составе фразеологических оборотов: *стоять — находиться — в дверях*; *появиться в дверях*; *согнуться в дверях и под*.) употребляется обычно только во множественном числе: «Гут он было выпел, но остановился в дверях, оглянувшись на простреленную мною картину...» (Пушкин. Выстрел); «Меня в дверях встретил казак с испуганным лицом» (Лермонтов. Тамань); «В дверях стоял швейцар и таинственно манил меня пальцем» (Аверченко. Поэт); «„Schön“, — сказал немец и, согнувшись в дверях, вернулся в столовую» (Фадеев. Молодая гвардия). Ср. редкую форму единственного числа *дверь* в составе конструкции: «По не договорил: в двери вырос Володька-арестант» (Огнев. Дневник Кости Рябцева).

Слово *дверца* в значении небольшая створка, закрывающая какое-либо отверстие тоже употребляется во множественном числе для обозначения одного предмета. Использование форм *дверцы* наблюдается обычно по отношению к печным дверцам и дверцам кареты: «„Постой, постой!“ — закричал вдруг Максим Максимыч, — ухватясь за дверцы коляски» (Лермонтов. Герой нашего времени); «Великан положил обе руки на дверцы, наклонив вперед свою мохнатую голову...» (Гургенев. Стучит).

В первой половине XIX века существительное *дверца* употреблялось обычно во множественном числе. В «Словаре Академии Российской» и в «Словаре церковнославянского и русского языка» (СПб., 1847) это слово и примеры к нему (дверцы в оконнице, печные двер-

цы) даются исключительно во множественном числе. Как существительное, употребляемое только во множественном числе, рассматривает слово *дверцы* П. Греч в «Руководстве к преподаванию по учебной грамматике русской» (СПб., 1851, стр. 17). По свидетельству И. И. Срезневского, это существительное в древнерусском языке чаще употреблялось во множественном числе.

Начиная с середины XIX века, форма *дверцы* в значении единственного числа быстро выходит из употребления. Если у Пушкина, Лермонтова, Гоголя по отношению к одному предмету используется только форма *дверцы*, то у Герцена в этом значении применяется уже и *дверца*: «Я посмотрел на него, затворил дверцу коляски и сказал...», «Я отворил дверцы и она бросилась ко мне на шею» (Былое и думы). Это изменение в употреблении форм *дверцы* — *дверца* отмечено в «Толковом словаре» В. И. Даля. Здесь они даются уже в качестве равноправных (как и формы *дверь* — *двери*).

К концу XIX и началу XX века форма *дверцы* по отношению к одному предмету стала уже редкой. Поэтому едва ли обоснована помета «чаще мн.», которая дала в «Словаре русского языка» под редакцией

И. К. Грота. В произведениях Л. Толстого, Чехова слово *дверца* по отношению к одному предмету применяется обычно в единственном числе (отворить дверцу, стучать в дверцу, закрыть дверцу).

Толковые словари советской эпохи не отмечают никаких особенностей в употреблении формы *дверцы*, между тем (возможно под влиянием формы *двери*) она употребляется иногда в значении единственного числа: «На другой день прямо у себя в ограде соорудил я из досок сарайчик, покрыл его сверху корой и приделал дверцы» (Пшенинник. Тоба); «А машина „Скорой помощи“ сворачивает на маргеланский рынок. Отворяются дверцы. Вы ждете, что оттуда выйдут санитары в белых халатах» («Крокодил», 1967, № 6); «Щенок завяз в дверцах» (из разговорной речи).

По аналогии с формой *дверцы* для обозначения одного предмета иногда используется и форма *дверки*. Например: «Открылись дверки самолета, и по трапу стали спускаться пассажиры», «Вы слышите, как скрипят мои дверки?» (из газет и радиопередач).

Кандидат филологических наук
Д. И. АРБАТСКНИИ

«Сам идет, самой ведет»

Обычно мы представляем себе грамматику языка как нечто идеально упорядоченное. В общем такое представление справедливо. Именно единообразие грамматических форм и регулярность действия

правил обеспечивают бесперебойную работу столь сложной системы, как язык; самые различные по смыслу слова выстраиваются в ряды, подчиняющиеся обязательным для каждого из них правилам.

Но при всей упорядоченности грамматики грубой ошибкой было бы видеть в ней что-то неподвижное, окончательное: в этих стройных рядах беспрестанно происходит движение — колебания грамматических форм, приводящие в конечном счете к смене одной формы другой. Колебания форм, их вариантность — это «точки роста» в грамматической системе. Ведь наличие вариантов предполагает не только выбор одного из них в каждом конкретном случае, но также и их конкуренцию. В итоге обычно один вариант вытесняет другой (последний получает в словарях помету «устарелое» — все равно как бывший чемпион приставку «экс»!).

Подобное «выяснение отношений» между вариантами может иногда показаться просто беспорядочным, хаотическим состоянием какого-либо звена грамматической системы. Задача языковеда — вскрыть в этих колебаниях механизм развития языка. Об одном таком колебании в русской грамматике мы и хотим рассказать.

1) «*Самой*. Всп. пад. жен. р. местоимение *сама*... Напротив, форма *саму*, нередко встречающаяся в печати, совершенно не согласна с живым языком и ничем не оправдывается» (Я. К. Грот. Филологические разыскания. СПб., 1873, стр. 596—597).

2) «...*самой* более приятно, чем *саму*, хотя и последнее встречается в печати» (В. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. СПб., 1911, стр. 94).

3) «...из двух употребляющихся форм — *самой* и *саму* — первая является более литературной, но форма *саму* уже с XIX века получила

широкое распространение, которое привело к сосуществованию этих двух форм» («Грамматика русского языка». Т. I. М., изд-во АП СССР, 1952, § 651, стр. 403).

4) «В XX веке форма *самой* оказалась почти полностью вытесненной формой *саму*» (А. Б. Шапиро — сб. «Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века». М., 1964, стр. 578).

5) «...нормой современного (в узком смысле) русского литературного языка следует считать форму *саму*, форма же *самой* постепенно уходит из живого употребления» (К. Горбачевич — «Русский язык в национальной школе», 1966, № 2, стр. 17).

За этими оценками скрывается целая драма, «падение» одного варианта и «возвышение» другого...

С середины XIX века развертывается единоборство форм *самой* и *саму*. И во второй половине XIX века и в начале XX века *самой* соответствовало литературной норме.

«Марина. Нет, он знает, что я не люблю никаких подделок под жизнь... Я люблю саму жизнь... или *самой* жизнь? Как правильнее?»

К а м б о д ж и о. *Самой*.

Марина. Делать нечего, *самой* так *самой*» (А. И. Сумбатов-Южин. Вожди [1908], д. 1, явл. 7.— Полное собрание сочинений. Т. 4. М., 1909, стр. 433).

Однако в XX веке начинает широко употребляться форма *саму*. Причину этого А. Б. Шапиро видит в «стремлении к приравниванию формы винит. пад. местоимения женск. рода *сама* к аналогичной форме местоимений *эта — эту, та — ту, вся — всю, моя — мою* и числительного ме-

стоимення *одна — одну*» (указ. соч., стр. 578). (Любопытно, что еще Ф. И. Буслаев ставил *саму* в этот же регулярный ряд, противопоставляя ему старинные или диалектные формы: «В разговорном языке вин. пад. жен. рода, вм. *всю, одну-ту, саму*, употребляется *всее, одное, тое, самое*». — «Историческая грамматика русского языка». М., 1959, § 93, стр. 204). В последние десятилетия, по-видимому, в связи с усилением влияния разговорной речи на литературный язык, особенно интенсивно распространяется вариант *саму* и в периодической печати и в художественной литературе.

Итак, тезис о «большей литературности» *самой* теперь уже устарел, но следует оспорить и вывод К. С. Горбачевича: «...нормой современного (в узком смысле) русского литературного языка следует считать форму *саму*...». Как известно, грамматики и словари отражают изменения в языке с некоторым отставанием (так, форма *саму* в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова характеризовалась как «областная», а в первых трех изданиях «Словаря русского языка» С. И. Ожегова не указывалась вовсе). К. С. Горбачевич, наоборот, опережает ход событий, объявляя нормой только один из вариантов — *саму*.

Вывод К. С. Горбачевича основывается на том, что в современном употреблении не только значительно преобладает форма *саму*, но и стилистически ограничена форма *самой*. «Устареваящая форма *самой* употребляется сейчас, как правило, лишь в стилистически приподнятых контекстах» (и далее — пример из романа С. Бабаевского «Свет над землей»: «Мы начинаем переделывать природу, понимаешь, са-

мой природу! Да знаешь ли, что это такое? Значит, наша жизнь выходит на самый широкий простор!»). Однако *самой* может употребляться и в иных по характеру контекстах. Ср. хотя бы следующие примеры:

а) в литературно-критическом жанре: «Климова в роли Нади... занимается самопоказом, демонстрирует *самой* себя» (Б. Галушко, К. Хадеев. Как важно быть серьезным.— «Театр», 1966, № 7, стр. 34); «... отвергает *самой* постановку вопроса...» (А. Галанов. С высоты эстетического идеала.— «Вопросы литературы», 1966, № 11, стр. 20);

б) в научных текстах: «... ограждал свое творчество и *самой* жизнью...» (В. С. Галацкая. Музыкальная литература зарубежных стран. Вып. I. М., 1963, стр. 22); «...*самой* борьбу он представлял делом не одиночек, а всей организации» (А. В. Клеяшкин. Народоонец А. И. Желябов.— «Вопросы истории», 1966, № 5, стр. 211); «...*самой* норму следует, видимо, рассматривать не как нечто изолированное, а как систему норм...» (В. Г. Костомаров, А. А. Леонтьев. Некоторые теоретические вопросы культуры речи.— «Вопросы языкознания», 1966, № 5, стр. 8);

в) в переводах художественных произведений: «— Я произила кичжалом твой портрет, ...и прнехала сюда, чтобы пронзить вот так же тебя *самой*» (Д. Лондон. Сердца трех. Перевод Т. А. Рудрявцевой. Гл. 26); «Мне будет нелегко описать также и *самой* Польдавию» (Робер Эскарри. Литератрон. Перевод Э. Лазебниковой. М., 1966, стр. 34) и др.

Надо учитывать также, что употребление *самой* характерно и для авторской речи ряда современных писателей, в том числе среднего и

младшего поколения (например, В. Тендрякова, С. Антонова, В. Колецового, Л. Обуховой, М. Апчарова); иногда можно обнаружить в одном произведении на равных началах *самой* и *саму* (например, в «Капле росы» В. Солоухина).

Следовательно, ограничение формы *самой* «стилистически приподнятыми контекстами» по меньшей мере неточно. Эти контексты могут быть характеризованы как книжные (или тяготеющие к ним); очевидно, и *самой* воспринимается как книжная форма. Но это вовсе не дает оснований для выведения варианта *самой* за пределы нормы современного литературного языка. В настоящий период соотношение форм *саму* и *самой* таково, что ни *самой* не смогло уже воспрепятствовать распространению *саму* во всех жанрах литературного языка, ни *саму* не удалось еще вытеснить из литературного употребления «устаревашее» *самой*; и *саму* и *самой* в настоящее время — варианты нормы.

Однако, как показывают наблюдения, границы колебания здесь шире, нежели только вариантность *самой* — *саму* (мы не говорим здесь о смешении форм краткого местоимения *сам* и полного *самый* — см. об этом: А. Б. Шапиро. Об употреблении местоимений *сам* и *самый* в русском языке. — «Труды Института русского языка». Т. II. М. — Л., 1950).

Оказывается, возможен случай, когда необходимость сделать выбор между вариантами *самой* и *саму* приводит к употреблению... третьей формы — *самой*. Форма эта — диалектная по происхождению, она стала употребительной в устной разговорной речи. И раньше *самую* проникала иногда в художественную литературу. Так, в журнальной редакции «Анны Карениной» Л. Н.

Толстого (1876 — 1877): «было не то, что стыдно, а неловко за *самую* себя...». Только в последнее время нами отмечен ряд подобных примеров в самых разных жанрах:

Твердит влюбленно,
как бывало,
когда цветы ходили рвать...
А *самую* ведь от штурвала
не отгнать,
не отогнать

(А. ЖУРАВЛЕВ. Андрей Васильев — комбайнер. — «Правда», 28 сентября 1957);

«...камера бежала вместе с ней, иногда находилась в руках Татьяны Самойловой, которая сжимала *самую* себя» (С. Урусевский. О форме. — «Искусство кино», 1966, № 2, стр. 30); «...забежал в дом, взял ребенка, схватил ее *самую* за руку...» (А. Пушкирь. В горящую избу... — «Известия», 16 ноября 1966); «...ее душевным миром он не интересовался ничуть, более того, считал его убогим, а *самую* ее жалкой и некрасивой» (О. Чайковская. Самое удивительное. — «Известия», 10 апреля 1967).

При грамматических колебаниях характерны случаи ошибочного употребления «устаревашего» варианта (смешение его с другими формами). Нечто подобное можно отметить и в отношении *самой*, например:

1) ошибочное употребление формы *самой* в именительном падеже (вместо *сама*): «Кибернетика — это область знания, где господствует пафос точности, где *самой* фантазия направлена прежде всего на то, чтобы выразить математически сложнейшие связи и отношения.» (В. Кожин. Кибернетика без вымысла. — «Московский комсомолец», 19 февраля 1966);

2) ошибочное употребление формы *самое* (без двух точек над *е*) при существительном среднего рода, в тексте, где невозможно прочтение

как *самое* (то есть вместо *само*): «...все гибнет, все превращается в народню на *самое* себя, чуть только к нему прикоснется мещанство...» (Л. Чуковская. «Былое и думы» Герцена. М., 1966, стр. 87); «...мещанство уже захватило важнейшие бастионы. Оно уже пожирает *самой* себя» (Н. Шантаренков. Один шаг к Шкваркину.— «Театр», 1967, № 2, стр. 128).

Итак: «Форма винительного падежа женского рода местоимения *сама* в современном литературном языке является колеблющейся» («Грамматика русского языка». Т. I, § 651). Норма современного русского литературного языка предлагает нам на выбор два варианта — *саму́* и *самой*. По отношению между ними равновесием не назовешь, варианты эти в употреблении неравноценны: *саму́* —

основной, «преобладающий», а вытесняемый им *самой* — «устаревающий». Заметим, что последний здесь является еще не «уступившим», а только «уступающим место другой, новой форме» (Е. С. Истрина. Нормы русского литературного языка и культура речи. М.—Л., 1948, стр. 26; разрядка моя.— *Б. Ш.*). Как долго будет тянуться процесс вытеснения одного варианта другим — сказать трудно, изменения в грамматической системе происходят медленно. Гораздо важнее подчеркнуть, что оба варианта возможны в пределах литературной речи, тогда как третий вариант — *самою́* — является отклонением от нормы литературного языка.

Б. С. ШВАРЦКОФ,
научный сотрудник Института
русского языка АН СССР

Об одной иллюзии

Существует мнение, что *эксплуатация* и *эксплоатация* — это не просто два варианта написания (и произношения), а два таких варианта, которые сигнализируют о двух разных значениях этого слова: например, *эксплуатация человека человеком* и *эксплоатация техники*.

Сначала — кратко об истории этого, заимствованного из французского, слова. Появление его было встречено блюстителями чистоты языка далеко не восторженно. «Толковый словарь» В. И. Даля характеризовал *эксплуатацию* как «слово крайне неуклюжее». По свидетельству Ю. С. Сорокина, оно начинает употребляться

авторами, пишущими по-русски, с середины 40-х годов XIX века. «Чем пристальнее становилось внимание русской публицистики к экономическим вопросам, чем быстрее развивались капиталистические отношения в России, тем чаще встречалось в печати и это слово. Во всяком случае с 60-х годов слово и его производные уже широко известны, и при этом в обоих своих значениях, относящихся к лицу («извлечение прибыли через присвоение продуктов труда других лиц») и к предмету («систематическое использование чего-либо для определенных целей»)» (Ю. С. Сорокин. Развитие словарного со-

става русского литературного языка. М.—Л., 1965, стр. 115). Любопытно, что В. Ф. Одоевский в примечании к своему рассказу «Город без имени» дает такой перевод этого слова: «наживка на чужой счет» (см. об этом в названной работе Ю. С. Соколова, стр. 115).

Начиная с 60-х годов XIX века *эксплуатация* замечена словарями иностранных слов. Однако некоторые из них дают не все значения этого слова: например, в «Словаре иностранных слов, употребительных в русской литературе» (М., 1861) *эксплуатация* толкуется лишь как 'разработка', а в «Полном словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (СПб., 1861): 'извлечение всевозможной прибыли'.

Заметим, как «время врывается» в словарь. Вот 1-е издание «Голковского словаря иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием корней» Н. Дубровского (М., 1866): «*Эксплуатация*, фр. 1) разработка; 2) пользование, извлечение всевозможных выгод из чего-либо». А вот 20-е издание того же словаря (теперь он называется «Полным толковым словарем всех общеупотребительных иностранных слов». М., 1912): «...1) извлекать выгоду; 2) пользоваться чем; 3) безжалостно, злостно пользоваться кем-либо». И, кажется, впервые в нашей словарной практике *эксплуатация* была зафиксирована как термин политической экономии в 1911 году «Новым полным словарем иностранных слов, вошедших в русский язык» (составитель Е. Ефремов, редактор И. А. Бодуэн де Куртэнэ): «...использование каких-либо естественных богатств, разработка, добыча; // извлечение доходов из какого-либо промышленного предприятия; // в политической экономии: извлечение

прибавочной ценности (точнее, стоимости.— Э. Х.) из чужого труда, особенно при жалкой оплате его; // обращение в свою пользу человеческого труда, присвоение плодов чужого труда, выжимание из кого соков». Ср. у И. Гавкина в «Карманном словаре иностранных слов» (Киев — Харьков, 1894): «...разработка, использование каких-либо естественных богатств; // извлечение доходов из какого-либо промышленного предприятия; // в переносном смысле — обращение в свою пользу человеческого труда. „выжимание соков“ из кого-либо».

Теперь о написании этого слова. Только *эксплуатация* в следующих словарях:

«Словарь иностранных слов, употребительных в русской литературе», «Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка», «Объяснение 8500 иностранных слов, вошедших в употребление...» (М., 1863, составитель М. Михельсон), «Настольный словарь для справок по всем отраслям знания» (СПб., 1864, составитель Ф. Толль), «Толковый словарь» В. И. Даля, «Словотолкователь 30 000 иностранных слов...» словарь Н. Дубровского, «Новый И. Ф. Бурдона (М., 1865), «Толковый словотолкователь» (М., 1881—1882), «Новейший полный справочный словарь 75 000 иностранных общеупотребительных в русском языке слов» (СПб., 1881), «Самый полный общедоступный словотолкователь и объяснитель 150 000 иностранных слов...» (М., 1898), «Объяснительный словарь...» В. Зелинского (М., 1901), «Новый, полный, толковый словарь иностранных слов...» (М., 1915, составители Г. Виллиам и И. Яценко), а также в словарях А. М. Виноградова (Одесса, 1907), С. Н. Алексеева (например, в 10-м издании, М., 1909).

В «Русско-французском словаре» под редакцией Л. В. Щербы (М., 1936) видим: «эксплуат//атор... ~ а́ция в разных значениях exploitation».

Только *эксплоатация* в разных изданиях словаря И. Гавкина (см., например, издание 1894 года), «Словаря иностранных слов» (составитель М. Е. Левберг, см., например, издание 1926 года).

Эксплоатация и *эксплуатация* в «Новом полном словаре иностранных слов...» Е. Ефремова, «Полном иллюстрированном словаре иностранных слов» И. Вайсблита (М.—Л., 1926), «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (М., 1938), в «Орфографическом словаре» Д. Н. Ушакова (30-е годы).

В 1965 году вышел последний том «Словаря современного русского литературного языка». В нем бегут друг за другом отсылки:

Эксплоатáтор. См. Эксплуататор.

Эксплоатáторский. См. Эксплуататорский.

Эксплоатáция. См. Эксплуатация.

Эксплоатáровать. См. Эксплуатировать.

При унификации правил русской орфографии (1956) из двух вариантов написания был выбран один *эксплуатация* как более соответствующий произношению этого слова в языке-источнике. Большой «Орфографический словарь» с первого же издания (М., 1956) дает только *эксплуатация*.

Интересно отметить, что, правя вторую корректуру «Программы Российской Коммунистической партии (большевиков)», В. И. Ленин на одной из страниц шесть раз исправ-

ляет о на у (*эксплуатация, эксплуататоров* и т. д.) и, обращаясь к директору, пишет на полях: «...Вы ошибаетесь. В первой корректуре, как и в старой программе, писалось **верно**: эксплуатация. Слово французское: „exploitation“, читается) „эксплуатацион“. 28 III 1919. Ленин» (Полное собрание сочинений. Т. 38, стр. 416—417).

Итак, сначала был один вариант написания и произношения этого слова в русской речи. Потом появился второй (как результат попытки приблизиться к буквенному соответствию с заимствованным словом), который стал господствующим в 30—40-е годы. После 1956 года вновь вернулись к первому варианту. Но никогда, ни в одном словаре за эти ми двумя вариантами не устанавливалось «распределения обязанностей», различия смысловых нагрузок. Таким образом, вывод о закреплённости за каждым из этих вариантов отдельного значения — попытка объяснить и, если хотите, оправдать их сосуществование, попытка, предпринятая силами рядовых носителей языка и чем-то напоминающая так называемую народную этимологию (превращение непонятных иностранных слов в «понятные» — ср. в народном русском языке *полуклиника, спинжак*, ср. пришедшее из диалекта *прохвост*, которое возникло там из *профос*). Случай с *эксплуатацией* можно, кажется, назвать народным *семасиологизированием*, или *народной семасиологией*.

Кандидат филологических наук
Эр. ХАНПИРА

Школьные кружки культуры речи

Школьная программа и организованные во многих школах кружки русского языка лишь частично затрагивают вопросы культуры речи. Вызывают тревогу примитивный, шаблонный язык школьников, бесцветные школьные сочинения, трафаретные выступления. На уроках русского языка учитель не имеет возможности заниматься правилами литературного произношения, вопросами лексической и грамматической стилистики, анализом выразительных средств русского языка. И в то же время должна быть найдена какая-то форма занятий: речи школьников необходимо уделять большое внимание, так как умение правильно, красиво и убедительно говорить — вопрос общей культуры человека.

Преподаватель Казанского университета Е. А. Бахмутова, подготовив и прочитав студентам в 1960 году факультативный курс «Культура речи», предложила некоторым из них организовать в школах специальные кружки.

А с 1965 года Е. А. Бахмутова уже при Казанском университете организовала для учеников старших классов кружок культуры речи. Занятия в кружке рассчитаны на один год и проводятся раз в неделю. Начинаются они вводной лекцией о культуре речи. Преподаватель рассказывает о красоте и богатстве русского языка, об известных ораторах, древних и современных, о том, какое значение люди придавали красноречию во все времена.

В программу кружка входят занятия по орфоэпии, лексике, фразеологии, грамматической стилистике, знакомство с выразительными средствами русского языка. Первая тема по лексике «Точность словоупотребления». Чаще всего ошибки здесь связаны с незнанием границ употребления слова, смешением сходно звучащих слов или с употреблением плеоназмов. Руководитель кружка дает несколько предложений с ошибками, просит найти их и объяснить. Затем преподаватель знакомит учащихся с правилами словоупотребления и дает несколько упражнений. (Можно использовать учебные пособия для вузов: Е. А. Бахмутова. Культура речи. 2-е изд. Казань, 1964; Е. А. Бахмутова. Выразительные средства русского языка. Лексика и фразеология. Казань, 1967; а также Б. М. Щербатский. Упражнения по стилистике. М., 1959.) На занятии уместно рассказать историю какого-либо фразеологизма или интересный эпизод из истории языка, а в конце — прочитать отрывок из произведений Тургенева, Пришвина, Паустовского или других писателей. После каждого занятия участники кружка получают творческое задание на дом: придумать небольшой рассказ с использованием синонимов из данной группы, отредактировать текст, «оживить» в тексте поблекшие фразеологизмы, придумать несколько метафор, сравнений, каламбуров и др. Для расширения словарного запаса школьников можно предложить им придумать определения к слову. Многие из этих определений могут оказаться прекрасными метафорами (унылые руки, руки-воришки, рафинированный ум, заскорузлый ум, нищая мысль, змея-улыбка, деревянная улыбка и др.).

В течение двух последних месяцев школьники готовят сообщение для кружка. Темы докладов: «Роль эпитета в поэзии А. С. Пушкина (на материа-

ле лирических стихотворений о природе)», «Школьный жаргон (на материале собственных наблюдений)», «Языковые штампы в школе (на материале собственных наблюдений)», «Особенности сценического произношения артистов Казанского драматического театра» и др. Работа над докладами учит ребят делать самостоятельные наблюдения над определенными языковыми фактами, излагать их хорошим литературным языком.

Занятия в кружке завершаются олимпиадой по русскому языку, которая проводится в Казанском университете с 1960 года: для 8—9 и для 10 классов отдельно. В ее программу входят задания по орфоэпии, грамматической стилистике, лексике и фразеологии. Олимпиада пробуждает в школьниках интерес к изучению культуры речи и помогает выяснить степень их подготовленности. Победители награждаются грамотами и подарками.

Студентка Казанского университета
З. А. БОБРОВА

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ВИКТОРИНА

1. Всем понятно значение слова *разглагольствовать*. Корень его, конечно, *глагол*, хотя в данном случае он и не обозначает часть речи. Наш *глагол* — старинное русское слово. Вспомните известную строку Пушкина: «Глаголом жгт сердца людей!».

Как переводится это старое слово на современный русский язык?

2. *Поздравляю!*.. Кажется, простое слово. А между тем наши предки вкладывали в него совсем иное значение. Какое?

3. *Граммфон*, *грамматика*, *грамота* — все эти разные слова имеют общую часть *грамм-* или *грам-*, которая была когда-то их корнем.

Из какого языка он взят? что означает?

4. В просторечии монету в 10 копеек называют *гривенником*, в 20 копеек — *двугривенным*.

Что обозначало древнерусское слово, от которого произошли эти названия?

5. В колыбельных песнях издавна повторяются слова *баю-бай*, *баюшки-баю*. Какой смысл имели эти слова в старину? Вспомните также, что означали слова *баять* и *байка*.

6. «У лукоморья дуб зеленый...». *Лукоморье* — красивое, необычное слово, когда-то оно обозначало нереальную страну, населенную сказочными существами. Определите, какие корни входят в состав этого сложного слова.

7. В русском языке встречаются слова, которые обладают интересным свойством; отнимая от них последовательно по одной букве, мы каждый раз получаем новое слово. Назовите хотя бы два таких слова.

8. Малыши в первом классе учат *азбуку*. Буквенную систему мы называем также *алфавитом*. И *азбука* и *алфавит* — сложные слова. Первое — русское, второе — иностранное.

Из каких частей они состоят, откуда пришло к нам слово *алфавит*?

Ответы см. на стр. 112

Стилистическая правка текста

Простота, ясность, точность, живость, популярность изложения — обязательные качества языка и стиля партийно-советской печати. Хотя редактирование (фактическое, научное, литературное и художественное) — единый творческий процесс, у литературного редактирования есть свои особенности, свои специфические задачи — это работа над языком и стилем рукописи.

Литературное редактирование не может быть успешным без учета функционально-стилистической отнесенности текста. Различные виды литературы (официально-деловая, научная, научно-техническая и научно-популярная, художественная, учебная, различные жанры газетно-публицистического стиля) обладают своей спецификой. Это необходимо учитывать при работе над языком и стилем рукописи. Например, речевые штампы и клише, вполне допустимые в официально-деловом стиле, невозможны в научно-популярной литературе; черты разговорного стиля, уместные в научно-популярной статье, окажутся инородными в деловом документе.

В работе над языком рукописи редактор встречается с ошибками лексического и грамматического характера.

Древние грамматики различали два вида языковых ошибок: варваризмы (ошибки в употреблении слов и их форм) и солецизмы (ошибки в сочетании слов и предложений).

Остановимся на типичных ошибках в выборе слов. Точность словоупотребления — одно из основных требований речевой культуры. Задача пишущего, говорил Л. Н. Толстой, найти «единственно нужное размещение единственно нужных слов», т. е. наиболее точное словесное выражение понятия.

Ошибка может возникнуть, если пишущий употребил слово без учета присущего ему в литературном языке значения (неправильное или неточное словоупотребление). Так, в предложении «Члены бригады пристально следят за чистотой своих рабочих мест» слово *пристально* употреблено без учета присущего ему в литературном языке значения. В четырехтомном академическом «Словаре русского языка» слово *пристальный* определено как ‘со-

средоточенный, напряженно-внимательный». Сосредоточенно или напряженно-внимательно можно смотреть на кого-то. Можно смотреть на кого-то пристальным взглядом. Следить же за чем-то можно только внимательно, выполняя, делая что-то тщательно, то есть «старательно, добросовестно, аккуратно, усердно, совершая со вниманием ко всем подробностям, мелочам» («Словарь русского языка» в 4-х томах). В предложении «Отдельные члены хореографического кружка не явились на городской смотр самодеятельности» не учтено значение слова *отдельные*. *Отдельный* значит «выделенный из ряда других, существующий самостоятельно в ряду других, не соединенный, не слившийся с другими в нечто целое». Следовало сказать: «некоторые члены кружка». Часты ошибки, связанные с употреблением лексических эквивалентов, т. е. слов, близких по значению к словам, которые необходимы по условиям текста. Так, в предложении «Много лет занимается пропагандистской деятельностью начальник управления товарищ Сидоркин» вместо слова *деятельность* в данном контексте более мотивированно прозвучало бы *работа* (лексический эквивалент слова *деятельность*). В предложении «Число оборотов вала непрерывно прогрессирует» слово *прогрессирует* употреблено без учета его семантики. Следовало выбрать один из контекстных синонимов: *растет*, *увеличивается*.

Нарушение контекстуальной связанности часто возникает в результате смешения переносного и прямого значений слов. Если почему-либо теряется связь образного и необразного представлений, содержащихся в слове, то употребление в переносном значении оказывается немотивированным. Например: «В черных глазах Мурида, затененных каймой усталости и пыли, блеснули искры», «Запевалой всех безобразий являлся Петров». Авторам этих предложений следовало или освободиться от метафоризации и выразить мысль, не используя образные средства языка, так как в основе слов, употребленных в переносном значении, нет связи образного и необразного представлений (первое предложение), или подобрать лексический эквивалент к неудачно употребленному в переносном значении слову (вместо *запевала* следует употребить *зачинщик*).

В контексте слово всегда должно быть однозначно. В следующих предложениях употреблены многозначные слова, из-за этого возникла двусмысленность, неясность высказывания: «В историческом конкурсе участвовали 50 лучших учеников московских школ» (следует: *в конкурсе по истории*); «На целину едут пионеры из самых различных мест нашей страны» (следует: *новоселы*).

Смешение разных по значению слов иногда может возникнуть в результате ложных ассоциаций. Это ошибки, связанные с неразличением паронимов. Некоторые авторы путают слова: проблемный — проблематический, стилевой — стилистический, основа-

ние — обоснование, эффе́ктивный — эффе́ктивный, сытый — сытный, первый — первичный, методичный — методический, огневой — огненный, статичный — статический, экономичный — экономический, субъективный — субъективистский, героический — геройский и проч.

Вот несколько примеров.

Зная значение выделенных слов, читатель сам легко исправит эти фразы: «В зале ожидания находилось много *командировочных*»; «Комиссия столкнулась с *фактором* незаконной продажи спиртных напитков»; «В конце конференции трибуна была *представлена* гостям для приветствий».

В печатных текстах часто допускаются ошибки в употреблении служебных слов, особенно отыменных предлогов *за счет*, *в силу*, *благодаря* и других. Следует помнить, что они еще сохранили первичное лексическое значение и не могут быть употреблены без учета контекста: «*В силу* отсутствия единого централизованного методического руководства задерживается успешная реализация поставленных перед нами задач» (следует: *в результате* или *из-за отсутствия*); «*Благодаря* наводнению люди остались без крова» (следует: *из-за*, *в результате*, *вследствие наводнения*).

Осторожно надо подходить к словам, имеющим ограниченную сферу распространения (лексические новообразования, архаизмы, слова иноязычного происхождения, термины, профессионализмы, жаргонизмы, арготизмы, вульгаризмы, диалектизмы, просторечия), так как они зачастую непонятны читателю. Употребление таких слов должно быть всегда мотивировано.

Лексические новообразования обычно создаются по определенным (нормативным) моделям. Это же относится и к индивидуально-стилистическим неологизмам, хотя употребляются они только в определенном контексте.

Устаревшие слова обычно используются с определенной стилистической нагрузкой: для придания торжественности изложению или — наоборот — для сужения его с целью получить комический эффект, при исторической стилизации или в социальной речевой характеристике.

В текстах иногда встречаются неудачно образованные неологизмы и употребленные без учета контекста устаревшие слова. Например: «Отличников в классе не было, но *хорошисты* составляли большинство»; «В связи с изменением погоды, заметно ухудшившейся, у нас много *бюллетенищиков*»; «Еще очень большие богатства морей остаются *втуне*». В первых двух предложениях неологизмы (хорошисты, бюллетенищики) следует заменить лексическими эквивалентами: хорошие ученики (или ученики, имеющие только отличные и хорошие оценки) и большие. Третье предложение нужно перестроить, отказавшись от употребления устаревшего слова (ведь прямое его значение «без результата, без

внимания?)»: «Еще очень большие богатства морей не используются».

В рукописях и, реже, в печатных изданиях встречаются ошибки, связанные с неправильным употреблением слов иноязычного происхождения. Например: «Сборка корпуса машины *лимитируется* из-за отсутствия некоторых деталей»; «Необходимо *форсировать* строительство курятника». Слово *лимитировать* означает «установить (устанавливать) лимит, предельную норму чего-либо». В предложении же речь идет с задержке сборки корпуса машин. Предложение следует исправить: «Сборка корпуса машины задерживается из-за отсутствия некоторых деталей». Во втором предложении слово иноязычного происхождения употреблено без учета стилистических условий контекста: форсировать строительство... курятника! Поэтому нужно выбрать русский синоним слова форсировать — *ускорить*.

Употребление диалектизмов, профессионализмов, просторечных слов, вульгаризмов, жаргонизмов и арготизмов должно быть тоже строго мотивировано. Если это условие не соблюдено, возникают стилистические погрешности. Например: «У большей части машин были худые кузова»; «Ей сегодня заступать в ночную смену». В первом предложении неправильно употреблено разговорное слово *худой* в значении «дырявый, ветхий»; во втором — *заступать* в значении «приступать к работе, дежурству и т. п., сменив кого-либо».

Таковы основные ошибки в словоупотреблении.

Из солецизмов прежде всего следует отметить нарушение границ лексической сочетаемости, которые определяются семантикой слов, их стилистической принадлежностью, эмоциональной окраской, грамматическими свойствами, фразеологической связанностью и т. д. Невозможность сочетания слов часто обусловлена предметно-логическим несоответствием понятий, обозначенных этими словами. Среди наиболее типичных случаев нарушения такого рода можно назвать перемещение компонентов близких по значению словосочетаний и контаминацию словосочетаний, в том числе фразеологических. Например, в предложении «Ведется работа по расширению мощности предприятия» сочетание *расширение мощности* неверно, так как слово *мощность* употреблено в значении «величина, показывающая отношение работы ко времени, в течение которого она совершена». Следовало написать: *по увеличению мощности*.

В предложении «А. С. Сидоров в 1963 году защитил степень кандидата исторических наук» ошибка возникла в результате смешения выражений *защитить диссертацию* и *получить степень*.

Ошибочно словосочетание *оказать пользу* (вместо *принести пользу* или *оказать помощь*). Неудачно и выражение *усилить темпы*, так как в семантике слова *темпы* содержится «представление о быстроте (а не о силе) осуществления, протекания чего-либо»,

Поэтому следовало бы сказать: *ускорить темпы*. Неграмотен и оборот *скоропостижный отъезд*, так как слово *скоропостижный* имеет ограниченную сферу распространения и лексически сочетается только со словом *смерть*.

Нельзя признать правильным и выражение *принимать спецмолоко* в предложении «Лица, которые получают спецмолоко, обязаны принимать его во время работы, чтобы нейтрализовать вдыхаемые вредные газы». Ошибка здесь ассоциативного характера (*принимать лекарство, но пить молоко, и спецмолоко* в том числе).

Нарушение лексической сочетаемости иногда происходит в результате пропуска одного из однородных членов. Так, в предложении «В декабре 1949 года японское правительство установило валютный курс и вместе с тем закон о контроле над валютным курсом» ошибочное словосочетание *установило закон* возникло из-за того, что пропущено однородное сказуемое *приняло* (правительство *установило* курс и *приняло* закон).

В результате перемещения компонентов близких по значению оборотов (в том числе и устойчивых) возникли ошибки в таких предложениях: «Испытания проводились на стали, *имеющей интерес* для промышленности» (вместо *представляющей интерес*); «Эта картина *оказала* на нас большое впечатление (вместо *произвела впечатление*).

При употреблении устойчивых словосочетаний иногда нарушается фразеологическая связанность их элементов из-за искажения оборота (пропуск, замена, вставка слов). Так, в предложении «Качество выполненной работы заставляет желать много лучшего» искажено устойчивое словосочетание *оставляет желать лучшего*. В него вставлено слово *много*, кроме того, в обороте допущена ошибка, связанная с неразличением паронимов (*заставляет* вместо *оставляет*).

В предложении «Вряд ли надо было из-за такого пустяка ломать дрова» объединены близкие по составу и структуре устойчивые обороты *наломать дров* и *ломать копы из-за чего-нибудь*.

Ошибки такого же характера возникли и в предложениях. «Маклай заслужил широкую известность как замечательный путешественник-гуманист» (вместо *приобрел, получил известность, пользовался известностью*); «Данный вопрос не играет существенного значения в решении задачи» (вместо *не имеет значения или не играет роли*).

Следует, однако, помнить, что в художественных (и некоторых публицистических) произведениях лексическая несочетаемость используется для создания определенного стилистического эффекта. Например, у Чехова: «Таланты и посредственности всяких возрастов и мастей собираются раз в неделю и *прогуливают* здесь свои языки». Или у Горького: «...Ветер вздымает к нему серые тучи *возлюбленной... пыли*».

К ошибкам в сочетании слов относится и так называемый стилистический разнобой. Возникает он в результате употребления слова в необычном, чуждом для него контексте (например, введение книжной, высокой или архаической лексики в обиходно-разговорную речь или вульгаризмов — в речь нейтральную): «В пламенные годы войны он получил тяжелое ранение в грудь и на всю жизнь остался инвалидом»; «Тишина властвует в цехе после того, как закончился рабочий день»; «Скоро начнется новый учебный год, для детей наступит эра учебы». Слова *пламенные*, *властвует*, *эра* взяты без учета их стилистической окраски. Слово *пламенный*, употребленное в стилистически нейтральном контексте, следует убрать. Способ исправления второго и третьего предложений — это подбор слов из одного лексического пласта с общим контекстом (например: *в цехе тишина* и *время учебы*).

Соединение разностилевых слов используется в художественной литературе чаще всего для создания комического эффекта. Таково, например, стихотворение «В позабытой деревне» М. Исаковского, в котором употреблена разговорная, поэтическая, публицистическая лексика, канцеляризмы, речевые штампы, специальные термины и профессионализмы.

При работе над предложением следует помнить, что далеко не все слова логически сочетаются друг с другом. Логические ошибки (алогизмы) могут возникать в результате объединения несоотнесимых понятий. Например: «Конструкция данной машины аналогична старому образцу»; «Для языка Дикого, как и для других представителей „темного царства“, характерны грубые выражения»; «Прочность этих резцов значительно выше обычных».

В первом предложении сопоставлена *конструкция машин и старый образец*, во втором — *язык Дикого и представители „темного царства“*, в третьем — *прочность и резцы*. Исправить эти предложения нетрудно: «Конструкция данной машины аналогична конструкции машины старого образца»; «В языке Дикого так же, как в языке других представителей „темного царства“, много грубых выражений»; «Прочность этих резцов значительно выше прочности обычных».

Однако нельзя забывать, что для придания речи иронического оттенка писатели часто прибегают к приему использования логически противоречивых компонентов, смешения несовместимых элементов, сближения «далеких» понятий.

К ошибкам в соединении слов следует отнести так называемые плеонастические сочетания, т. е. такие, в которых одно слово оказывается лишним, например: *несколько резковат, несколько побыстрее, более лучшая* и т. п. В словах *резковат* и *побыстрее* уже содержится представление о частичности качества и добавление слова *несколько* лишь повторяет мысль. В словосочетании *более лучшая* объединены синтетическая и аналитическая сравнительные степени прилагательного (*более хорошая* и *лучшая*).

К ошибкам в сочетании слов относится нарушение норм управления, в частности при смешении предложного и беспредложного (посредственного и непосредственного) управления. Например: *оплачивайте за проезд* вместо *оплачивайте проезд*; *уделяется внимание на что-то* вместо *уделяется внимание чему-то*; *отмечается о чем-то* вместо *отмечается что-то*; *ни на чем не обоснованное* вместо *ничем не обоснованное* и т. п. Управляемое слово ставится не в том падеже, которого требует управляющее слово. Например: *заведующий редакции* вместо *заведующий редакцией*; *не оказывает влияния* вместо *не оказывает влияния* и т. п.

Часто управляемые слова употребляются не с теми предлогами, которые необходимы. Например: *преимущество над кем-то* вместо *преимущество перед кем-то*; *превосходство перед кем-то* вместо *превосходство над кем-то* и т. п.

Ошибка может быть связана со смешением родительного субъекта и родительного объекта, а также с употреблением дательного падежа, в результате чего возникает неясность высказывания. Например: «Вызов редактора был неожиданным» (неясно, кто кого вызывал) или «Главному инженеру необходимо направить запрос на оборудование» (каково направление запроса: к главному инженеру или от него?).

Ошибка может возникнуть в результате двойного управления. Например: «Квартиросъемщики требовали устранения неполадок в местах общего пользования и ремонта» вместо «требовали ремонта и устранения неполадок». Неисправленная, эта фраза может быть понята и так: «...требовали устранения неполадок... и устранения... ремонта» или «...устранения неполадок в местах... ремонта». Еще пример двойного управления: «Особое внимание следует обратить на улучшение стирки белья и культуры обслуживания» (стирки белья и культуры!). Фразу можно исправить так: «Необходимо улучшить стирку белья и культуру обслуживания». А вот еще одна частая ошибка, связанная с управлением: «Творчество художника проникнуто чувством любви и восхищения характером русского народа» вместо «...проникнуто чувством любви к русскому народу и восхищения его характером»; «Нельзя цепляться и висеть на подножках трамвая» вместо «Нельзя цепляться за поручни и висеть на подножках трамвая». Здесь при двух однородных членах предложения, требующих разных падежей управляемого слова, поставлено одно дополнение (*чувство любви* — к кому? *восхищения* — чем? *цепляться* — за что? *висеть* — на чем?).

Таковы типичные ошибки в употреблении словосочетаний и сочетаний слов. Задача редактора — заметить их и устранить.

М. П. СЕНКЕВИЧ,
доцент Московского
полиграфического института

Вдали или в дали?

ЧЕМ РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ ПРИ НАПИСАНИИ ЭТИХ ОРФОГРАММ?

Правописание наречий, образованных из предложно-падежных форм существительных,— один из труднейших вопросов русской орфографии; это объясняется тем, что переход предложно-падежных форм существительных в наречия — процесс живой и активный.

В «Правилах русской орфографии и пунктуации» (М., 1956, § 83) сказано, что слова с пространственным и временным значением, имеющие в своем составе существительные *верх, низ, даль* и под., несмотря на возможность постановки перед некоторыми из них определяющего слова, относятся к наречиям. При наличии пояснительных слов эти существительные пишутся раздельно.

Пояснительными словами при существительном *даль* могут быть прилагательные, например: «В дали голубой столбом уж крутился песок золотой» (Лермонтов); «И вдруг впрямь что-то грохочет в дали, не ясной и туманной». Пояснительное слово при существительном *даль* может быть выражено родительным падежом существительного, например: «в даль моря», «в даль степей».

Трудность правописания *вдали* и *в дали* усугубляется тем, что, например, в сочетании *вдаль моря* слово *вдаль* рассматривается как предлог, который нужно писать слитно (см. А. Б. Шапиро. Русское правописание. М., 1961, стр. 132). На самом деле *вдаль* требует родительного падежа, но как же быть в тех случаях, когда пояснительное слово выражено прилагательным, которое, как известно, может определять только существительное? Нельзя написать *вдаль туманную*, так как рекомендация здесь слитного варианта на основании того, что *вдаль* предлог, не вполне обоснована.

Вопрос о раздельном написании орфограммы *в даль* можно было бы считать решенным, если бы, например, не такие случаи, как: «всматриваться в даль», «уходящий в даль коридор» и т. п., где *в даль*, не имея пояснительного слова, пишется раздельно. В рассматриваемых примерах *даль* — существительное, стоящее в винительном падеже с предлогом *в*, которого требуют глаголы *всматриваться* и *уходить*. В примере *всматриваться в даль* нельзя *в даль* заменить *далеко*, хотя во втором примере — *уходящий в даль коридор* — *в даль* может быть употреблено и в значении 'далеко', например: «Корабли уходят вдаль».

Слитное написание орфограммы *вдали* обычно связывается с переходом словоформы в разряд наречий. В этом случае *вдали* употребляется в значении 'далеко', например: «Вдали виднелись только небольшие домики»; «Берег реки тянулся куда-то вдаль, к зеленым стенам леса».

Формально-грамматическим признаком слитного написания орфограммы *вдали* могут быть: 1) наличие уточняющих обстоятельственных членов, например: «Вдали, на полянке и между стволами, собираются бойцы молча и осторожно» (Гладков); 2) наличие наречия, с которым рассматриваемая орфограмма связана сочинительными (союзными) отношениями, например: «Поля раскинуты вширь и вдаль».

Итак, орфограмма *в даль* может употребляться и с пояснительным словом и без него. При решении вопроса, как же все-таки следует писать — слитно или раздельно, большое значение имеет контекст и те синтаксические связи, в которые вступает анализируемая форма.

В. И. ШЕИН,
преподаватель Московского
полиграфического института

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ВИКТОРИНА

(Начало см. на пол. 68)

9. Очень редко можно встретить в русском языке такие слова, в которых два мягких знака смягчают две рядом стоящие согласные буквы. Сможете ли вы припомнить такие слова?

10. Есть два очень похожих русских слова — *невежа* и *невежда*. В них один и тот же корень, но одно — исконно русское, другое — старославянское. Что означают эти слова сейчас и какие прилагательные можно от них образовать?

11. Что общего между словами *завтра* и *завтрак*? От какого корня они происходят? Напомним, что первое из них имело архаическую форму *заутра*, например: «...Заутра казнь!». Но без боязни Он мыслит об ужасной казни» (Пушкин. Полтава).

12. Задумывались ли вы над словом *полтора*? В самом деле, в нем понятна только первая часть *пол*, что значит 'половина'. А вот что такое *тора*? Как это сложное слово звучало в древнерусском языке?

13. В произведениях писателей прошлого века очень часто встречаются так называемый «словоерсы», — частица *-с*: «Извольте-с!», «Да-с» и т. п. Так обращались младшие по чину и званию к старшим. Подумайте, откуда происходит частица *-с*?

14. Перевертыши — это слова, которые можно читать как слева направо, так и справа налево (например, *наган*, *Анна*). Подберите несколько таких слов.

Ответы см. на стр. 112

О речи в устах артиста

Редакция журнала «Русская речь» взяла на себя интересную и нужную инициативу: выяснить отношение драматических и оперных артистов, деятелей театра к слову, речи и, в частности, к произношению на сцене. Для этого были составлены анкеты, достаточно разумные и понятные, что и показывают ответы, опубликованные в № 1, 2, 3.

Хочу остановиться на первом вопросе анкеты для драматических артистов и втором вопросе — для артистов оперных. В них говорится о нормах речи обычной и о специфике речи сценической.

В. О. Топорков отвечает: «Мне кажется слово „литературное“ несовместимо с „разговорно-бытовым“». А почему несовместимо, к сожалению, не разъясняет. И. В. Ильинский тоже отвечает уклончиво, но не так, как В. О. Топорков: «Сценическое произношение должно сохранять живые черты современной речи». Что ж — в общем это и правильно, но как это осуществить? Ведь речь на сцене — все-таки речь в особых условиях.

Ц. Л. Мансурова более конкретна в своем ответе: «На сцене должно быть „очищенное“, общее, образцовое произношение, а современное бытовое произношение может звучать лишь как особая речевая характеристика для некоторых образов». А вот М. А. Ульянов утверждает: «Сценическое произношение не должно отличаться от современного разговорно-бытового литературного, ибо где же тогда правда жизни на сцене». Ю. В. Яковлев склонен думать иначе: «Сценическое произношение, безусловно, должно отличаться от современного разговорно-бытового произношения. У сцены есть свои законы, которые необходимо доносить до зрителя в форме четко, ясно сценического произношения». Но ведь это уже совсем иной вопрос: это дикция, что совершенно не совпадает с понятием «произношение» в орфоэпическом смысле. Могут быть лица с правильной орфоэпией, но плохой дикцией, и наоборот. А вот А. В. Эфрос опять постулирует обратное: «Мне представляется, что сценическое произношение не должно отличаться от современного разговорно-бытового литературного произношения». Я нарочно привел ответы вперемежку, чтобы показать, что единства мнений в этом вопросе у драматических артистов нет.

Обстоятельный ответ дает на первый вопрос анкеты И. П. Козлянинова, указывая на тот современный орфоэпический минимум, который должен соблюдать любой артист, говорящий на русском языке, допуская некоторые архаизмы произношения, черты просторечия и другие отклонения от нормы только как «речевую окраску». Попутно И. П. Козлянинова указывает на некоторые противоречия в орфоэпических указаниях различных справочников (Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, с одной стороны, и К. И. Былинского, с другой). Не разделяя всех указаний Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (например, произношения «исчерпать» в виде «ишчерпать»), я всё же считаю, что их справочник гораздо компетентнее справочника К. И. Былинского.

Как же относятся певцы к вопросу о соотношении сценического и современного разговорно-бытового литературного произношения?

Об отличии певческого произношения и разговорного пишет Г. П. Вишневская: «Разговорная литературная речь и речь вокальная — это разные сферы литературной речи». «...Произношение певца должно отличаться от обычного разговорного произношения, как и от произношения драматического артиста. То, что певцы связаны с музыкой, определяет совсем другой уровень произношения. Это связано с постановкой голоса, с регистром, во многом зависит от вокальной школы. К примеру, в пении нет совершенно открытого „а“, оно ближе к „о“, чем обычное разговорное „а“ (?— А. Р.), „я“ часто переходит в „ы“, „ы“ — в „и“ (?— А. Р.)». Если можно принять общее рассуждение Г. П. Вишневской, то ее «к примеру» непонятно: если Онегин поёт «Я очень сч[а]стлив и «Я очень, очень р[а]д», то он произносит настоящее открытое «а», ничем не похожее на «о». Что же касается «и» и «ы», то в любой правильной русской речи всякое «и» после твердых согласных «переходит» в «ы» («Ум ы сердце наполняет...», «Мечтам ы годам нет возврата...» и т. п.). Так же и перед конечной паузой конечное «ы» после твердой согласной «выравнивается» в «и» («Мечтами, мечтами легкие мечты-ы^и-и^и — и»). Тянуть в фермате «ы» для русской речи неестественно: как только оно отделилось от предшествовавшей твердой согласной, так сейчас же «переходит» в «и» указанным путем. Может быть, это и имела в виду Г. П. Вишневская?

А вот А. П. Иванов, наоборот, пишет: «Часто певцы в силу какого-то целепого манерничания (?— А. Р.) избегают красивого, широкого звучания открытых гласных (а, э, о), подменяя их узкими гласными (и, е). Например, поют: „тибе единой пасвятил“ вместо „тебе единой посвятил“ или вместо „клянусь“ поют „клинусь“... Нельзя так откровенно звук „о“ заменять плоским открытым „а“ или звук „а“ произносить как „е“ или как „и“».

Кстати, в записанной на радио опере «Шиковая дама» А. П. Иванов поет Томского и произносит то «живилась», то «жавился», а исполнитель партии Германа Г. М. Нэлепп поет: «имини», «свитую», при этом и слушатель не в обиде, и соблюдена норма русского языка! В русской литературной речи планомерно господствует аканье, то есть произношение предупредительного «о» как «а» («Как к[a]роль шол на в[a]йну...»). Отступления от этого правила певца в речи, как и в речи драматического артиста, возможны только с целью «речевой окраски»: в партиях Варлаама, Скулы и Ерочки, в церковных репликах Досифея («Чад[о] м[о]е»), Поповича, Подьячего, в словах

иностранцев, например, Трике (в русском варианте его куплетов), в некоторых иноязычных словах типа: р[о]ман, б[о]кал. Но это относится не только к «иностранным» персонажам: Валентину, Риголетто, Эскамильо, но и к Онегину, Елецкому, Демону, Гремину и т. п. Аканье — это норма литературной речи, и всякое отступление от него возможно только с целью колористики, как, например, в украинских репликах Оптимистенко в «Бане» Маяковского. Может быть, это было бы уместно в опере Лысенко «Тарас Бульба», если она идет на русском языке, но вряд ли возможно в партии Левко в «Майской ночи» Римского-Корсакова.

Что же касается произношения безударного орфографического «я» в виде «е» или «и», то это совсем другой вопрос. В русском литературном языке безударного орфографического «я» нет, это было бы яканьем, что несвойственно литературному языку и воспринимается как диалектизм, ярко окрашенный. Драматические артисты это прекрасно понимают и не якают. Но у певцов это явление проявляется довольно часто, а причины здесь разные. Например, «Что день гр[я]дущий мне готовит?» или «Их лозунг — св[я]тая Елена...». Эта черта очень характерна для Ф. И. Шаляпина и объясняется, я думаю, не только «властью буквы» и желанием дать широкое «а» вместо узких «е», «и» или «и^е», что является нормой, но и остатками владимиро-поволжских говоров, к которым Шаляпин имел прямое отношение. Шаляпин в молодости окаял, о чем он сам писал в «Страницах моей жизни». От оканья Шаляпин отучился, но различие гласных (э, и, а) в предударном слоге, свойственное владимиро-поволжским говорам, сохранил и поэтому пел: гр[я]-дущим, вспомяни, п[я]тно, [я]вился, р[я]дил, взгля[я]ну, проз[я]банье, м[я]-тель, кля[я]нусь, т[я]желый и другие. Были и исключения, например, в каватине Алеко (грамзапись) он поет: «ч[и^е]сь», почти «ч[и]сь», и ничего вредного для вокала здесь не происходит. А для русского уха гораздо лучше, чем «вз[я]ла» и «п[я]тно».

Между открытостью и закрытостью речевого и певческого звука есть действительно противоречия. И решить их не так просто. В 1958 году я по поручению ВТО прослушал оперные спектакли декады Свердловского театра в Москве и сделал доклад на общем собрании коллектива оперы. В целом работа театра и музыкально и в отношении речи заслуживала оценки «хорошо», а иной раз и «отлично».

В дискуссии по моему докладу интересный артист и наблюдательный человек А. П. Бондарев задал мне вопрос, как быть с последней фразой Онегина: «О, жалкий жребий мой!», где нужно дать широкое певческое «э», но оно в речи «зажато» двумя мягкими согласными. Я ему ответил, что надо начать с узкого «е», можно перейти на широкое «э», а закончить перед мягким «б» все-таки узким «е». Но главная опасность в этой реплике — доведение широкого «э» до «а», что бывает у молодых неопытных баритонов, желающих щегольнуть верхним «соль», тогда получается «жр[я]бий мой!»

К сожалению, в ответах на анкету почти не затронут вопрос о реальных противоречиях речи и пения, когда речь требует краткости и редукции гласных, а музыкальный текст требует долготы или даже ферматы. Об этом на указанном совещании мне задал вопрос Б. Т. Штоколов на примере фразы из арии князя Гремина: «И молодость, и молодость, и счастье!». По речи надо редуцировать последнюю гласную в слове «молодость», а в пении там

долгота! Петь «молод[о]сть» — книжно, петь «молод[а]сть» — просторечие или диалект, а петь «молод[ъ]сть» — неудобно для певца. В таких случаях винить певца нельзя, виноват композитор, который не согласовал музыку и речь, или, как писал Мусоргский, не «мнит ко мусикийскому согласию всякую речь человеческую привести» (шутливое письмо к А. А. Голенищеву-Кутузову, 1875). Надо сознаться, что далеко не все композиторы были заинтересованы этим тезисом Мусоргского. Колоратурная и фиоритурная мелодия плохо роднится с речью. Даргомыжский, Мусоргский, а в наши дни Прокофьев и, пожалуй, Шостакович очень внимательны к речи, к ее ритмике и интонации. Об этом я писал и не хочется возвращаться к старому (см.: «Вопросы культуры речи». Вып. 1. М., 1955).

Хочу лишь подчеркнуть, что очень важно петь в «образе» и манеру речи давать, исходя из понимания этого образа. Совершенно прав С. Я. Лемешев, когда он пишет: «...Что хорошо для Пимена, невозможно для Бориса», но, думаю, оканье не обязательно для Пимена: так его играл Качалов, так его пел В. Р. Петров. Самым недопустимым является ложное оканье, как это получилось у Н. Ф. Щеголькова: «...за си[о]сение души моей...» (Владимир Галицкий; записано мною 4 ноября 1952).

В ответах И. С. Козловского не все понятно. Например: «Произношение певца не должно отличаться от разговорного. Но бывает, что это нарушается или видоизменяется. Мусоргский написал „Раек“. И в украшательстве есть закономерная правда для оперы». Хочет ли здесь Иван Семенович защитить бельканто и колоратуру от пародии Мусоргского или в виду имеется что-то иное? Но ведь в «Райке» Мусоргский пародировал не Патти, а ее поклонников, в частности «Фифа», музыкального критика Феофила Толстого! Что «мера — вопрос художественного такта», — согласен, но почему «искажение правды» погубило слово...» — непонятно. Если певец поет слова, то он должен довести их до слушателя.

В ответах С. Я. Лемешева несколько удивляет заявление: «Владеть словом певцу надо лучше, чем драматическому артисту». Что «надо» и «хорошо надо» — не спорю, но ведь у драматического артиста больше ничего нет (жест, мимика, костюм — это у них общее с оперными), а у оперного артиста есть еще певческий звук!

А вот к чему всячески надо присоединиться: «Но самая страшная опасность не здесь, — пишет С. Я. Лемешев. — Пользуюсь случаем, чтобы обратить внимание на серьезный недостаток в эстрадном пении: искажение русских слов здесь носит массовый характер... С этой модой — коверкать русскую речь на иностранный лад — надо решительно бороться». Совершенно правильно. Всякая речь требует своей естественности и нормы, чтобы она была настоящая.

Очень много правильных суждений в ответах И. И. Петрова. «В принципе произношение в пении не должно отличаться от разговорного. Однако неизбежны некоторые отступления, обусловленные самим музыкальным материалом — тесситурой, музыкальным размером». Вот именно об этом и шел вышеописанный мой разговор с Б. Т. Штоколовым. Правильно пишет И. И. Петров, что «иностранные и экзотические слова требуют особого произношения». Если они даны как иностранные (грубо говоря, латинским шрифтом), то их надо петь по законам орфоэпии данного языка, как это

делали М. А. Славина, М. Ю. Титов, В. Л. Книппер, Н. А. Обухова, а далеко не все певцы это понимают и умеют делать.

Кстати, некоторые из отвечавших касаются вопроса о соответствии певческой и речевой орфоэпии певцов. Так, И. М. Скобцов пишет, что А. В. Нежданова «...просто пела как говорила, и говорила как пела». Это, увы, неверно, так как у Неждановой в простой речи был сильный украинский акцент, чего не было в ее певческой орфоэпии. То же самое было и у К. Г. Держинской, и в особой степени у М. Д. Михайлова, где вместо Украины выступала Чувашия. Это явление очень интересно и, к сожалению, мало изучено. Любопытно, что, например, тенор Д. А. Смирнов был прекрасным носителем московской орфоэпии в речи, а в пении «манерничал» и зачастую искажал русскую речь.

В ответах, опубликованных в № 3, есть интересное соображение Ю. В. Никулина, артиста цирка, где говорится: «В театре актера „спасают“ три стены, он говорит только вперед... В цирке... речь своя, особая. Особенности эти создает арена, ...поэтому даже спина должна играть». Благодаря тому, что речь надо донести и вперед, и назад, и вправо, и влево — неизбежны паузы и повторы, «...иногда партнер нарочно переспрашивает, чтобы донести слово до всех зрителей». Все это совершенно справедливо: особая ситуация речи вызывает и особые трудности и специфические способы их преодоления.

Попытаюсь подвести итоги сказанного.

Довольно очевидно, что речь в различных ситуациях меняется. Отсюда также ясно, что речь «домашняя» и речь «сценическая» не одно и то же, хотя и то и другое — русская речь, а значит, есть обязательно и общее.

1. Общие правила орфоэпии должны быть одинаковой нормой, и отступления возможны лишь в случаях колористики (см. в ответах И. П. Козляниновой и И. П. Петрова).

2. Для драматических артистов «трудных» вопросов меньше, чем для певцов. Вопросы дикции обязательны и для тех и для других, но они специфичны для каждого вида речи.

3. У певцов многое зависит от подхода к слову композитора: если композитор не стремится согласовать законы речи с канонами музыки, надо сохранить и примирить не всегда примиримое; если же композитор идет путем Мусоргского и приводит «к мусийскому согласию» эти два начала, необходимо внимательно вздуматься в замысел автора-музыканта.

Доктор филологических наук
А. А. РЕФОРМАТСКИЙ

Редакция «Русской речи» получила много читательских откликов на анкеты по современному сценическому произношению, опубликованные в № 1, 2, 3. Обзор этих писем мы предполагаем поместить в одном из первых номеров будущего года.

О словах

дружелюбие, *дружелюбный*

Известный немецкий лингвист Фр. Клюге, много занимавшийся вопросами происхождения (этимологии) и употребления слов, писал: «Наши слова возникают как народные песни. Мы не знаем, откуда они происходят. Они живут долгой жизнью прежде чем попадают в литературный язык и подвергаются соответствующему анализу. Только для незначительного количества слов мы можем указать источник и время их происхождения. Большая часть наших слов не имеет истории» (Fr. Kluge. Deutsche Studentensprache. Strassburg, 1895, S. 1). В это заявление можно внести существенные уточнения и исправления, так как за последние десятилетия историческая лексикология и семасиология, т. е. науки о развитии словарного состава языков и о законах исторических изменений значений слов, далеко подвинулись вперед. И все-таки некоторая доля истины в научно-художественном обобщении Фр. Клюге остается. Тем более, что в настоящее время задачи историко-этимологических исследований усложнились и расширились не только поисками общих историко-семантических закономерностей и законов исторического словообразования и словопроизводства, но и тенденцией к определению частных закономерностей, определяющих пути движения и развития отдельных словообразовательных «гнезд» слов в истории того или иного языка.

С этой точки зрения представляют значительный и своеобразный интерес тесно связанные одно с другим современные русские слова *дружелюбие* и *дружелюбный*. Сначала кажется, что все в их составе и структуре ясно и не вызывает никаких вопросов и сомнений. *Друж-* — это именная основа, выделяющаяся в многочисленном ряду близкородственных слов: *друже* — звательная форма к слову *друг* (ср. у А. И. Куприна в рассказе «Мелюзга»: «Послушай, друже, — сказал фельдшер, — я думаю, лучше нам пристать у берега, не доходя моста, а лодку уж мы проведем волоком»); *друж-ок* (ср. у Некрасова в стихотворении «Школьник»: «Эй! садись ко мне, дружок!»), в пословице: «Для милого дружка и се-

режка из ушка»); *дружочек, дружный, дружеский, дружба, дружество, дружественный, дружественность*, народно-областное и фольклорное *дружка*; отыменные глаголы *дружить, дружиться*; ср. у Пушкина в послании «Графу Олигару»:

Но глас поэзии чудесной
Сердца враждебные дружит...

У И. А. Крылова в басне «Пустынник и медведь»:

Сосед ему протягивает лапу,
И, слово за слово, знакомятся они,
Потом дружатся,
Потом не могут уж расстаться,
И целые проводят вместе дни.

В слове *дружелюбие* вторую часть основосложения формирует отглагольный составной формант *люб-и-е*, легко различимый в таких сложных отвлеченных существительных, как *властолюбие, честолюбие, самолюбие* и т. п.

Что же касается сложного имени прилагательного *дружелюбный*, то в нем очень легко выделяется вторая отглагольная часть *-люб-н-ый*. Однако в современном русском языке она не имеет словообразовательных параллелей. Ожидалось бы *-любивый* (дружелюбивый). Ср.: самолюбивый, миролюбивый и т. п. Между тем слово *дружелюбный* уже зарегистрировано в «Российском Целлариусе» (М., 1771). Оно употребляется в языке Пушкина. «Словарь языка Пушкина» (М., 1956—1961) отмечает применение слова *дружелюбный* в сочинениях Пушкина пять раз, наречия *дружелюбно* одиннадцать раз. Вот несколько примеров.

«Руслан и Людмила»:

Мы весело, мы грозно бились,
Делили дани и дары,
И с побежденными сажались
За дружелюбные пиры.

«Выстрел»: «Граф приблизился ко мне с видом открытым и дружелюбным».

«Капитанская дочка»: «Старуха, стоя на крыльце с корытом, кликала свиней, которые отвечали ей дружелюбным хрюканьем».

«История Пугачева»: «Сначала оба племени враждовали между собою, но впоследствии времени вошли в дружелюбные сношения: казаки стали получать жен из татарских улусов».

Ср. также в «Барышне-крестьянке»: «Один Иван Петрович был как дома: ел за двоих, пил в свою меру, смеялся своему смеху и час от часу дружелюбнее разговаривал и хохотал».

Таким образом, в соотносительной паре слов *дружелюбие* — *дружелюбный* наблюдаются отклонения структурно-морфологического и словообразовательного характера от родственной им серии

или близкого к ним «гнезда» сложных имен типа *трудолюбие* — *трудолюбивый*.

Прежде чем в деталях описывать эти отличия и выяснять их исторические причины, необходимо представить в более или менее полном ансамбле состав того словообразовательного «гнезда», с которым так или иначе связаны слова *дружелюбие* и *дружелюбный*. Анализ структурных свойств тех слов, которые относятся к этому гнезду, поможет выяснить причины выбора формы основы *друж-е-*, а не *друг-о-* в словах *дружелюбие*, *дружелюбный*.

В современном русском литературном языке употребительны две не очень большие соотносительные группы имен: 1) сложные отвлеченные существительные, первая часть которых состоит из основы — односложной или двусложной — существительного, лишь в двух случаях — прилагательного (вольнолюбие, празднoлюбие) и в двух — местоимения (самолюбие, себялюбие), второй же частью их служит отглагольный составной формант *-любие* (власт-о-любие, сам-о-любие, чест-о-любие и т. п.) и 2) производные от них прилагательные с суффиксом *-(и)в-ый* (честолюбивый, корыстолюбивый, миролюбивый и т. п.). Правда, сюда же примыкает ряд обозначений лиц, образованных с помощью отглагольного форманта *-люб*, но многие из них осложнены в современном русском литературном языке суффиксом *-ец*. Ср.: *корыстолюб-ец*, *народолюб-ец*, *сластолюб-ец*, *честолюб-ец* и т. п. при *женолюб*, *книголюб* — наряду с «любителем книги», *себялюб*, *жизнелюб* и некоторые другие.

У М. Горького в статье «Из воспоминаний о В. Г. Короленко» характерно употребление слова *самолюбец*: «А заметили вы, что все эти правдоискатели больших дорог — великие самолюбцы?». У А. И. Эртеля в романе «Гарденины»: «Никифор Агапыч был известный самолюб и гордец». Но М. Горьким применяется и слово *самолюб*, например в пьесе «Чудаки»: «Эдакий-то самолюб да стеснялся бы? Он же первое лицо на свете...».

Семнадцатитомный академический «Словарь современного русского литературного языка» относит оба эти слова к разговорной речи. Но слово *самолюбец* отмечено и в древнерусском языке (см. «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского), а *самолюб* впервые зарегистрировано в «Толковом словаре» В. И. Даля, что, несомненно, свидетельствует о его народно-разговорном или устно-речевом происхождении (ср. у Даля: *самолюбка*).

Таким образом, названия лиц на *-люб-ец* более тесно связаны со стилями книжной речи, чем образования этого типа без суффикса *-ец*. Например, группа сложных имен *свободолюбец*, *свободолюбивый*, сложившаяся в языке русской публицистики не раньше последних десятилетий XIX века, не включает в себя слова *свободолюб*, хотя потенциально оно легко может быть образовано. Ср. слова *славолюбие*, *славолюбивый*. употребительные еще в

древнерусском литературном языке и перешедшие в состав русского национального литературного языка. Например, у Пушкина в «Путешествии в Арзрум»: «Внутренняя лестница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку [минарета]... Там нашел я несколько неизвестных имен, начерпанных на кирпичках славянолюбивыми путешественниками». Если *славолобец* вполне соответствует по своей стилистической окраске словам *славолобивый* *славолюбие*, то *славлюб* как потенциальное образование уводит, несомненно, в сферу фамильярно-разговорной речи. Любопытно, что составители семнадцатитомного академического Словаря в иных случаях признают образования типа *себялюб* разговорными, а типа *себялюбец* — нейтральными. Ср. отсутствие *сласлюб* в составе группы *сласлюбиец*, *сласлюбивый*, *сласлюбие*.

Таким образом, можно оставить в стороне сходные имена лиц типа *корыстолубец*, *славолобец* и *книголюб*, *женолюб*. Тем более, что они не входят во все соответствующие пары вроде *чадолюбие* — *чадолубивый* и т. д.

Вот перечень сложных имен прилагательных и соотносительных с ними отвлеченных существительных этого типа:

братолюбивый	— братолюбие	празднолюбивый	— празднолюбие
властолюбивый	— властолюбие	самолюбивый	— самолюбие
вольнлюбивый	— вольнолюбие	свободолюбивый	— свободолюбие
детолюбивый	— детолюбие (ср.: чадолубивый)	себялюбивый	— себялюбие
женолюбивый	— женолюбие	славолобивый	— слаголубие
жизнелюбивый	— жизнелюбие	сласлюбивый	— сласлюбие
книголюбивый	— книголюбие	сребролюбивый	— сребролюбие
корыстолубивый	— корыстолюбие	трудолюбивый	— трудолюбие
миролюбивый	— миролюбие	чадолубивый	— чадолубие
народолюбивый	— народолюбие	честолюбивый	— честолюбие

и некоторые другие.

Несомненно, что на многих из этих сложных имен лежит отпечаток книжности и даже книжного славянизма (ср., например: властолюбие — властолюбивый; сласлюбие — сласлюбивый; празднолюбие — празднолюбивый; сребролюбие — сребролюбивый; чадолубие — чадолубивый; женолюбие — женолюбивый и т. п.).

И все же прозрачная морфологически четкая структура этих слов делает их активной моделью для индивидуальных новообразований типа: театролюбие — театролюбивый, сынолюбие — сынолюбивый и т. п.

Присматриваясь к структуре сложных имен существительных и прилагательных, относящихся к этому гнезду, мы прежде всего должны отметить, что в первой, именной части этих сложных слов нет примера чередования звуков (*книголюбие*, а не *книжелюбие*, ср. *праздно-любие*, *вольно-любие* и т. п.). Очевидно, причиной выбора основы *друж-е-* или, вернее, замены основы *-друг-о-* на

друж-е- была омонимия. Форма *друго-любие* казалась двусмысленной (ср. *другой*). Между тем, по крайней мере до начала XVIII века, в русском литературном языке употреблялась воспринятая из старославянской письменности форма *друголюбие* (ср. *друголюбно, друголюбьць, друголюбивый* в «Материалах» И. И. Срезневского, т. I, стр. 726). Те же слова — *друголюбие* и *друголюбивый* — отмечаются и в «Лексиконе трехязычном» Фед. Поликарпова 1704 года (ср. здесь же: *другоненавидець, другоубийца, другоубийство, другоубийствую*). Форма *дружелюбие*, вытеснившая *друголюбие* во второй половине XVIII века, расширила семантические возможности употребления этого слова, связав его не только с *другом*, но и с *дружеством, дружбой* и т. п.

Труднее разрешить вопрос, почему старинное слово *друголюбивый*, сомкнувшись с *дружелюбием*, уступило свое место слову *дружелюбный*, а не стало *дружелюбивым*. Правда, здесь мог сыграть решающую роль и более древний словообразовательный вариант — *друголюбьный*. Но можно сделать и другое предположение. У синонимической пары *миролюбие* — *миролюбивый* тоже был вариант *миролюбный*.

Ср. у Г. Р. Державина:

И все сие богоподобный
Дарует миролюбный царь

(На сретение победителя Европы, Александра I)

У В. А. Жуковского в переводе «Одиссеи» Гомера: «Вместо того, чтоб напасть на пришельцев, они подбежали к ним миролюбно».

У Гоголя в «Мертвых душах»: «А мне кажется, что это дело обделать можно миролюбно».

В «Словаре Академии Российской» (СПб., 1814) *миролюбный, миролюбно*, как слова широко употребительные, помещены без всяких стилистических помет. Но, по-видимому, к середине XIX века *миролюбивый, миролюбивость* вытеснили слово *миролюбный*. Ср. у Лермонтова в «Княжне Мэри»: «Я приехал [на дуэль] — в довольно миролюбивом расположении духа». Слова же *дружелюбие, дружелюбный* крепко вросли в строй русского литературного языка.

Необходимо отметить, что словообразовательный формант *-любь-н-ый* имел широкое распространение в литературном древнерусском языке донациональной эпохи. Ср., например, *блудлюбие, блудлюбьный, блудлюбьць* в проспекте «Словаря древнерусского языка XI—XIV вв.» (М., 1966, стр. 220).

Академик
В. В. ВИНОГРАДОВ

Брожение

Этимологические словари русского языка не рассматривают слова *брожение*, ограничиваясь глаголом *бродить*: 1) 'ходить медленно, с трудом', 2) 'ферментировать'. Однако у существительного *брожение*, помимо значения 'ферментация', есть и другое, переносное, значение, которое в Толковом словаре Д. Н. Ушакова формулируется как 'недовольство, волнение умов, начинающееся оппозиционное движение'. Ср., например, у Шолохова в «Тихом Доне»: «Поздней осенью 1920 года, когда... были созданы продовольственные отряды, среди казачьего населения Дона началось глухое брожение».

Переносное значение отмечается в словарях поздно: его нет ни в Словаре Академии Российской 1806 года, ни в Словаре Академии наук 1847 года, ни в Толковом словаре Даля. Впервые мы находим его у Грота в Словаре Академии наук 1891—1895 годов.

Однако существительное *брожение* употреблялось в переносном значении уже с начала XIX века. Самые ранние примеры, которыми мы располагаем, относятся к первой трети XIX века. Ср. у Пушкина: «По журналам вижу необыкновенное брожение мыслей; это предвещает перемену министерства на Парнасе» (письмо Л. С. Пушкину, февраль 1825); «Нет ни одной пьесы Мольера, ...которая бы не показала вам какой-нибудь любопытной стороны народного духа в XVII столетии, не дала бы вам понятия о движении в нравах и не открыла б нам брожения мнений при мнимой тишине этой величественной эпохи» (статья «Французская академия», М., 1836).

Каким образом у слова *брожение* появилось переносное значение?

Существительное *брожение* 'ферментация' образовано с помощью суффикса *-ение* от глагола *бродить* 'ферментировать' и имеет значение отглагольного действия. *Брожение* 'волнение (умов)' — семантическая калька французского *fermentation*: 1) 'брожение, ферментация', 2) 'брожение, волнение (умов)', а словосочетание *брожение умов* — перевод французского *fermentation d'esprits*.

До появления кальки перевод французского выражения давался с трудом. Сравните, как переводит фразу «*Les esprits étoient dans la plus grande fermentation*», И. Татищев во французско-русском словаре (1816): «Люди были в величайшем движении, смятении, смущении, волнении». Одному слову *fermentation* в русском переводе соответствует несколько синонимов, которые вместе дают приблизительное понятие о его значении.

В начале XIX века переносное употребление существительного *брожение*, по-видимому, ограничивалось только сферой умственной деятельности, точнее, слово обозначало перемены и колебания в умонастроении людей. В дальнейшем это значение постепенно приобретает социальный оттенок, ибо критическое осознание русской политической и общественной жизни неизбежно влекло и оппозиционное отношение к ней. У слова *брожение* появляются такие значения, как 'политическая оппозиция' и 'классовое недовольство, волнение народных масс'. В начале XX века это последнее значение становится основным среди оттенков производного значения: «*Брожение во*

всем центральном промышленном районе шло уже непрерывно усиливаясь и расширяясь после этой стачки» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 11, стр. 314).

В середине XIX века переносное значение вновь испытало на себе, по-видимому, некоторое влияние химического термина *брожение*. Об этом убедительно говорят примеры, приводимые Ю. С. Сорокиным в книге «Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90 годы XIX века», например: «Брось это понятие в новую чистую душу..., оно тотчас жадно соединится с нею, как желчь с кислотою; оно приведет ее в *брожение*...» (О. Сепковский. Вся жизнь женщины в нескольких часах). Влияние терминологии естественных наук на русский литературный язык середины XIX века было значительным. По-видимому, существительное *брожение* также не избежало его.

И в наше время иногда встречается такое употребление слова *брожение*, при котором оба его значения — прямое и переносное, выступают в тесной связи. Например: «Статья П. К. Мартьянова „Поэт М. Ю. Лермонтов по запискам и рассказам современников...“ заключала в себе фермент многолетнего брожения, как некогда в непосредственных откликах современников, но теперь уже публично в печати, прозвучала все та же мысль о незаконности дуэли» (Т. Иванова. Посмертная судьба поэта. М., 1967).

Н. С. АРАПОВА,
научный сотрудник МГУ

Ржи, овсы, хлеба

Возникновение грамматического значения и его дальнейшее развитие обычно обусловлено явлениями, существующими в реальной действительности. Но, возникнув в глубине веков, такое значение в дальнейшем не всегда сохраняет связь с теми факторами, которые вызвали его к жизни. Порой в результате развития и изменений в самой действительности оно начинает связываться с другими фактами. Так было и со значением широко распространенных в русских народных говорах и частью употребительных в литературном языке форм множественного числа от существительных *рожь*, *овес*, *хлеб* (на корню).

В последние десятилетия форма множественного числа *ржи* из областной превратилась в разговорную, *овсы* — в литературную, а форма *хлеба* уже давно стала литературной (см.: «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова; семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка»).

Значение таких форм объясняется по-разному. Так, В. И. Чернышев считает, что «имена вещественные употребляются во множественном числе лишь для означения разнородных предметов. Просторечие употребляет обыкновенно формы множественного числа, говоря об урожае: *ржи, овсы, сена*

хорошо (или худо) родились» (Правильность и чистота русской речи. Вып. 2. Пг., 1915, стр. 150—151). «У вещественных существительных,— пишет А. Н. Гвоздев,— множественное число употребляется для подчеркивания большого количества, широкого объема охватываемого пространства; без такого подчеркивания употребляется единственное число. Ср.: ..Рожь густая, рослая, темнеет и волнуется, до половины налила, в низах перекликаются коростели, в *овсах* и *ржах* то хрипят, то щелкают перепела (Л. Н. Толстой. Ягоды)» (Современный русский литературный язык. Ч. 1. М., 1967, стр. 160).

Бытование этих форм связывают также с обозначением разных сортов знаков. Такое объяснение в наше время приемлемо хотя бы потому, что теперь проводится систематическое улучшение существующих сортов и выведение новых. Но для далекого прошлого русского сельского хозяйства, когда оно было крайне экстенсивным и выведение сортов не играло большой роли, да, возможно, его и не было, объяснение подобного рода представляется неубедительным.

А между тем интересующие нас образования были хорошо известны и старинной русской письменности. Например, Псковская летопись (XVI век) повествует: «*Ржей* по селом не засеяли мнози». Очевидно, в древности были другие основания для появления таких образований. Старая письменность указывает на различие полей или полос, занятых сельскохозяйственной культурой, по времени ее посева — раннего, «среднего» или позднего. Посев не в один, а в три срока диктовался хозяйственными соображениями: считалось, что сев в три приема при неблагоприятных погодных условиях гарантирует какой-то урожай. В то время, можно думать, употреблялась форма *севы*. Приведем поздний отголосок ее употребления в языке художественной литературы: «[Мужик:] Мне горе съело, у всех людей праздник, у всех людей *севы*, а я грызу землю, она, родимая, другую весну у меня пустя...» (Бунина. Весенний вечер).

Определения *ранний*, *средний*, *поздний*, понятно, распространялись и на соответствующие хлеба. Из владений вотчинника Безобразова (XVII век) писали, например: «Здесь мороз еровой хлеб побил; тол(ь)ко, государь, которая пшеница и овес и ечмен(ь) ранней сев, в тех *ранних хлебах* семена будут, а в *позных*, государь, в иных *хлебах* и семян не будет, тол(ь)ко, государь, жат(ь) будет для корму; а каков, государь, *ранней хлеб*, пшеница и овес и ечмен(ь), и я, холоп твой, послал с Михайлом Чоглаковым да с Ываном Фомным знамя (образец.— С. К.); а *позной*, государь, и *средней хлеб* стоит зелен, не спеет». В других отписках приказчиков и старост тому же Безобразову говорится: «А *ранней*, государь, *пшеницы* послали знамя с Васил(ь)ем Тимофеевым»; «И образец, государь, всякому хлебу, каков *хлеб ранней* и *средней* и *позной*, послали с ним же, Грипкою».

Представление о сельскохозяйственной культуре, расчлененной по времени посева на раннюю, среднюю и позднюю п., естественно, сеянной в разных местах, выражалось в форме множественного числа без определения: «А которые, государь, *гречихи* мороз побил, и мы косит(ь) почели... и *ечмени* жнуть»,— читаем в отписке вотчиннику.

В условиях принадлежности полей разным вотчинникам и помещикам неизбежным явилось распространение формы множественного числа на названия посевов одной культуры и вместе с тем одного срока, но принадле-

жащих разным владельцам. А отсюда было уже недалеко до обозначения посевов одной культуры, одного срока, одного владельца тем же самым способом. Приведем примеры из «Грамоток» XVII века: «В ранних овсах будут семена,— сообщал приказчик барину,— а гречихи, государь, мороз побил все вкорен(ь)»; «А поздние, государь, пшеницы,— писали в другом случае,— видитца, наплли, тол(ь)ко, государь, зерна же крепчает». Или еще: «А пшеницы ранние и ечмени жнут». По мере укрепления в языке таких форм множественного числа этот способ наименования хлебов распространился и на те из них, которые сеяли в один прием. Например, мы ничего не знаем о посевах в разные сроки ржи (озимой), а форма множественного числа ржи с давних пор употреблялась.

В зависимости от времени посева культуры и ряда других обстоятельств урожайность, качество, сортность хлебов могли, естественно, быть разными, и это явилось предпосылкой к развитию в данных формах множественного числа нового, более отвлеченного значения: они стали означать и совокупность сортов.

Значение этой группы форм, наиболее близкое к их исторической семантике, указано В. В. Виноградовым. Он говорит о словах «со значением посевных площадей, сборов, вообще с сельскохозяйственным значением засеянных полей или совокупности сортов» (Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 158).

В XVI—XVII столетиях упомянутые формы множественного числа охватывали больший круг слов, нежели в современном литературном языке, но, в общем, примерно равный тому, какой мы наблюдаем в просторечии и русских народных говорах. Тогда употреблялись формы *гречихи*, *овсы*, *пшеницы*, *ржи*, *ячмени* и обобщенное название *хлеба* (в отличие от *хлебы* — печенье). От слова *сено* в говорах появилась форма *сена*, а обозначение молодых всходов хлебов воплотилось в южновеликорусской форме *зеленя*, которая впоследствии для некоторых писателей (И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и других) стала литературной.

Более позднее значение таких форм «совокупность сортов» со временем распространилось в нашем языке гораздо шире, чем первичные значения, и далеко вышло за пределы лексики, связанной с сельским хозяйством. Теперь общеупотребительны такие образования от существительных с вещественным и собирательным значением, как: *масла*, *вина*, *табак*, *стали*, *чугуны* (сплавы) и т. п. Как видим, истоки этого значения возникли в далеком прошлом и в конце концов были обусловлены практической деятельностью людей.

Активное использование форм множественного числа от названий злаков в их первоначальном значении засвидетельствовано в художественной литературе. Характерно, к примеру, обилие их в авторской речи И. А. Бунина и в языке героев его произведений: «Запахли медом ржи, На солнце бархатом пшеницы отливают» (Как флером даль полей...); «[Клим:] Сеяли гречишкучто в нынешнем годе, сударыня? Хороши, говорят, понче гречихи!» (Суходол); «[Работник Копель:] Дождок теперь для зеленой первое дело» (Дервня).

Думается, что в литературном языке формы множественного числа *ржи*, *гречихи*, *пшеницы*, *ячменя* могут употребляться так же, как и *хлеба*, *овсы*.

Доктор филологических наук
С. И. КОТКОВ

Расческа, гребень, гребенка

Такое привычное и необходимое слово, как *расческа*, пришло в литературный язык из народных говоров и утвердилось в нем в качестве обычного, нейтрального слова совсем недавно — в последние десятилетия. Еще в Толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова, отражающем нормы литературного словоупотребления 20—30-х годов, оно расценивалось как просторечный синоним к слову *гребенка*.

В литературном языке XIX века слово *расческа* обозначало действие и было синонимом к отглагольному существительному *расчесывание*; в XVIII веке оно употреблялось также в значении 'прическа': «Двери открываются, Богатов входит в необыкновенной расческе, кафтан порядочной, и при пшаге» (Российский фтеатр, XXXVIII); «При расческе материал чуть-чуть смазывают кокосовым маслом» (Гончаров. Фрегат «Паллада»).

В значении 'гребень, гребенка, гребешок' слово *расческа* употреблялось в говорах Владимирской, Костромской, Ярославской, Тамбовской, Смоленской, Псковской, Новгородской, Архангельской губерний, на Дону и в других местах. Оно отмечено в областном академическом словаре («Опыт областного великорусского словаря». СПб., 1852), а также во многих записях местных слов и народных песен, сделанных в это время. Вот некоторые из этих записей: «Ржу косу чесала, расчесочку сломала» (А. И. Соболевский. Великорусские народные песни. СПб., 1895—1902); «Ходил гулял молодец Удоль по бережку, расчесывал кудерцы расчесочкой» (Орловская губерния).

Собиратели областных слов разъясняли в своих записях значение слова *расческа*, описывали особенности самого предмета, характерные для данной местности. Так, например, мы узнаем из одного описания, что на территории, расположенной по реке Печоре, *расческа*, которой здесь пользуются, обычно «менная (медная), мужики допрежь на поясу носили».

В художественных текстах XIX века слово *расческа* встретилось нам только у Н. С. Лескова, нередко пользовавшегося в своих произведениях местными словами: «А мне [барыня дала] трубку и кiset с табаком и расческу» (Очарованный странник).

Местному слову *расческа* соответствовали в общенародном языке XIX—начала XX века издавна существовавшие и имеющие соответствия во многих славянских языках слова *гребень, гребенка, гребешок*: «[Адуев] выпул из кармана гребенку и тщательнo причесал... волосы» (Гончаров. Обыкновенная история); «Только напрасно ты мне это купил,— прибавила она, ...любуясь на золотой в жемчугах гребень, которые тогда только что стали входить в моду» (Л. Толстой. Война и мир); «Взяв гребенку с подзеркальничка, он садился в кресло, расчесывал волосы на голове, бороду» (М. Горький. Анекдот).

Синонимы в исходном, общем значении 'продолговатой пластинки с зубьями для расчесывания волос', существительные *гребень, гребенка, гребешок* приобрели также и собственные оттенки этого значения, называя разновидности одного и того же предмета. Эти отличия отмечены некоторыми словарями XVIII — XX веков и заключаются, в частности, в следующем: *гре-*

бень и *гребешок* могут иметь зубья по обеим сторонам, *гребенка* только по одной; *гребень* и *гребешок* употребляются для «вычесывания нечистот», *гребенка* для этой цели не употребляется (отсюда устойчивые словосочетания *частый гребень*, *частый гребешок*, но нет словосочетания *частая гребенка*); *гребенка* как «пластинка с зубьями для поддержания прически» в отличие от *гребня* «бывает продолговатее и уже сего» («Словарь Академии Российской» 1789—1794).

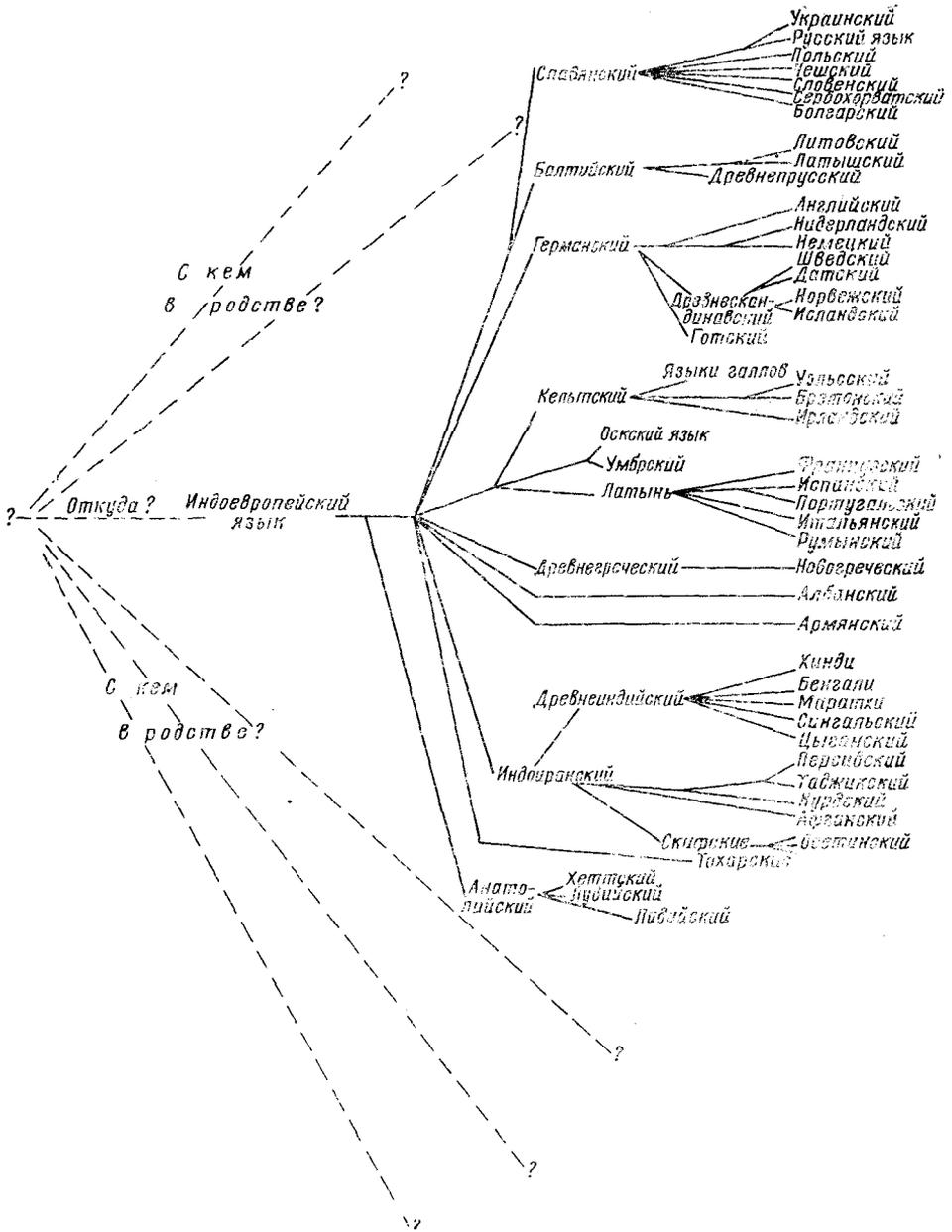
Постепенно эти оттенки общего значения слов *гребень*, *гребенка*, *гребешок* становятся основными. Из разновидностей данного предмета слова *гребень*, *гребенка* стали обозначать предметы для скрепления и украшения женской прически, продолжая употребляться также и в общем значении любой «пластинки для расчесывания». Язык, однако, не терпит неясности, неопределенности. Для обозначения только «прямой пластинки» и только «для расчесывания» стало употребляться новое название *расческа*, областное по происхождению. Оно сохраняет непосредственную связь с глаголом *расчесывать* и поэтому очень точно и понятно передает сущность обозначаемого предмета. Корни слов *расческа* и *гребень*, *гребенка* исторически имеют сходные значения, но этимология последних стала с течением времени непонятной, затемненной (слова *гребень* — *гребенка* образованы с помощью суффикса *-ень* от общеславянской основы *греб* — древнерусское *грести* «чесать», засвидетельствованное в памятниках письменности). Это определило судьбу слова *расческа* в общенародном словоупотреблении. С начала XX века и особенно в наше время оно получает в литературе широкое распространение.

Существительное *расческа* не сразу стало восприниматься как обычное слово без сниженной стилистической окраски. Даже последние по времени словари русского языка, хотя и признают уже *расческу* нейтральным словом без каких-либо ограничений в употреблении, все-таки основными в данном синонимическом ряду считают слова *гребень* или *гребенка*: существительное *расческа* определяется в них либо через слово *гребенка* (в академическом четырехтомном «Словаре русского языка» и в Словаре С. И. Ожегова), либо через слово *гребень* (в 17-томном академическом Словаре).

Между тем именно *расческа* является в наше время самым активным из этих трех слов выразителем значения «пластинки с зубьями для расчесывания».

Если еще рано говорить об устарелости, о полном выпадении из употребления в этом значении слов *гребень*, *гребенка*, то во всяком случае можно говорить о переходе их в пассивный запас языка. Вряд ли кто-нибудь из людей младшего и, пожалуй, даже среднего поколения назовет *расческу* *гребенкой* или *гребнем*. Слова *гребень* и *гребенка* в современном употреблении обозначают отмеченные выше оттенки исходного значения, отличающие их от *расчески*. Эта дифференциация четко отражается в специальном словоупотреблении, где все три слова выступают как номенклатурные названия разных, хотя и сходных галантерейных товаров. В наши дни, следуя велению моды, *гребень* и особенно *гребенка* почти ушли из повседневной жизни, что еще сильнее укрепило позиции *расчески* и как предмета обихода и как слова.

Кандидат филологических наук
Л. И. БАЛАХОНОВА

В поисках далекого родства

Русский язык принадлежит к славянским. Это известно всем. Но что это, собственно, значит? Родственными называются языки, имеющие общее происхождение. Фраза «Русский язык родствен польскому, чешскому, болгарскому, сербскому» означает в точности то же самое, что и фраза «Русский, польский, болгарский и проч. происходят из общего (так называемого „общеславянского“) языка-предка».

Славянские языки принадлежат к индоевропейским. Иными словами, славянские языки вместе с балтийскими (литовским и латышским), германскими, латынью (и ее потомками — романскими языками), греческим, индийскими и иранскими языками, армянским, анатолийскими (хеттским и др. языками древней Малой Азии) и проч. происходят из общего индоевропейского языка. Это доказанный факт. Как устанавливается родство — об этом несколько ниже. Изучением индоевропейского языка-предка и процесса его превращения в отдельные языки-потомки: общеславянский, латынь, греческий, древнеиндийский и проч., — занимается та область языкознания, которую называют индоевропеистикой, или сравнительной грамматикой индоевропейских языков.

Ну хорошо: русский язык — из общеславянского, славянский — из индоевропейского. А индоевропейский откуда? Русский язык в родстве с болгарским, польским, сербским... Праславянский язык имеет общее происхождение с латынью, прагерманским, древнегреческим, древнеиндийским... А какие языки находятся в родстве с индоевропейским?

Этой проблеме и ее решению в свете данных современной науки и посвящена настоящая статья. В ней прежде всего пойдет речь об открытиях замечательного советского лингвиста — компаративиста В. М. Иллич-Свитыча (1934—1966).

О ПРИНЦИПАХ

Родство нескольких языков — это исторический факт их происхождения из одного общего языка-предка, доказываемый методами сравнительного языкознания. Например, русский, украинский и белорусский языки происходят из древнерусского. Хинди, бенгали, маратхи, цыганский и другие новоиндийские происходят из того древнеиндийского языка, литературно обработанная форма которого известна под названием «санскрит». Французский, итальянский, испанский, румынский и другие происходят из латыни. Немецкий, английский, шведский и другие — из прагерманского. Латынь, греческий, праславянский и проч. — из индоевропейского. Если язык-предок имел письменность (так обстояло дело с древнерусским, прароманским — латынью, праиндийским), этот язык изучается по письменным памятникам. Но вот у праславян, прагерманцев, индоевропейцев письменности не было, и приходится изучать эти языки, восстанавливая облик языка-предка на основании языков-потомков.

Наука разработала строгие и достаточно надежные методы реконструкции исчезнувших языков. Впрочем, пределы возможностей такой реконструкции, степень ее достоверности — это вопрос непростой и разбирать его надо особо (см. об этом мою статью в журнале «Знание—сила», 1966, № 7).

Как же устанавливается сам факт родства нескольких языков? Этот факт доказан, если в сравниваемых языках удалось найти много общих корней, отвечающих трем требованиям:

1. В этих корнях звуки сравниваемых языков должны соответствовать друг другу по некоторым правилам, которые можно точно сформулировать. Скажем, русское *м* всегда соответствует немецкому *m*, а русское *т* в начале слова — немецкому *d*: *мышь* — *Maus*, *ты* — *du*, *три* — *drei*, *тонкий* — *dünn* и т. д. (см. таблицу 1).

2. Среди этих корней непременно должно быть значительное число таких, которые не могут заимствоваться одним языком из другого. Далеко не всякие слова могут переходить из языка в язык. Все зависит от их значения. Названия частей одежды, предметов материальной культуры, например, заимствуются легко (ср. наши *кепи*, *сюртук*, *автомобиль* или *торшер*), а вот местоимения некоторых разрядов (личные и притяжательные 1-го и 2-го лица, вопросительные) не заимствуются никогда. Так что сходство русского *ты* с латинским *tu* не может объясняться проникновением латинского слова к славянам или наоборот.

Практически никогда не заимствуются слова, обозначающие ухо, нос, язык, ногти, пальцы, ноги и т. п.; глаголы со значением *быть*, *есть*, *видеть* и т. д. Вот на такого рода словах и устанавливается родство между языками.

3. Из доказательного списка нужно еще исключить слова типа *мама*, *папа*, *няня*, *дядя*, которые возникают из детского лепета и поэтому бывают сходны в самых разных языках. Недоказательны

Важнейшие звуковые соответствия в индоевропейских языках

Индоевропейский	Древнеиндийский	Русский	Греческий	Латынь	Английский	Немецкий
*p	p	п	π	p	f	f
*b	b	б	β	b	p	f
*bh	bh	б	φ	f	b	b
*t	t	т	τ	t	th	d
*d	d	д	δ	d	t	z, ss
*dh	dh	д	θ	f	d	t
*k	k, c (ч)	к, ч	κ	c	h	h
*g	g, j (дж)	г, ж	γ	g	k	k
*gh	gb, h	г, ж	χ	h	g	g
*k̄ (к̄ь)	ś (ш)	с	κ	c	h	h
*ḡ (г̄ь)	j (дж)	з	γ	g	k	k
*gh̄ (г̄ьь)	h	з	χ	h	g	g
*k̄w	k, c (ч)	к, ч	π, τ	qu	wh	w
*ḡw	g, j (дж)	г, ж	β, δ	v	qu	qu
*gh̄w	gh, h	г, ж	φ, θ	f	w	w
*s	s, ś	с, х, ш	ς, —, σ	s, —r-	s, —r-	sch, s-, —r-
*i (й)	y (й)	й	ι, —, ζ	j	y, —	j, —
*u	v	в	—	v	w	w
*r	r	р	ρ	r	r	r
*l	r, l	л	λ	l	l	l
*m	m	м	μ	m	m	m
*n	n	н	ν	n	n	n
*a	a	о	α	a	Готский a	
*e	a	е, ё	ε	e	e, i	
*o	a, a	о	ο	o	a	
*ə	i	о	α	a	a	

и звукоподражательные слова типа *шушукаться*, *кукушка*, *дзенькать*. Если есть серьезные основания подозревать, что какое-нибудь слово происходит из звукоподражания или звуковой символики, то оно не может подтверждать родство — ведь звукоподражательные слова часто бывают сходны и в неродственных языках.

Итак, большое количество общих корней, закономерность звуковых соответствий не могут быть случайными. А если общность корней к тому же нельзя объяснить ни заимствованием, ни звукоподражанием, неизбежно напрашивается вывод, что сами сравниваемые языки происходят из одного источника.

Есть еще один аргумент в пользу родства — грамматика. И не просто сходство грамматического строя, а материальное сходство грамматических морфем: окончаний, префиксов, служебных слов. Если, скажем, личные окончания глаголов и падежные окончания имени у нескольких языков общие, это, разумеется, доказывает

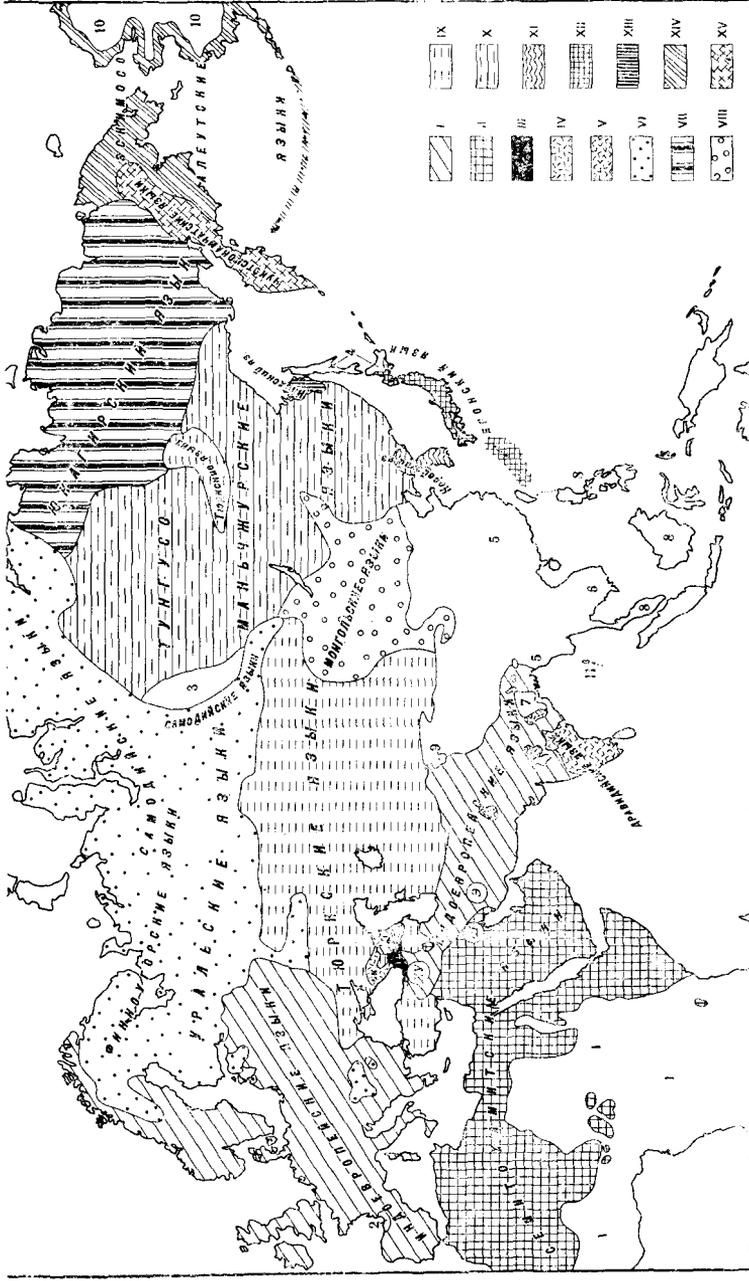

Схема географического расположения языковых семей в XV веке н. э. До начала колонизации новых земель европейцами, китайцами, якутами, чукчами и проч. Условные обозначения:

1 — индоевропейские языки; 2 — семито-хамитские; 3 — картельские (грузинский и др.); 4 — северокавказские: абхазо-абхазские, чеченские, дагестанские; 5 — дравидийские; 6 — уральские; 7 — южнотуркские; 8 — монгольские; 9 — тюркские; 10 — тунгусо-маньчжурские; 11 — корейский; 12 — японский (вместе с рюкюским); 13 — вьетский; 14 — аустроазиатские; 15 — африканские; 16 — африканские; 17 — африканские.

Языки, не обнаруживающие родства с индоевропейскими: 1 — языки Африки: конго-курдофанские, нигосахарские, койсанские; 2 — баскский; 3 — енисейские (кетский и др.); 4 — айнский; 5 — китайско-тибетские; 6 — тайские, мiao-ло, монхмер; 7 — языки мунда; 8 — австронезийские (малайско-полинезийские); 9 — язык бурушаски; 10 — американские индейцев; 11 — андаманские. Вымершие языки: 12 — хуррито-урартские; 13 — шумерский; 14 — эламский.

родство. Так что, если языкам удалось сквозь тысячелетия пронести нетронутыми свои окончания или префиксы, можно считать, что лингвистам повезло.

Но рассчитывать на такое везение нельзя. За многие тысячелетия язык мог порастерять древние грамматические показатели. Английский язык, например, утратил почти все окончания надежд и личные окончания глаголов, доставшиеся ему в наследство от индоевропейского предка. Почти ничего не осталось от древних окончаний надежд в современных индийских языках, в болгарском, во французском и персидском. Как видите, этот второй аргумент — грамматический — действует не всегда. Зачастую приходится при изучении родства ограничиваться корнями слов.

В самом деле, если бы из всех индоевропейских языков до наших дней сохранились только английский, французский, новоиндийские и персидский, могли бы мы установить их общее происхождение? Да, могли бы — хотя задача была бы не из легких. С грамматическими окончаниями дело обстояло бы, прямо скажем, неважно, но найти в словах общие корни индоевропейского происхождения удалось бы.

КАК ВОЗНИКЛА ГИПОТЕЗА?

Итак, есть ли у индоевропейских языков родственники?

Лингвисты уже давно обратили внимание на удивительное сходство местоимений (личных и притяжательных, вопросительных и указательных) в языках разных семей Европы, Сибири, Западной Азии и северной половины Африки, а именно в индоевропейских языках, уральских (финно-угорских и самоедских), тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских в Сибири, в юкагирском языке на Колыме, в чукотско-камчатских, в картвельских языках (грузинский и др.) и в семито-хамитских (т.е. в семитских, древнеегипетском, берберских в Северной Африке, кушитских в Эфиопии и Сомали, чадских к югу от Сахары). Сравните, например:

<i>Русский</i>	<i>Мордовский</i> (финно-угорская группа)	<i>Монгольский</i> язык XIII века	<i>Юкагирский</i>	<i>Чукотский</i>
меня	мон 'я'	мину 'меня'	мэг 'я'	гы-м 'я'
тебя	тон 'ты'	чину 'тебя'	тэт 'ты'	гы-т 'ты'
		из древнего <i>тину</i>		

По-татарски 'я' — *мин*, по-грузински — *ме*. 'Ты' в семитских, берберских и кушитских языках выражается с помощью морфемы *t*.

Или возьмем вопросительные местоимения. Нашему индоевропейскому корню **k^w*- (русское *кто*, латинское *quis* и проч.) соот-

ветствует финское *ku-* (*kuika* 'кто'), тюркское *к-* (древнетюркское *кана* 'где', *ким* 'кто'), кушитское **kʷ-* (*каффа kō-nē* 'кто'), ительменское (на Камчатке) *ке* 'кто' и т. п. Можно заметить, что корень, начинающийся на *к* (со следами древнего огубления) чаще всего обозначает 'кто'.

А вот в значении 'что', где индоевропейцы употребляют тот же **kʷ-* (латинское *quid*, хеттское *kuīt* 'что'), другие языки обычно используют неизвестный нам корень на *ш-*: в финском 'что' — *mi-kä*, в ительменском — *min*, в арабском — *mā*, а у мегрелов в Грузии — *mi*. Между прочим, если хорошенько поискать, следы этого корня можно найти и в индоевропейских языках. После того как в 1916 году Бедржих Грозный расшифровал таинственный язык хеттской клинописи в древней Малой Азии, оказалось, что в этом индоевропейском языке есть вопросительные слова с корнем *ma-*: 'как' по-хеттски *maḥḥan*, 'каков (по величине)' — *mašwanz*. Тот же корень нашли и в тохарских языках — недавно расшифрованных вымерших индоевропейских языках Сибирского Алтая. Так, в одном из них, который называют языком В, есть слово *mañt* 'как', есть местоимение *mäksu* 'какой'.

Сходство местоимений заставило ученых высказать гипотезу о том, что индоевропейские языки, возможно, находятся в отдаленном родстве со многими языками Сибири, Кавказа, Ближнего Востока и северной части Африки. Вот что писал по этому поводу известный датский лингвист Хольгер Педерсен в 1924 г. «Разумеется, совершенно невозможно считать все это [совпадения в индоевропейских и финно-угорских языках. — А. Д.] игрой случая... Было бы поэтому большим легкомыслием отвергать родство этих двух языковых семей. Если же мы примем родство, это с необходимостью поведет нас дальше. И не только к самоедским языкам, которые нельзя оторвать от финно-угорских, но и по всей Северной Азии и через Берингов пролив. Ибо совпадения, аналогичные приведенным, хотя и более слабые, находим мы в тюркских, монгольских, в юкагирском и даже в эскимосском. С другой стороны, родство индоевропейских с семитскими языками заставляет нас принять родство и с широко распространившимися хамитскими языками... А в середине между нашими северными и южными сородичами находятся кавказские языки, которые также нельзя оставить в стороне, а также различные вымершие языки Малой Азии и соседних районов. Не исключена возможность, что некоторые из индоевропейских языков древней Малой Азии находятся в ближайшем родстве с нашей индоевропейской семьей. В качестве обобщающего названия для тех языковых семей, которые родственны нашей, можно принять термин „ностратические языки“... Вопрос заключается лишь в том, можно ли будет собрать достаточно материала, чтобы это сравнение обрело плоть и кровь, получило четкие контуры».

О какой «плоти и крови» говорит Х. Педерсен? Читатель, надеюсь, уже понимает, о чем идет речь: нужны многочисленные род-

ственные корни, нужны правила точных звуковых соответствий, которым эти корни подчиняются.

Кстати, термин «ностратические», предложенный Х. Педерсеном, происходит от латинского *poster* 'наш' (так сказать, нашенские языки). Термин этот не совсем удобен, называть эти языки «нашенскими» могут европейцы, индийцы, семиты, турки, но он бы звучал странно в устах индонезийцев, китайцев или конголезцев. Предпочтительнее термин «борейские языки» от греческого *borēas* 'север', в противоположность «австрическим» ('южным') языкам, к которым относят языковые семьи Юго-Восточной Азии и Океании.

Во времена Х. Педерсена, однако, еще не было условий для надежного сравнения борейских языков между собой. Дело в том, что лингвистам еще не был известен древнейший облик картвельских, уральских, тунгусо-маньчжурских и прочих корней. А ведь чем больше время раздельного существования родственных языков, тем труднее их сравнивать.

Подумайте, на каких языках легче строить сравнительное индоевропейское языкознание: на современном французском и хинди или на латыни и древнеиндийском? Имей мы только французский и хинди, пришлось бы сопоставлять *frère* и *bhāī* 'брат', *mère* и *mā* 'мать'. Скольکو остроумия и труда потребовалось бы лингвистам, чтобы установить даже самые простые индоевропейские звуковые соответствия! Другое дело — латынь и древнеиндийский: *frāter* — *bhrātar* 'брат', *māter* — *mātar* 'мать'. Сравнить куда легче, потому что языки не успели слишком далеко разойтись.

Так и в бореалистике. Гораздо проще и легче сравнивать не современные индоевропейские с финским, арабским, эвенкийским и грузинским, а древний реконструированный индоевропейский язык с древними реконструированными прауральским, прасемитохамитским, пратунгусо-маньчжурским и пракартвельским. Чем древнее, тем легче. Поэтому до тех пор, пока не было серьезного картвельского сравнительного языкознания, тунгусо-маньчжурского, семито-хамитского и проч., успешно сравнивать борейские языки было очень трудно.

В последние десятилетия положение в компаративистике изменилось. Достигло высокого уровня уральское сравнительное языкознание, и мы имеем теперь довольно ясное представление об уральском языке в его древнейшем виде. Быстрые успехи делает сравнительное изучение картвельских языков Кавказа — уже есть этимологический словарь и хорошие работы по сравнительной грамматике. Разработана сравнительно-историческая фонетика тунгусо-маньчжурских языков, и уже можно себе представить древнейший облик тунгусо-маньчжурских корней. Значительно продвинулись вперед тюркология, монголистика, семитология. Разработка дравидологии (науки о дравидийских языках

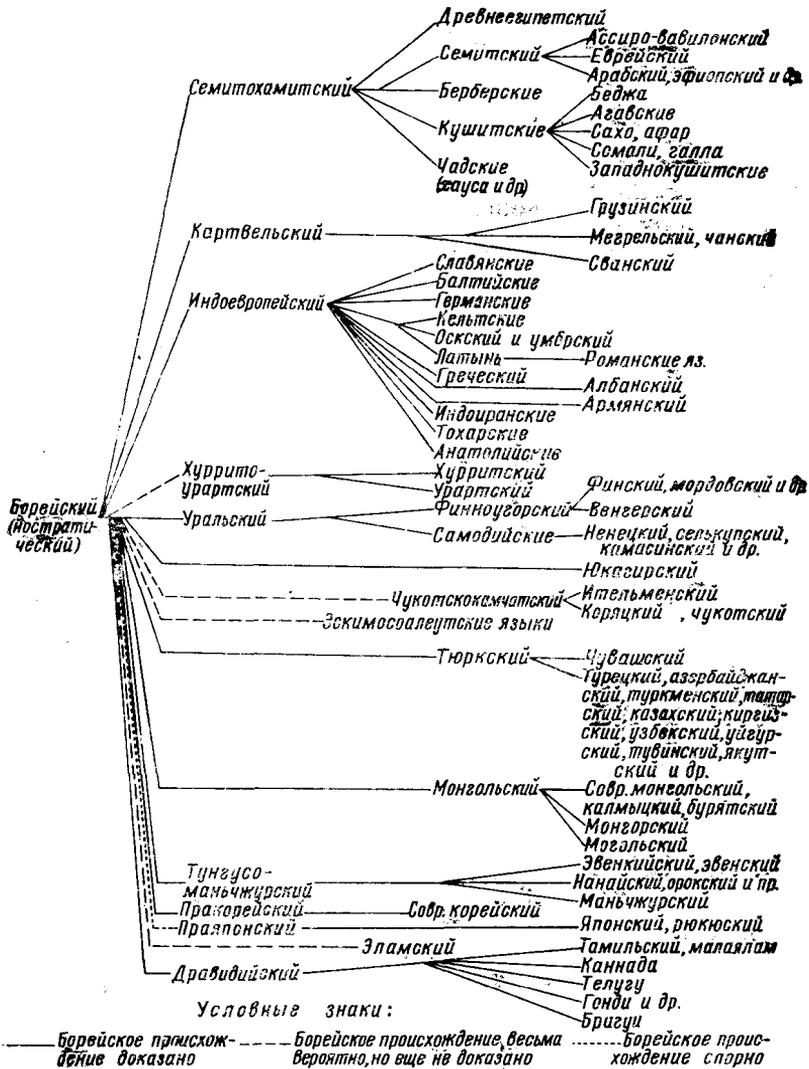
Индии) позволила включить в область сравнения и дравидийские. Теперь уже есть что сравнивать.

Поначалу языковеды, интересовавшиеся отдаленным родством, сопоставляли языковые семьи попарно: одни сравнивали индоевропейские языки с финно-угорскими, другие — финно-угорские с дравидийскими, третьи — индоевропейские с семитскими и т. д. Конечно, это была очень полезная и важная работа. Исследования шведского компаративиста Б. Коллиндера, финна М. Рясянена, английского дравидолога Т. Барроу и других намного продвинули вперед сравнительную бореалистику. Однако вот что может показаться парадоксальным: оказывается, сравнение двух языковых семей между собой дает гораздо менее надежные результаты, нежели сравнение четырех, пяти или шести семей.

Почему? Потому что совпадения между двумя языками могут быть чисто случайными. А вот если тот же корень вы обнаружите и в третьем, и в четвертом, и в пятом языке, тут уже на случайность не сошлешься. Всякий, кто знаком с теорией вероятности, поймет, как быстро падает вероятность случайного совпадения с повышением количества языков, в которых наблюдается совпадение.

Возьмем пример. Есть в индоевропейском языке корень *ker- 'кора, кожа'. Этот корень, который вследствие морфологических чередований выступает в виде *ker-, *kor- и *kr-, известен нам из русского слова *кора*, из латинского *corium* 'кожа' и *cortex* 'кора' и т. д. Оказывается, корень такого же значения и звучания есть в семито-хамитских языках: в арамейском (одном из древних семитских языков) слово *qāṭm* означало 'кожа, кора', в кушитском языке сахо (Эфиопия) 'кора' называется *en-giṛō* (где *en-* префикс), в чадском языке муби (Республика Чад) слово *kurōgo* означает 'скорлупа'. Получается совпадение между индоевропейскими языками и семито-хамитскими. Такое совпадение в двух семьях может быть, разумеется, и чисто случайным. Но когда тот же корень мы находим и в финском *kuore* 'кора', и в монгольском *kōrisū* 'кожа', и в древнетюркском *qāz* 'кора' (где *z* из древнего смягченного *g*), и в грузинском *kerki* 'кора' и т. д., тут уже всякие разговоры о случайности придется оставить.

Латинская поговорка гласит: *Qui nimium probat — nihil probat* ('Кто доказывает слишком многое, не доказывает ничего'). А вот в сравнительном языкознании получается наоборот: родство шести языковых семей доказать легче, чем родство двух. Вот по какой причине, занимаясь генетическим сравнением бореиских языков, надо отойти от принятой практики попарного сопоставления языковых семей и сравнивать многие предположительно родственные группы языков. Такой метод был применен В. М. Иллич-Свитычем, его придерживается и автор этих строк.

Важнейшие соответствия согласных в борейских языках

Борейский	Индоевропейский	Уральский		Тюркский	Монгольский	Тунгусо-маньчжурский	Дравидийский	Картвельский	Семиго-хамитский
		в начале слова	между гласными						
(В начале слова)									
	*t	*t	*tt	*t	*t	*t	*t	*t	*t, *t
	*d	*d	*t	*d	*d	*d	*t	*t	*t
	*p	*dh	*t	*j	*d	*d	*t	*d	*d
	*p	*p	*p	—	*f	*p	*p	*p	*p
	*b	*bh	*p	*b	*f, *b	*p, *b	*p	*p	*p, *b
Перед *ä, *e, *i	*k	*k	*k	*k	*k	*x	*k	*k	*k, *k
	*k	*k	*k	*k	*k	*k	*k	*k	*k
	*g	*g	*k	*k	*g	*g	*k	*g	*g
Перед *a	*k	*k	*k	*q	*q	*x	*k	*k	*k, *k
	*k	*k	*k	*q	*q	*k	*k	*k	*k
	*g	*g	*k	*q	*g	*g	*k	*g	*g
Перед *o, *u	*k	*k ^w	*k	*k	*q	*x	*k	*kw	*k ^w , *k ^w
	*k	*g ^w	*k	*k	*q	*k	*k	*kw	*k ^w
	*g	*g ^w _h	*k	*γ	*q	*g	*k	*gw	*g ^w
	*q	*k̂, *k, *k ^w	*k	? *q, *k	*q, *k	*x	*k	*q, *q ^w	*k, *k ^w
	*q	*ĥ, *h, *h ^w	—	*γ	—	—	—	*q, *q ^w	сем. *ĥ
	*g	*ĥ, *h, *h ^w	? *γ	—	—	—	—	*γ, *γ ^w	сем. *γ
	*w	*u, *u	*w	*w	*b, —	—, *b	*v	*w	*w
	*j	*i, *i	*j	*j	*j	*j	*j, —	*j, —	*j
	*l	*l	*l	*l	*l	*l	*n	*l, *r	*l
	*r	*r	*r	*r	*j?	? *j	*n?	*r	*r
	*m	*m	*m	*m, *b	*m, *b	*m, *b	*m	*m	*m
	*n	*n	*n	*n	*n	*n	*n	*n	*n
	*s	*s	*s	*s	*s	*s	*ç	*s	*s
	*ç	*s	*ç	*s	*s	*s	*ç	*ç	*ç
	*ç	*s	*ç	*s	*s	*s	*ç	*ç	*ç

ЧТО ЖЕ ОКАЗАЛОСЬ?

Для доказательства родства необходимы точные звуковые соответствия между корнями сравниваемых языков. В. М. Иллич-Свитыч такие соответствия нашел. Установленные им правила звуковых корреспонденций охватывают индоевропейские языки, уральские, так называемые алтайские (т. е. тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские), дравидийские, картвельские и се-

мито-хамитские. Это замечательное открытие превратило бореалистику из области более или менее правдоподобных предположений в область доказанных фактов (см. таблицу 2).

Объяснение значков, встречающихся в таблице 2 и дальше в тексте. Точка под буквой (t, p, k, c, č) в борейском, картвельских и семито-хамитских языках (кроме семитских) обозначает глоттализию, т. е. произношение согласного с сомкнутыми голосовыми связками, как в грузинском имени Niço или в слове Ⴀqaltubo 'Цхалтубо'. В семитских же языках t, s обозначает t, s эмфатические, т. е. t, s, произносимые с напряжением зева и задней части языка.

В дравидийских языках t, d, p, l, r — это звуки, произносимые с загнутым назад кончиком языка.

q — увулярное (очень заднее) к, ɠ — увулярное г; ɠ — увулярное x, q — увулярное глоттализованное к.

θ — щелевое m (th в английском three).

ð — щелевое ð (th в английском this).

ɣ — щелевое ɣ (g в ростовском или рязанском произношении).

φ — щелевое n, т. е. двугубное β, которое мы произносим, когда тушим свечу.

z — это z, c — ц, ʒ — дз, š — ш, ž — ж, č — ч, ǰ — дж.

Буквы ś, ź, č, ǰ, ĩ, ĩ̄, ĩ̄̄ обычно обозначают палатальные («мягкие») звуки, что-то вроде сь, зь, ць, дзь, нь, ль, рь. Но в прасемитском ś обозначает глухой латеральный (ш-образный глухой ль). А в пракартвельском и в борейском мы применяем буквы ś, ź, č, ǰ для обозначения таких сибилантов свистящих или шипящих, точное произношение которых неизвестно и о которых мы знаем лишь одно: они отличались и от s, z, c, ʒ и от š, ž, č, ǰ.

ʔ — это звук, получающийся в результате размыкания сомкнутых голосовых связок. Это тот «твердый приступ», который слышится в начале слов ich или eg в хорошем немецком произношении. В очень многих языках (например, в семито-хамитских) это самостоятельная фонема, особый согласный.

ʕ — это звук сдавленного голоса, получающийся при сужении стенок зева. Такой звук арабы обозначают буквой «айн».

ħ — глухой согласный, соответствующий звонкому ʕ. На слух воспринимается как глубокое горловое x. Такой звук есть у арабов в имени Мухаммад.

Буквой ə в борейском, в уральском и в других реконструируемых языках (кроме индоевропейского) обозначают гласный, качество которого не удалось определить. В индоевропейском ə имеет широк смысл: так обозначается особый гласный, происходящий из ларингалов (согласных звуков типа h).

Мы пишем ə, если знаем, что перед нами гласный переднего ряда, но не знаем, какой именно: ä, e или i. Если знаем, что гласный огубленный, но не знаем, это o или u, пишем ɔ̄. Буква ä обозначает очень открытое ə (a в английском man).

СУДЬБА ГЛАСНЫХ

Гласные, история которых довольно сложна, в таблицу мы не включили. Но, чтобы легче разбираться в древних корнях, полезно кое-что знать и о гласных.

В борейском языке удается реконструировать гласные a, o, u, e, i и, видимо, ä. Они относительно хорошо сохраняются в восточных языках-потомках: уральском, дравидийском и отчасти алтайских (тюркском, монгольском, тунгусо-маньчжурском).

В западных же языках — индоевропейском, картвельском, семито-хамитском — возникло морфологическое чередование гласных, так называемый аблаут (апофония). В индоевропейском

языке, например, всякое *e* чередовалось с *o* или с нулем звука: в одних формах глагола (например, в так называемом «презенте») употреблялось *e*, в других формах и в производных словах того же корня (например, в перфекте и в некоторых типах существительных) — *o*, в третьих — ноль (гласный корня пропал в вообщности): *bhendh, *bhondh, *bñdh. Остатки такого чередования вы найдете в формах немецкого сильного глагола (binden, band, gebunden) или в русских парах типа *везу* — *воз* и *теку* — *ток*.

Что происходило с боре́йским корнем в индоевропейском языке? Во-первых, отпадал гласный второго слога. Во-вторых, гласный первого слога изменялся. Обычно всякий гласный первого слога обращался в *e*, чередующийся с *o* и нулем (*e/o/нуль*). Но в определенных условиях боре́йские *i*, *e* и *ä* обращались в *ei/o/i*, а *и* и *o* — в *eu/ou/u/ue*.

НЕКОТОРЫЕ КОРНИ

Теперь займемся разбором боре́йских корней. Всего их известно сейчас более 600. Мы рассмотрим некоторые из них — для начала корни с относительно простой историей.

*Palə ‘много’. Примените к этому корню правила, сообщенные в таблице 2 и в разделе «Судьба гласных». Вы получите в индоевропейском корень *peł-, *pol-, *pl-. Узнаете что-то знакомое? Как по-латыни ‘больше’? Правильно, plus. А вспомнив о поливитаминах, полиметаллах, полиглотах и полимерах, вы поймете, что значит греческое слово πολύ (polü). В немецком, где индоевропейское *p дало f (помните таблицу 1?), из этого корня получилось слово viel ‘много’.

Теперь поищем этот корень в других боре́йских языках. В уральском в этом значении выступает корень *paljə: по-фински ‘много’ — paljon, по-эстонски — palju. В мансийском языке на Оби pāĭ означает ‘часто, густо’.

В том древнем монгольском языке, который реконструируется посредством сравнения всех известных науке языков монгольской группы, обнаруживаем корень *füle- ‘слишком много’. Позже почти все монгольские языки потеряли звук *f: всякое *f в начале слова превращалось там в нуль. Поэтому и слово *fülegü ‘слишком много’ (с суффиксом -gü) превратилось в классическом монгольском языке в ülegü. Но на счастье языковедов, на юге, на границе с Тибетом, есть один любопытный язык той же группы — монгорский, в котором начальное *f не исчезало. И там наше слово звучит fulü. Так что прамонгольское начальное *f доказано. Да, если звук исчез, найти его следы подчас нелегко. Зато, найдя пропавшее *f, мы уже можем по таблице 2 связать наш корень с его индоевропейским и уральским родичами.

Непросто и с гласным. В этом монгольском корне древнему гласному *a не повезло с соседями: рядом оказался губной согласный *ġ, а за стенкой (за звуком l) — передний гласный *e*. Так

что пришлось, соблюдая жестокие законы ассимиляции, действующие в монгольском языке, гласному *а самому стать передним и огубленным, т. е. превратиться в ү.

Примерно такая же история с гласным произошла и в тунгусо-маньчжурском корне *rölä, который значит 'слишком, лишний'. Здесь действовали законы, сходные с монгольскими, и *а превратилось в *ö. Корень *rölä до сих пор живет в нанайском слове rülie 'лишний', в маньчжурском глаголе fulu 'быть слишком многочисленным' и т. п.

Хорошо сохранился борейский корень в дравидийском слове *raḷə 'много'. В тамильском, в языках малаялам и каннада это слово теперь звучит rala, в языке телугу — ralu.

В картвельском языке, где *l в определенных условиях переходит в г и где *р перед согласным теряет глоттализацию, наш корень звучал *рг-. Он есть в грузинском слове pṛiadi 'много', урго 'больше'.

Ну, а как должен наш корень звучать в семито-хамитском? С помощью таблицы вы можете построить этот корень. Получится *rəḷə. Теперь проверим, есть ли такой корень в семито-хамитском. Оказывается, есть: он сохранился, например, в чадском языке ангас (Нигерия) в слове rīl 'очень'.

*šewə 'родить'. Было в индоевропейском языке слово *sūnus. В точном соответствии с правилами звуковых переходов оно дало литовское слово sūnus, древнеиндийское sūnus, готское sunus, немецкое Sohn, английское son, старославянское *сынъ*. Как вы правильно догадались, слово *sūnus означало 'сын'. Это не простое слово, а производное от индоевропейского корня *seu-/ *sou-/ *su- 'родить'. По-древнеиндийски 'рождает' — sūtē (где -tē — окончание), а бог солнца в Древней Индии назывался Savitar 'Родитель'.

Отправимся в другие борейские языки. В уральском мы найдем наш корень в виде *šewə, откуда происходит марийское слово *шывэ* 'потомство'. А за тысячи верст от Волги, в жаркой Эфиопии, кушитский язык шинана (семито-хамитской семьи) сохранил в значении 'родить' глагол šuw.

Теперь вам предстоит догадаться, как должно звучать слово 'сын' по-грузински, если оно от этого корня (который, по правилам сравнительной фонетики, должен в грузинском дать šv-), если оно содержит суффикс страдательного причастия -il- (сын — это ведь рожденный) и окончание именительного падежа -i, и если это слово встречается часто в конце грузинских фамилий.

*Paqdə (-*paədə) 'нога'. Что общего между *педалью*, *футболом*, *подагрой* и *пешеходом*? Все связано с ногами. Слово *педаль* — это латинское pedalis 'ножной', производное от pes (т. е. ped-s) 'нога', ball 'мяч'. *Подагра* — греческое слово, произведенное от корня лод- 'нога'. А *пеший* — русское слово, восходящее к индоевропейскому корню *ped-/pod- 'нога, ступня' — тому самому,

откуда и греческое *pod-*, и латинское *ped-*, и английское *foot*.

Теперь, разыскивая у индоевропейского корня родственников, попытаемся определить, из каких фонем этот корень состоял в борейскую эпоху. По-древнетюркски (и по-пратюркски) 'нога' *adaq*. Отсюда и слово *аяк* (*ajaq*) во многих современных тюркских языках, например, татарском или туркменском. Поскольку в тюркском начальное **p* исчезло (см. таблицу 2), соответствие с индоевропейским корнем налицо. В корейском языке 'нога' *radak*. В тюркском и в корейском перед нами тот же корень, оформленный суффиксом *-ak*.

В дравидийском языке есть корень **paṭə* 'ступня'. Его мы найдем у тамилов в слове *paṭam* 'подъем ноги'. А в языке малаялам слово *paṭam* расширило свое значение и теперь обозначает не только 'ступню', но и 'ладонь'.

Как же реконструировать древнее звучание? Сравнивая индоевропейские, тюркские, корейские и дравидийские слова, В. М. Иллич-Свитыч восстанавливал здесь древний корень **paṭə*. Я предложил привлечь к рассмотрению и семито-хамитский корень, дающий чадское **paḏə* 'бедро': его мы находим в слове *fūdi* 'бедро' языка муби (Республика Чад). Но поскольку чадское **d* может восходить только к борейскому **d*, значит, надо реконструировать корень в виде **paḏə*.

Предвижу возражение внимательного читателя. Как же так, ведь борейское **d* должно бы дать в индоевропейском **dh*, а не **d*! Должно было бы быть **pedh-*, а у нас **ped-*!

На самом деле, в этом пункте трудностей нет. Известен индоевропейский звуковой закон, запрещающий глухому и звонкому придыхательному находиться в одном корне. В соответствии с этим законом **dh*, оказываясь после глухого согласного, должно было перейти в **d*. Но есть трудность другая. Самым крепким орешком оказался корень в семитских языках. Он означал 'бедро' и звучал **paḥəḏə*. Откуда **ḥ* в середине?

Такой же «незаконный» звук (на этот раз!) находим и в середине сомалийского слова *ba'udo* 'бедро'. Если бы не эта злосчастная гортанная смычка, сомалийский корень проходил бы по всем статьям. А, может быть, семитское **ḥ* в слове **paḥəḏə* — древнее? Как известно, семитское **ḥ* восходит к борейскому **q*. Может быть древний вид корня — **paqḏə*, но в большинстве языков **q* перед смычным согласным закономерно исчезал. Чтобы подтвердить такую гипотезу, нужно было найти отражение нашего корня с двумя согласными в середине в тех языках, где такие сочетания согласных допускаются. Таковы тунгусо-маньчжурские и уральские языки. Только они единственные из всех борейских допускают в середине группу *gd*.

Если сочетание **qd* в тунгусо-маньчжурском дает **gd*, то наш корень должен был бы иметь вид **paqḏə*, т. е., например, в эвенкийском (где **r*- давало *h-*) должен был начинаться на *haqḏ-*. Оставалось открыть словари тунгусо-маньчжурских языков и

проверить, есть ли искомый корень в том месте, где мы предполагаем. Есть ли в эвенкийском слово, начинающееся на *haqđ-* и обозначающее 'ногу', 'ступню' или что-то в этом роде? Оказалось, есть! В эвенкийском языке оказалось слово *haqđi* 'пятка', слово *haqđikī* 'стопа, ступня, подошва'. А в другом тунгусо-маньчжурском языке — орокском — 'стопа' называется *paqđiga*.

Исследуя другие корни, удалось найти общую закономерность: если в борейском корне рядом стояли два смычных согласных, первый из них исчезал в тюркском, монгольском, дравидийском и почти всегда в индоевропейском, но сохранялся в уральском, тунгусо-маньчжурском и семито-хамитском.

Вот почему теперь нужно реконструировать наш корень в виде **paqđə*. Собственно говоря, писать ли **paqđə* или **paqđə* — это одно и то же. Положение такое же, как в русском языке. Ведь у нас перед шумными согласными разница между глухими и звонкими несущественна: *левкой* = *лефкой*. Так и в борейском перед смычным согласным разница между глухими и звонкими снимается (нейтрализуется). Так что две записи имеют тот же смысл: **paqđə* = **paqđə*.

**Kaḡā* 'черный'. Этот корень обнаруживается в индоевропейских языках, в тюркских, монгольских, японском, дравидийских и семито-хамитских. В индоевропейском корень имел вид **keḡ-s-*, **keḡ-* и встречался в древнепрусском *kirsnan* 'черный', в древнеиндийском *kr̥ṣṇá* и в греческом диалектном *κ̑ρ̑υ̑ι̑β̑ς* 'черный'.

В дравидийском это был корень **kaḡ*, **kāḡ*, **kaḡə*. В тамильском языке 'черный' *kaḡu*, 'чернота' *kāḡ*, в языке малаялам 'черный' *kaḡi*, у каннада 'чернота' *kāḡ*, у телугу 'чернота' *kaḡa*, 'черный' *kaḡi*. Семито-хамитский корень **kaḡə* есть в кушитских языках (*kaḡā* 'черный' в языке джанджеро в Западной Эфиопии) и в чадских (например, в языке герка в Нигерии *kurḡum*).

Читателю предлагается в виде упражнения такая задача:

1. Найдите русское слово этого корня, не забывая, что перед *e*, *ë* древнее *k* в русском языке переходит в некий другой звук: *кулак* — *кула?ок*, *пеку* — *пе?ёт*.

2. Найдите тюркское слово с тем же значением. Оно содержится, между прочим, в названии пустыни — «Черные пески».

3. Попытайтесь найти японское слово с этим корнем. Оно содержится в названии теплого течения — «Черное течение». Согласные в этом корне сохранились (только глоттализация потеряна), а вот гласные изменились.

4. Самым любознательным предлагается воссоздать современное монгольское слово со значением 'черный'. Сообщим лишь, что древнее монгольское *q* в современной Монголии перешло в *x*, что конечный **ä* здесь превратился в *a*. Еще напомним, что это слово содержится в монгольском названии «Черного города» — погибшей столицы тангутского государства Си-ся, о которой писал русский путешественник П. К. Козлов, а также недавно Е. И. Кычанов в книге «Звучат только письмена» (М., 1965).

Кандидат филологических наук
А. Б. ДОЛГОПОЛЬСКИЙ

Старинный русский календарь

НОЯБРЬ

(начало на стр. 2)

Такое же значение имеет термин *grudzień* в польском языке. Как название декабря это слово известно в белорусских говорах (грудзен), в сербскохорватском языке (грудан), словенском (*gruden*), словацком (*hruden*) и древнечешском (*hruden*). От того же корня образовано литовское название декабря (*gruodis*), что свидетельствует о большой древности наименования последнего месяца года. Древнерусский язык в данном случае имеет отклонение от глубокой старины. Сочетание *грудень зимний* обозначало 'январь', как явствует из рукописи XVII века, выдержки из которой приводятся в «Вологодских губернских ведомостях» (Часть неофициальная. 1855, № 50, стр. 411—414).

Г. А. Полетяка в «Словаре на шести языках (российском, греческом, латинском, французском, немецком и английском), изданном в пользу учащегося российского юношества» (СПб., 1763) приводит для ноября уже другое название — *листопад*, которое было известно и древнерусскому языку, но в качестве наименования октября. Существительное *листопад* как обозначение ноября представлено и сейчас во многих славянских языках: украинское *листопад*, белорусское *лістапад*, польское *listopad*, чешское *listopad*. Сербскохорватское название *листопад* относится к октябрю, подобно соответствующему древнерусскому наименованию. Такое же значение

слово имеет и в западноукраинских народных говорах.

Украинский язык сохранил также сложное слово *падолист* с обратным порядком частей по сравнению с *листопад*. Известна украинскому языку также форма с суффиксом *-ень* — *листопадень* (по образцу других названий месяцев с этим суффиксом). Древнее слово *листопад* хорошо сохранило до сих пор свой внутренний образ (или, как говорят языковеды, внутреннюю форму): время облетания листьев с деревьев. В. И. Даль, указывая, что термин *листопад* мог относиться ко всем осенним месяцам: сентябрю, октябрю и ноябрю, замечает: «Старинное название месяца ноября, данное этому месяцу конечно в южной Руси». Сентябрь, очевидно, получил такое название на севере, где листья начинают опадать раньше.

В одном евангелии XIV века содержится интересная запись, из которой выясняется, что ноябрь имел также название *студеный*: «Ноябрь, рекомыи стоуденыи» (ноябрь, называемый студеный). Впрочем, это же имя дается здесь и декабрю: «Декабрь, рекомыи стоуденыи».

В старом крестьянском быту существовал обычай на кузьминки (праздник Кузьмы и Демьяна приходится на 1 ноября) устраивать *братчины* — складчины, праздник на общий счет, поэтому ноябрь получил народное название *братчины*.

ДЕКАБРЬ

Десятый по счету месяц в римском календаре — декабрь — получил свое латинское название *desember* от числительного *desem* 'десять'. Древние греки произносили это слово *δεκέμβριος*. От греков оно перешло к славянам, которые передавали его по законам славянского произношения:

сочетание *εμ* перед *βρ* перешло в *ε*, на русской почве превратившийся в чистый гласный *а*, перед которым согласный *к* получил смягчение. Отсюда старейшее написание этого слова в древнерусских памятниках — декабрь, декабрь. Однако мягкий согласный *кь* был чужд древнерус-

скому языку, поэтому уже с XIII века название встречается с отвердевшим *к* в написании *декабрь*, которое соответствует современному написанию.

В церковнославянском календаре находим также и почти буквальную передачу греческого *δεκάμβριος* как *декемвриий* (в византийско-греческом языке буква *β* читалась уже как *в*). Встречалось в древнерусской письменности также написание *декабрь*, в котором *м* было восстановлено книжниками под влиянием византийско-греческой орфографии. Именно в таком виде находится слово в рукописном Стихираре XII века; в рукописи дается также пояснение к этому наименованию: «Мѣсь де-кѣмбрь, рекомыи стоуденый, имать днии ла» (Месяц декабрь, называемый студеный, имеет 31 день). Иногда слово *студеный*, как уже было сказано, могло относиться и к ноябрю. Происхождение названия *студеный* ясно само по себе, ведь по народной пословице: «Декабрь год кончает, зиму начинает» (месяц первой зимней стужи). Правда, это поздняя пословица: она могла возникнуть лишь после реформы 1700 года, когда декабрь стал последним месяцем в году.

В старинном названии *декабря-студеного* легко можно увидеть, что оно является прилагательным, которое до сих пор известно русскому языку. Прилагательными являются также и другие названия месяцев на *-ень*, *-ень*, только в них сохранилась краткая форма, которая сейчас имеет очень ограниченное употребление, а раньше употреблялась широко. Почему краткие прилагательные стоят в мужском роде — ясно: они относились к существительному мужского рода *месяц*. Ср.: красный—красен, прозрачный—прозрачен, будний—будень и т. п. Сейчас все названия месяцев на *-ень*, *-ень* оторвались от полных прилагательных и воспринимаются как существительные, тем более что в современном русском литературном языке краткие формы от прилагательных относительных невозможны. Некоторые из старых прилагательных исчезли: например, старое название мая *травень* было связано с почти исчезнувшим теперь прила-

гательным *травный*, которое обычно заменяется сейчас словом *травной*.

Слово *студеный* редко употреблялось как наименование месяца в краткой форме, очевидно, потому, что в древнерусском языке было очень распространено существительное женского рода *студень* со значением 'холод, стужа'. Однако с исчезновением этого существительного слово *студень* начинает употребляться как наименование декабря. Впрочем, по свидетельству П. Я. Черных (см. его книгу «Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период». М., 1956, стр. 139), в книге «Обиход церковный» XIII века встречается и краткая форма *студень*. *Студень* как название первого зимнего месяца было когда-то известно и украинскому языку. Белорусский язык словом *студзень* именуется второй зимний месяц — январь, когда морозы особенно сильны. Для названия декабря белорусы употребляют существительное *снежань*. В сербско-хорватском языке прилагательное *студени* обозначает ноябрь.

Г. А. Полетика дает для декабря сразу два старинных названия: *студень* и *грудень* (о последнем см. выше: это древнерусское название ноября).

В книге писательницы Г. Николаевой «Наш сад» (М., 1966, стр. 79) также приводятся два народных названия декабря: *студень* и *зимник*. Недаром наречие *зимно* в словаре В. И. Даля переводится словами 'холодно, студено, морозно'.

Автор статьи «Старинные русские и пермские названия месяцев» («Вологодские губернские ведомости». Часть неофициальная. 1855, № 50, стр. 411—414), подписавшийся П. К-в, приводит из рукописи начала XVII века странное название декабря *седекъ*, которое сопровождается пометой в скобках: (по-русски *студень*). Больше нигде это название не встречается. Возможно, оно связано с прилагательным *седой*: декабрь — пора седых инеев и изморозей. Такое объяснение и дает П. К-в наряду с другим, менее вероятным: «От слова *сидеть*, употребленного в смысле того, что жестокие морозы этого месяца принуждают человека сидеть более дома, чем находится на улице.

Другое, приведенное в рукописи, название *студель* несколько подтверждает последнее наше предположение» (стр. 412).

С последним днем декабря связано происхождение выражения *Маланьина свадьба*, о которой упоминают при больших приготовлениях разной снеди: «Наготовили словно на Маланьину свадьбу» (или «на Маланьины именины»). Вечер накануне Нового года получил в народе название *Щедрого*: в этот вечер молодежь ватагами ходила с песнями и плясками по домам, а хозяева обязанности были одаривать гостей угощением, для чего им приходилось готовить много кушанья. По церковному календарю 31 декабря приходился день Мелании Римляныни, а на 1 ян-

варя — день Василия Кесарийского. Ряженые в Щедрый вечер разыгрывали шуточную свадьбу Меланьи и Василия, хотя церковные правила не допускали в этот день никаких свадеб. Шуточная Маланьина свадьба, связанная с обильными угощениями, впоследствии дала начало соответствующему выражению (см. подробнее в статье В. И. Чернышева «Разыскания и замечания о некоторых русских выражениях». — «Доклады и сообщения Института русского языка». Вып. 1. М. — Л., 1948). Сейчас выражение *Маланьина свадьба* уже полностью утратило связь со старинным народным бытом и обычаями.

Кандидат филологических наук
И. Г. ДОБРОДОМОВ

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ВИКТОРИНА

(Ответы)

1. Слово.
2. Желая здоровья.
3. *Грамма* (греческое слово) 'буква, запись'.
4. *Гривна* 'основная денежная единица в Древней Руси' (около фунта серебра).
5. *Баять* 'говорить, сказывать'; *байка* 'сказка'.
6. *Лукоморье* 'лука (т. е. излучина) моря'.
7. Победа, потрубили.
8. *Азбука* — от названия двух первых букв славянской азбуки: аз и буки. *Алфавит* — от названий двух букв греческого алфавита: *альфа* и *бета* (вита).
9. Сельдь, вскользя.
10. *Невежа* 'человек, не соблюдающий правил вежливости', *невежливый*; *невежда* — 'человек малосведущий', *невежественный*.
11. От слова *утро*.
12. *Польвтора* (родительный падеж краткой формы числительного *второй*).
13. От слова *сударь*.
14. *Заказ*, *казак*, *шалаш* и т. п.

Материал подготовил учитель русского языка и литературы П. М. Шишов

Краткий словарь произношения и ударения

(Окончание. Начало см. в № 2—5, 1967).

Сокращения: *доп.* — допустимое во всех стилях речи; *проф.* — профессиональное; *разг.* — разговорное, употребляемое в обиходной, бытовой речи образованных людей; *устар.* — устарелое, употребляемое в речи представителей старшего поколения.

сплоче́нность [не сплóченность]
 сплоче́нный [не сплóченный]
 сре́дство, *множ.* сре́дства [не сред-
 ства́]
 стака́н, стака́на [не стакана́], *множ.*
 стака́ны, -ов [не стаканы́, -óв]
 стака́нный [не стака́нный]
 ста́ртер [не старте́р]
 ста́рьёвщик [не старье́вщик, не ста-
 рьевщи́к]
 стату́т [не стáтут]
 стату́я [не стáтуя]
 сто́лько, сто́льких, сто́льким [не
 стольки́х, не стольки́м]
 столя́р, -а́ [не стóляр, -а]
 стра́да, -ы́ [не стáрада, -ы]
 стри́чь, стри́гуть, стри́жешь [не стри-
 те́шь]
 су́дно, -а [не судно́, -а́]
 суп, *множ.* супы́ [не супа́]
 суставно́й [не сустáвный]
 су́щность [не сушность]
 сча́стливый [не сча́стливый]
 табуретка́ [не тубаретка]
 та́нго (*устар.* танго́)
 танцо́вщик [не танцовщи́к]
 танцо́вщица [не танцовщи́ца]
 твёрже́ [не тве́рге]
 твóрог и твóрог
 текст [не тэ́кст]
 те́ма [не тэ́ма]
 темп (произносится с твердым *т*:
 тэмп)

тенде́нция (произносится с твердым
т и *д*: тэндэ́нция)
 те́нор [не тэ́нор], *множ.* тенора́, -ов
 [не тэ́норы, -ов]
 теплопрово́д [не теплопрóвод]
 те́рмин [не тэ́рмин]
 террóр [не тэ́ррор]
 те́фтели [не тефте́ли]
 тигро́вый [не тигровый]
 титу́льный [не титу́льный]
 то́ль, то́ля, *муж.* [не толь, -и, *жен.*]
 тоннель и туннель (произносится
 с твердым *н*)
 торт, *множ.* тóрты, -ов [не торта́,
 -óв]
 тост, *множ.* то́сты, -ов [не тосты́,
 -óв]
 тра́ва [не тра́ва]
 транспо́рт, *множ.* транспо́рты, -ов
 [не транспорта́, -óв]
 тре́нер [не тренё́р], *множ.* тре́неры,
 -ов [не тренера́, -óв]
 тренирова́нный [не трени́рованный]
 тренирова́ть, -ся [не трени́ровать,
 -ся]
 трубопрово́д [не трубопрóвод]
 трюфе́ль, *множ.* трюфели́, -ей [не
 трюфеля́, -ей]
 ту́ника [не ту́ника]
 ту́товник [не тутóвник]
 ту́фля, -и [не туфли́, -и́], *множ.* ту́ф-
 ли, ту́фель [не туфле́й]
 ту́ча, -и [не туча́, -и́]
 тю́ль, тю́ля, *муж.* [не тюль, -и, *жен.*]

тяжба [не тяжба]
 тяжелоатлет [не тяжелоатлет]
 убрать, прош. убрала [не убрала]
 убыстренный [не убыстренный]
 убыстрить [не убыстрил]
 уведенный [не уведенный]
 уведомленный [не уведомлённый]
 увезенный [не увезенный]
 углубить [не углубить]
 удить, -ся [не удить, -ся]
 узаконение [не узаконение]
 укуренный [не укуренный]
 укуорать [не укуорить]
 умерший [не умерший]
 увесенный [не увесенный]
 упадочнический [не упаднический]
 упадочничество [не упадничество]
 уполномочивать [не уполномачивать]
 упрочение [не упрочение]
 упробивать [не упробивать]
 упрощенно [не упрощенно]
 упрощенный [не упрощенный]
 уравнинный [не уравнинный]
 урбд [не урод]
 устье, множ. устья, устьев [не устьей]
 утиль, утиля [не утиль]
 фанера [не фанера]
 фарфор [не фарфор]
 феерия [не феерия]
 фейерверк [не фейерверк]
 феномен [не феномен]
 фетиш [не фетиш]
 филер [не филер]
 филистер [не филистер, не филистер]
 форум [не форум]
 ханжество (разг. ханжество)
 хворост [не хворост]
 хвоя, -и [не хвоя, -и]
 ходатай [не ходатай]
 ходатайство [не ходатайство]
 ходатайствовать [не ходатайствовать]
 хозяин, множ. хозяева [не хозяева]
 холёный [не холёный]
 хлодно [не холодно]

хребёт [не хребёт]
 христианин [не христианин]
 хуже [не хуже]
 хурма, -ы [не хурма, -ы]
 цапать [не цапать]
 цемент [не цемент]
 цементный [не цементный]
 частик [не частик]
 частичковый [не частичковый]
 черпать [не черпать]
 черстветь [не черстветь]
 чистильщик [не чистильщик]
 чулок, множ. чулки, чулок [не чулок]
 шарф, шарфа [не шарфа], множ. шарфы, -ов [не шарфы, -ов]
 шасси [не шасси]
 шинель [не шинель]
 шлем [не шлем]
 шофёр [не шофер], множ. шофёры [не шофера]
 штилеты [не штилеты]
 шавель, шавеля [не шавель, -я]
 щекотно [не щекотно]
 щёлка [не щёлка]
 щёлочка [не щёлочка]
 экзальтированный [не экзальтированный]
 экипировать [не экипировать]
 эксперт [не эксперт]
 экспертный [не экспертный]
 эпилепсия [не эпилепсия]
 эполёта, -ы, жен. (устар. эполет, -а, муж.)
 эшелон [не эшелон]
 юность [не юность]
 юный [не юный]
 юрдивый [не юрдивый]
 юрта, -ы [не юрта, -ы]
 язык, множ. языки, -ов [не языки, -ов]
 яичница (произносится: яйшница)
 якшаться [не якшаться]
 ярём [не ярём]
 ярёмный [не ярёмный]
 ярмарка [не ярманка]
 ясли, яслей [не яслей, не ясель]
 яство [не яство]

Ложить

ИЛИ класть?

1. «С давних пор замечаю, как настойчиво и нагло выбивается „в люди“ сорняковое слово *ложить* во всех возможных формах, — пишет наш читатель Шевкун. — *Ложил, ложат, ложим* и никогда — *кладем* (очевидно, кажется грубым!), — сплошь и рядом встречаешь такие перлы в повседневной речи, в лекциях и беседах. А теперь, встретив то же самое словечко в „Известиях“, я даже не удивился. Ведь разговоры о необходимости бороться с засорением языка ведутся давно, но за ними ничего не следует. Может быть орган Института русского языка АН СССР нарушит, наконец, академическое спокойствие в таких разговорах?»

2. «У меня вопрос о слове *ложить*, — пишет В. Б. Житомирский (Ростов-на-Дону). — Пуристы поднимают крик, что такого слова не существует. Однако в апреле „Известия“ посвятили небольшую заметку грабовским каменотёсам, сложившим Мавзолей В. И. Ленина, и в заметке этой имеются слова: „А ложить камень надо было очень точно“. И здесь *ложить* отнюдь не режет слух. Именно *ложить*, а не *укладывать*. Есть множество слов — свыше 30, в которые входит *ложить*: вложить, вложиться, возложить, доложить и т. д. И в народном обиходе *ложить* явно существует, а вот в словарях его нет. Не пора ли санкционировать это популярное словоупотребление?»

Два письма — два противоположных мнения. С одной стороны, призыв «бороться с засорением языка», с другой — предложение «санкционировать популярное (т. е. распространенное) словоупотребление». Кто же из читателей прав? И в чем ошибка неправого?

Употребление глагола *ложить* вместо *класть* является грубым нарушением норм литературного языка. Форма несовершенного вида к *положить* — «класть», а не «ложить». Современный русский литературный язык знает несколько случаев, когда видовые соответствия глаголов выражаются не морфологическими, а лексическими средствами. Например: брать (несов. вид) — взять (соверш. вид), говорить (несов. вид) — сказать (соверш. вид), ловить (несов. вид) — поймать (соверш. вид). Сюда же относится и пара *класть* (несов. вид) — *положить* (соверш. вид). Как мы

видим, пары соответствий по виду образуются глаголами с разными корнями.

В просторечии и диалектах действует тенденция к «подравниванию» форм, к образованиям по аналогии. В связи с этим и возникают нелитературные варианты глаголов *ложить* (как несовершенный вид к *положить*) и *покласть* (как совершенный вид к *класть*).

В толковых словарях современного русского языка (начиная со Словаря под редакцией проф. Д. Н. Ушакова) глагол *ложить* квалифицируется как просторечное или областное (диалектное) слово.

В литературном языке нет бесприставочного глагола *ложить* (несмотря на обилие приставочных образований, о которых пишет читатель В. Б. Житомирский). Эту особенность глагола *ложить* отмечал еще В. И. Даль в своем знаменитом словаре. Интересно, что форму повелительного наклонения *ложить* (*ложи*), т. е. *клади, укладывай*, В. И. Даль определял как диалектную (в псковских и тверских).

В литературном языке есть лишь одно беспричастное образование от глагола *ложить* — это возвратный глагол несовершенного вида *ложиться* (которому соответствует форма совершенного вида — *лечь*: *ложиться спать* — *лечь спать*).

Если *ложить* не употребляется без приставок, то, напротив, глагол *класть* не употребляется с приставками. Встречающиеся в устной (а иногда и в письменной речи) формы *покласть, скласть, перекласть, укласть* и т. п. — неправильны, нелитературны.

В художественной литературе формы *ложить, покласть* используются иногда для передачи речи персонажа, для воссоздания диалектной или просторечной языковой стихии. Там, где это стилистически не мотивировано, эти формы лучше не употреблять. Ни *лбжить* (с ударением на первом слове), ни *ложить* (с ударением на втором слове) в общей речи не несут никаких дополнительных смысловых оттенков по сравнению с общелитературной формой *класть*. Ни ссылки на «популярность» (т. е. распространенность) формы *ложить*, ни случаи ее употребления в печати не могут служить основанием для утверждения этой аналогической (возникшей по аналогии) неправильности в качестве литературной нормы.

Что касается заметки «Грабовские мастера», написанной общественным корреспондентом из Гомеля и опубликованной газетой «Известия» 25 апреля 1967 года, то в ней глагол *ложить* может быть воспринят как элемент несобственно-прямой речи (в пересказе воспоминаний ветеранов). Иными словами, это слово здесь — стилистический прием и относиться к нему надо именно как к приему (удачному или нет — другой вопрос), а не как к нейтральному элементу общелитературной нормы, закрепляемой наряду с другими жанрами и жанрами газетного языка.

Стать

и встать

Вопрос, заданный П. Е. Клюквиним, интересует многих наших читателей.

Действительно, в каких случаях употребляется глагол *стать*, а в каких — *встать*? Словари при этом вряд ли могут помочь, так как они толкуют эти слова одно через другое: «Встать то же, что стать (в таких-то значениях)».

«Путаницу» глаголов *стать* и *встать*, исходя из их морфологического облика, многие не прочь разрешить весьма просто: «Встать — это значит подняться; ср. восстать, восстание. У глагола *стать* этого значения нет. Разным значениям, действиям соответствуют разные слова: *стать* (опуститься) на колени, но *встать* (т. е. подняться) с колен». К этому различию склоняется и читатель П. Е. Клюквин.

Однако дело обстоит не так просто и категорично.

В современном литературном языке многозначные глаголы *стать* и *встать* имеют несколько общих значений: 1) ‘ступив на какое-нибудь место, остановиться на нем стоя’, например: *стать на ковер* и *встать на ковер*; *стать на ступеньку* и *встать на ступеньку*; 2) ‘расположиться, разместиться’ — *стать в угол* и *встать в угол*, *стать на ковер* и *встать на ковер*; 3) ‘приступить к работе, деятельности’ — *стать на вахту* и *встать на вахту*, *стать за штурвал* и *встать за штурвал*; 4) ‘перестать действовать, остановиться’ — *часы стали* и *часы встали*, *работа стала* и *работа встала*.

Следует отметить при этом, что глагол *встать* во всех этих четырех значениях имеет оттенок разговорности — на фоне традиционного, нормативно-образцового (теперь, скорее, книжного) употребления в этих случаях глагола *стать*. Разговорность глагола *встать* (в его значениях, общих с *стать*) отмечается большинством толковых словарей современного русского языка.

Интересно, что еще в конце XIX века описанные замены *стать* на *встать* считались грубой ошибкой. Нельзя было сказать, например, *встать лагерем* (где-н.), *встать на колени* или *встать в угол*. Во всех этих сочетаниях употреблялся глагол *стать*. Сейчас эта бывшая норма в значительной степени расшаталась, видоизменилась. В произведениях современных писателей встречаем: «Я встаю на колени и сам начинаю дрожать от страха» (Ф. Гладков. Повесть о детстве); «Я встал у стены, подле двери» (Каверин. Два капитана). В связи со всем сказанным можно полагать, что в современной языковой практике глагол *стать* в некоторых своих значениях вытесняется однокоренным глаголом *встать*. Объясняется это, по-видимому, близостью звучания и структуры этих слов и возникающим при этом стремлением говорящих избежать омонимии с глаголом *стать* ‘становиться, делаться’.

Однако, несмотря на общность некоторых значений глаголов *стать* и *встать* и на широкое употребление одного из них вместо другого, между ними существуют и определенные различия. Так, в значении 'остановиться, прекратить движение' употребляется чаще глагол *стать*. Например: «Вдруг стала тройка. Скинулся с козел, вглядывается в сумерки кустов ямщик» (Л. Леонов. Барсуки). Предпочтительным в литературной речи оказывается и сочетание *река стала* (т. е. замерзла, остановилась в своем течении; ср. тот же корень в сложном существительном *ледостав*).

В значениях 'подняться, принять стоячее положение', 'подняться, двинуться на совершение чего-нибудь', 'появиться, возникнуть' и 'отметиться, оформиться' употребляется преимущественно глагол *встать*. Например: *встать с постели, встать горой* (за кого-нибудь), *встать на защиту родины, солнце встало, встал вопрос о кадрах, встать на учет* и т. п.

Такое различие в употреблении глаголов *стать* и *встать* является нормой современного литературного языка.

Директор и директриса

1. Существительные *учитель* и *преподаватель* имеют соответственные варианты *учительница* и *преподавательница*, но почему же употребляются слова *директриса, инспектриса*?

2. Почему исчезло хорошее и звучное слово *фельдшерица*, напоминающее ласковое слово *сестрица*?

1. Существительные *директриса, инспектриса* широко употреблялись в дореволюционное время. Однако и тогда соотношение *директор — директриса, инспектор — инспектриса* не совпадало с соотношением *учитель — учительница* или *преподаватель — преподавательница*.

В отличие от существительных *учитель — учительница*, обозначающих лиц, занимающих одинаковые должности и различающихся только по принадлежности к полу, существительные *директор* и *директриса* обозначали лиц, различавшихся по двум признакам: по полу и занимаемой должности. *Директор* было названием мужчины, заведующего мужским учебным заведением, *директриса* — названием женщины, заведующей женским учебным заведением. Существенное различие в реальном значении этих двух слов активно поддерживалось тем, что наряду со словом *директриса* употреблялся его синоним *начальница*: «(Ирина:) Она живет в гимназии; она начальница, целый день занята делом» (А. П. Чехов. Три сестры).

В послереволюционное время с отменой этой дифференциации должностей в советских учебных заведениях слово *директриса* устарело. В настоящее время оно употребляется в качестве названия лица по должности, существовавшей только в историческом

прошлом. Устарело и слово *инспектриса* в качестве названия женщины, занимавшей в прошлом должность надзирательницы в женском учебном заведении.

Закрепившиеся за словами *директриса*, *инспектриса* устарелые (архаические) значения послужили препятствием к тому, чтобы они могли выступать в современном языке в качестве простых стилистически нейтральных женских параллелей к соответственным мужским названиям, т. е. относились бы к тем так, как относятся образования *учительница*, *преподавательница* к существительным *учитель*, *преподаватель*. Поэтому слова *директриса*, *инспектриса*, хотя и употребляются сейчас в значении 'женщина-директор', 'женщина-инспектор', но только в разговорной речи с оттенком иронии и фамильярности.

Не способствует употреблению слов *директриса*, *инспектриса* и наличие в них непродуктивного суффикса иностранного происхождения *-ис(а)*. Кроме этих слов, суффикс *-ис(а)* содержится еще только в четырех словах: *актриса*, *аббатиса*, *диакониса*, *лектриса*. Как видим, из этих четырех слов три также относятся к устарелым.

2. Существительное *фельдшерлица* нельзя относить к числу слов, вышедших из употребления. Оно свободно употребляется как женское соответствие к слову *фельдшер*. Именно так оно толкуется во всех словарях современного русского языка. Оно нередко встречается в советской художественной литературе, например: «Инженеры познакомились с заведующей больницей, пожилой русской женщиной — врачом, и ее помощницей, молоденькой нанайкой, фельдшерлицей Валей» (Ажаев. Далеко от Москвы).

Верно, что существительное *фельдшер* употребляется применительно к женщинам. Это вполне правомерно в тех случаях, когда лицо характеризруется только по профессиональному признаку, в полном отвлечении от принадлежности к полу. В такой функции могут выступать только существительные мужского рода. Так, одинаковым образом можно сказать *мой брат — фельдшер* и *моя сестра — фельдшер*, но никак нельзя сказать *мой брат — фельдшерлица*. Поэтому подобные формы мужского рода принято называть «немаркированными» (они не ограничены применением только к одному полу), а формы женского рода — «маркированными».

Однако, если наша мысль не отвлечена от того, что фельдшером является женщина (да к тому же еще ласковая), предпочтение должно быть отдано женскому образованию *фельдшерлица*. В самом деле, насколько уместнее в этом случае говорить: «Какая у нас ласковая фельдшерлица», чем «Какой у нас ласковый фельдшер!».

Сказанное дает ключ к уяснению жанровых различий употребления параллельных — мужских и женских — названий применительно к женщинам. Мужские названия характерны для научного и делового жанров, а для разговорного и художественного жанров, отличающихся экспрессивностью и эмоциональной окрашенностью, характерны женские названия.

Восточные *сласти* *сладости*?

Читатель Ю. Нистратов пишет: «Я живу в Ленинграде. На главной улице нашего города — Невском проспекте — находится фирменный магазин. Над его входом установлена красочная вывеска „Восточные сладости“. Каждый раз, когда я прохожу мимо этого магазина, у меня возникает вопрос: какое отношение к сладости (чувству, ощущению) имеет кондитерский магазин? По-моему, в данном случае подходит по смыслу только слово *сласти*, под которым подразумеваются различные лакомства (конфеты, пирожные, печенье и т. п.)».

Прав ли Ю. Нистратов? Разберемся.

В прошлом, когда шла речь о лакомствах, сладких кушаньях, употребляли обычно слово *сласти*. Но уже у классиков русской литературы — Л. Толстого, Достоевского встречаем в этом значении *сладости* вместо *сласти*: «Между окнами под зеркалом был ее [Татьяны Александровны] письменный столик с баночками и вазочкой, в которых были сладости: пряники, финики, которыми она угощала меня» (Л. Н. Толстой. Воспоминания); «Когда [к отцу] вошел Алеша, весь обед был уже покончен, но подано было варенье и кофе. Федор Павлович любил после обеда сладости с коньячком» (Достоевский. Братья Карамазовы).

Советские писатели (Новиков-Прибой, Макаренко, Вс. Вишневский, Пантелеев, Лидин, Алтаев и др.) употребляют в этом смысле преимущественно слово *сладости*. Например: «С самого раннего детства, да и теперь, когда она окончила институт и стала уже инженером, он приносил по привычке ей сладости: то шоколадку, то апельсин или яблоко» (Вл. Лидин. Две жизни); «... Виднелись стопки тарелочек, вазочки, тарелки и блюда, наполненные всякими сладостями: засахаренными орехами, миндалем, финиками...» (Алтаев. В гостях у Репина). Подобное употребление слова *сладости* встречается и в прессе.

М. М. Михайлов в статье «Заметки о словоупотреблении» (Вопросы теории и методики изучения русского языка. Вып. 4. Ижевск, 1965) пишет: «Употребление слова *сладости* в значении 'сласти' есть результат смешения двух паронимических слов: *сласти* — *сладости*, т. е. слово *сладости* «спуталось» со словом *сласти*, что отмечается в новейших словарях русского языка. Таким образом, получается, что за последние 30—35 лет эта ошибка перестала быть ошибкой, стала обычным фактом языка».

Правда, некоторые писатели считают, что не следует употреблять слово *сладости* вместо *сласти* (см., например: Б. Тимофеев. Правильно ли мы говорим?).

Однако «Словарь современного русского литературного языка» свидетельствует, что и у слова *сладости* есть значение 'кондитерские изделия, лакомства'; в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова так определено 3-е значение слова *сладость*: 'кондитерские изделия, лакомства' и даже дается выражение 'восточные сладости'.

Итак, это выражение не противоречит норме современного русского литературного языка.

Погрузочно-разгрузочные?

Какой вариант более правильный: *погрузочно-разгрузочный* или *погрузо-разгрузочный*? — спрашивает Н. И. Касимова из Ленинграда. Аналогичный вопрос интересуется М. Н. Чижову (Фирсановка): *товаро-материальные* или *товарно-материальные ценности*?

Известно, что грамматическое оформление сложного слова содержится в его втором компоненте: ко второй основе сложения присоединяются окончания, а нередко также и суффиксы. Первый же компонент, наоборот, теряет грамматическое оформление. Язык стремится избавиться от суффиксов первых компонентов, особенно в тех случаях, когда они совпадают в первом и втором компонентах, ср.: *ликерно-водочный* и *ликеро-водочный*; *посудно-хозяйственный* и *посудо-хозяйственный*. Суффикс *-н* в первом компоненте часто устраняется. При создании сложных слов нередко происходит уечение первой части слова (ср. *бензобак* вместо *бензинобак*).

Однако часто сосуществуют два варианта, в одном из них первый компонент с суффиксом, а в другом — без суффикса. Это относится и к случаям: *погрузо-разгрузочный* и *погрузочно-разгрузочный*, *товаро-материальный* и *товарно-материальный*. Оба варианта правильны. Но вариант *погрузо-разгрузочный*, *товаро-материальный* больше соответствует общей тенденции к грамматическому лаконизму, к экономии языковых средств.

Спецкор

и спец. корр.

Е. С. Гуревич (г. Донецк) обратил внимание на интересное языковое явление: в газетах часто встречается написание *соб. корр.*, *спец. корр.*, а это противоречит действующим правилам, согласно которым при стечении двух одинаковых согласных сокращение следует делать после первой.

Сочетания со второй частью *корреспондент* в сокращенном виде привели, с одной стороны, к рождению новых слов (рабкор,

селькор, военкор, рабселькор, инкор, юнкор и др., а в 20-е годы — также деткор, кресткор, комкор, пикор). Но, с другой стороны, существуют в языке графические сокращения: обществ. корр., коллективный корр. и др.

Характерной особенностью слов является то, что они пишутся без точек, произносятся без расшифровки, служат базой для создания новых слов: юнкоровский, рабселькоровский, селькоровец, юнкория и др.

Графические же сокращения на письме пишутся с точкой, а в устной речи, как правило, произносятся полностью, расшифровываются. Кроме того, графические сокращения «стремятся» в максимальной степени сохранить написание сокращаемого полного наименования. Последнее и влияет на то, что в случаях *соб. корр.*, *спец. корр.* написание двух согласных как бы должно подчеркнуть, что это еще не слова, а графические сокращения. Правда, следует отметить, что во многих словарях они уже существуют как слова: *собкор*, *спецкор*. Такие написания мы встречаем и в периодической печати.

Отряд *гренадер* или *гренадеров*?

Читатель В. С. Колпаков (г. Рига) спрашивает, как правильно: батальон *гренадер* или *гренадеров*? эскадрон *драгун* или *драгунов*? отряд *гусар* или *гусаров*?

В 1944 году академик С. П. Обнорский указывал, что предпочтительнее формы с окончанием *-ов*: отряд *гренадеров*, *гусаров*, *драгунов*. Позднее некоторые ученые (Б. Н. Головин, Д. Э. Розенталь и др.) стали склоняться в пользу формы: (отряд) *гренадер*, *гусар*, *драгун*. Наконец, словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (М., 1959) предложил такое разграничение: при собирательном значении употреблять форму рога *гренадер*, эскадрон *гусар*, *драгун*, а при обозначении отдельных лиц — форму с окончанием *-ов* (несколько *гренадеров*, *гусаров*, *драгунов*).

Однако эту рекомендацию словаря-справочника нельзя считать непреложной. Десятки цитат из классической и советской литературы не подтверждают такого разграничения в употреблении форм. Например, у А. С. Пушкина в «Истории Пугачева» мы читаем: «В начале ноября, не дождавшись ни артиллерии, ни ста семидесяти *гренадер*...». У М. Горького в очерке «Лев Толстой» сказано: «Толстой издали заметил двух *кирасир*», а в «Жизни Климса Самгина»: «Ворвалось питеро *драгун*». Согласно предложенному правилу, здесь следовало бы: *гренадеров*, *кирасиров*,

драгунов. С другой стороны, у Л. Н. Толстого в «Войне и мире» мы встречаем «батальон гусаров», у А. Н. Толстого в «Петре I» — «взвод кирасиров», у В. И. Костылева в «Иване Грозном» — «отряд драгунов». По рекомендуемому словарем-справочником правилу в данном случае, наоборот, ожидалось бы формы *гусар*, *кирасир*, *драгун*.

Как известно, многие существительные мужского рода обнаруживают тенденцию к замене старой формы родительного падежа множественного числа с окончанием *-ов* новой — без окончания. Это в особенности относится к названиям некоторых национальностей (*грузин*, *башкир*, а не *грузинов*, *башкиров*), единиц измерения (*ампер*, *ватт*, а не *амперов*, *ваттов*).

Следует, однако, отметить, что указанные выше слова входят в активный фонд современной лексики. Слова же *гренадер*, *гусар*, *драгун* и т. п. употребляются лишь при описании исторического прошлого. Тенденция к замене форм с окончанием *-ов* формами без окончания действует в отношении этих слов не столь категорично. Поэтому для языка наших дней (и это подтверждается словоупотреблением современных писателей) допустимы обе формы: *гренадеров* и *гренадер*, *драгунов* и *драгун*.

Заводский

или заводской?

Многие обращаются с этим вопросом в Институт русского языка и редакции языковедческих журналов. Лица, настроенные пуристки, даже требуют запрещения варианта *заводской*. История конкуренции этих вариантов примечательна.

В словарях русского языка XVIII—XIX веков приводится только *заводский*. Такое же ударение встречаем и в литературе XIX века. Например:

Заводские начальники
По всей Сибири славятся —
Собаку съели драть

(Н. А. НЕКРАСОВ. Кому на Руси жить хорошо?)

Новое ударение *заводской* появилось в живой речи, видимо, на рубеже XIX — XX веков. В. Долопчев в «Опыте словаря неправильностей» (1909) решительно осуждал этот акцентный вариант. Однако попытки пуристов «запретить» такое ударение оказались безуспешными. Вариант *заводской* медленно, но уверенно входил в жизнь. Сейчас это отчетливо проясняется и при сопоставлении данных словарей и при наблюдениях над словоупотреблением современных писателей.

В первом издании Большой советской энциклопедии (1932) указывается: *заводский* комитет, во втором издании (1952), наоборот, — *заводско́й* комитет. В Словаре под редакцией Д. Н. Ушакова вариант *заводско́й* снабжается пометой «разговорное», а в «Словаре современного русского литературного языка» (1955) — пометой «просторечное». Но уже в более поздних словарях («Словарь русского языка», 1957; Словарь С. И. Ожегова, 5-е изд., 1963) формы *заво́дский* и *заводско́й* признаются стилистически равноценными.

Подобная же картина обнаруживается и при наблюдениях над употреблением этих вариантов у современных мастеров слова. Писатели старшего поколения (А. Лебедево, В. Кетлинская и др.) предпочитают ударение на втором слоге *заво́дский*. Однако уже у К. Федина встречаются колебания. Так, в романе «Похищение Европы» можно отметить оба варианта, ср.: «Заводско́й печник Яков от времени до времени потчевал своего компаньона, английского моряка»; «Там... сидели трое: палубный матрос Брайвер, заводский корреспондент Алексей Алексеевич и человек в военной зеленой фуражке». У К. Симонова в поэме «Первая любовь» сказано: «Уехал сын в заводский дальний дом», а в романе «Солдатами не рождаются»: «На заводско́й двор въехало несколько грузовиков».

Ударение *заводско́й* наблюдается и у некоторых поэтов старшего поколения. Например:

Мы влили военную храбрость,
Внесли мы напор боевой
В бодрящую музыку фабрик,
В гудящий прибор заводско́й.

(А. ЖАРОВ. Марш ударных бригад)

Большинство писателей и поэтов (Л. Ошанин, Б. Слуцкий, А. Первенцев, С. Снегов, В. Липатов, А. Филатов и др.), как правило, употребляют вариант *заводско́й*, а не *заво́дский*.

Все это позволяет сделать вывод: вариант *заводско́й* не является нарушением норм современного литературного языка; более того, ударение *заво́дский* постепенно устаревает и выходит из активного употребления.

Каковы же были причины происшедшего на наших глазах сдвига ударения в этом слове?

Вероятнее всего, здесь сказались действие двух факторов: влияние переноса ударения на конец слова у прилагательных с другими суффиксами (*бортово́й*, *жестяно́й*, в XIX в. *бортово́ый*, *жестяно́ый*) и влияние окончательного ударения у функционально близких прилагательных (*городско́й* комитет — *заводско́й* комитет).

Повестей, шалостей

З. Г. Троицкая из Калуги спрашивает: «Правильно ли ставить ударение на последнем слоге — *повестей*, в то время как в словах *шалостей*, *радостей*, *милостей* и других ударение на первом слоге?».

Читательница, по-видимому, полагает, что сходство ударения может быть обусловлено сходством конца слов. На самом деле это не так. В письме сопоставлены слова, разнородные с точки зрения словообразования: *радость*, *милость*, *шалость* — это производные существительные абстрактного значения, в которых выделяется суффикс *-ость*, а *повесть* — существительное конкретного значения. Исторически — это отглагольное существительное (от глагола *поведа́ть*), а с точки зрения современного языка — непроизводное.

Для производных и непроизводных слов в современном русском языке существуют разные правила ударения. Для непроизводных имен существительных женского рода выбор ударения ограничен несколькими типами, например:

- 1) ли́на, ли́пы, множ. число — ли́пы, ли́п, ли́нам; нить, ни́ти, множ. число — ни́ти, ни́тей;
- 2) губа́, губы́, множ. число — гу́бы, губ, губа́м;
- 3) жепа́, жены́, множ. число — же́ны, же́н, же́нам;
- 4) вода́, воды́, во́ду, множ. число — во́ды, вод, вода́м;
- 5) пове́сть, пове́сти, множ. число — пове́сти, пове́стей.

Принадлежность непроизводного слова женского рода, например слова *повесть*, к одной из перечисленных групп можно определить только по словарю. В производных словах женского рода из указанных типов ударения возможны лишь 1- и 3-й. Выбор 1- или 3-го типа ударения зависит от ударения производящего слова и грамматических признаков производящего и производного.

Как видим, вопрос о месте ударения довольно сложен и не определяется совпадением последних слогов. Вот почему внешне сходные слова *повестей* и *шалостей* имеют разное ударение.

Сватья

и

стулья

Почему все названия родственников мужского пола в русском языке во множественном числе имеют окончание среднего рода: *сыновья*, *братья*, *зятья*, *деверья*, *кумовья*, *сватья*?

Почему *стул* во множественном числе имеет форму *стулья*, а *стол* — *сто́лы*? — интересуется А. Г. Кеппен (г. Белово).

Окончание *-ья* или *-овья* вовсе не является специфическим свойством терминов родства. С одной стороны, его имеют не все названия родственников мужского пола: у таких слов, как *дед*, *внук*, *племянник*, во множественном числе окончание *-ы(-и)*; с другой стороны, кроме перечисленных в вопросе слов, окончание *-ья* имеют в современном русском языке и многие другие слова мужского рода, не обозначающие родства, например: *друзья*, *брусья*, *сучья*, *колья*, *комья*, *листья*, *поводья*, *стулья*.

Это окончание нельзя отождествлять с обычной формой именительного падежа множественного числа слов среднего рода: *окно* — *окна*, *поле* — *поля* и др. В отличие от них слова типа *братья*, *колья* имеют перед окончанием суффикс множественного числа *-j-* («йот»).

Такую же форму имеют во множественном числе и несколько слов среднего рода: *деревья*, *звенья*, *крылья*, *перья*, *поленья* и некоторые другие. Среди слов женского рода только слово *дыра* имеет устаревшую форму множественного числа *дырья*. А слова мужского рода *сын* и *кум* имеют во множественном числе более длинный суффикс *-овj-*.

По происхождению формы множественного числа с окончанием *-а* и предшествующим суффиксом *-j-*—это собирательные имена существительные. Ср. в современном языке существительные с суффиксом *-j-* собирательного значения: *зверьё*, *вороньё*, *дурачье*, диалектные *листье*, *сучье*, *перье* и т. д. Со временем эти образования (с окончанием *-а* во множественном числе) утратили значение собирательности и превратились у некоторых слов в формы множественного числа, вытеснив более древние формы: ср. устаревшие *други*, *кумы*, *крыла*, *дерева*. В других случаях они употребляются наряду с более древними формами, различаясь обычно по значению или стилистически: например, *уголья* и *угли*, *листья* (деревьев) и *листы* (бумаги), *колья* и *колы* (школьная отметка), *сыновья* и *сыны* (в переносном смысле, в высоком стиле, например «сыны Родины»), *мужья* и *мужи* (не в родственном значении).

нять???

А. Г. Кеппен также спрашивает: «Что это за глагол *нять*, к которому присоединяются приставки в словах: *перенять*, *занять*, *отнять*, *принять* и т. д.»?

В древнерусском языке были глаголы *яти* и *имати*, имеющие значение «брать». Они употреблялись с различными приставками, в частности, с *въ-* и *съ-*, которые в древности имели варианты *вън-* и *сън-* для корней, начинавшихся с гласного или *-j-*. Поэтому в сочетании с глаголами *ять* и *имать* они дали образования *вънять* — *вънимать*, *сънять* — *сънимать* (после выпадения звука *ъ* получилось *внять*, *снять* и т. д.). В дальнейшем эти слова подверг-

лись так называемому «переразложению». Поскольку большинство глаголов имело те же приставки в форме *с-* и *в-* (например, *списать, сложить, вложить, впустить, смешать*), звук *-н-* в таких словах, как *снять, снимать, внимать* стали относиться к корню.

Новый корень *-нять-*, *-нимать* в свою очередь сочетался с приставками. Так получились слова: *поднять — поднимать, занять — занимать, разнять — разнимать* и другие, которые вытеснили более древние образования с теми же приставками, но без звука *-н-*: *подъять, приять, отъять* и т. д. Последние, правда, отчасти сохранились, но лишь в определенных стилях языка. Иногда они встречаются в высоком стиле как архаические книжно-славянские синонимы более обычных глаголов с *-н-*, особенно в поэзии прошлого века. Например: «И новый он приял венец», «О, много, много рок отъял!» (Пушкин. Евгений Онегин); ср. в пародийном употреблении у Козьмы Пруткова: «Кого власы подъаты в беспорядке...». В некоторых случаях глаголы без *-н-* — разговорные или просторечные варианты глаголов с *-н-*: ср. *поднимать* и *подымаать, отнимать* и *отымаать*.

Но с некоторыми приставками продолжали употребляться только глаголы без *-н-*, в них сохранилась старая форма корня. Это глаголы *взять* (вз-ять), *изъять* и параллельные им по структуре *взимать* и *взымаать*.

Подобное переразложение произошло, например, в словах *внутри, внутренний*, в которых выделился корень *-нутр-* вместо первоначального *-утр-*. В результате появилось слово *нутро* (ср. родственное *утроба*). Этим же явлением объясняется и то, что в косвенных падежах с предлогами местоимения *он, она, оно, они* получают наращение *-н-*: ср. *его* и *от него, с него; их* и *от них, без них*. Этот элемент *-н-* был первоначально только в сочетаниях с предлогами *в* и *с*, которые, как и приставки *в-* и *с-*, имели в древности формы *вън* и *сън*, а позже распространился и на сочетания местоимений со всеми другими предлогами.

Если

В. П. Хорошавцева из Завьяловского района Алтайского края интересуется происхождением слова *если* и тем, какова связь его различных значений.

Это слово образовано от глагола *есть*, имевшего в древнерусском языке формы *ѣсти* и *ясти* (корень этого глагола *ед-* или *яд-*, ср. формы *едим, едите, едят* или родственное *еда*; от того же корня происходят и слова *яд* с первоначальным значением 'еда' и *яства*).

В слове *если* был древний славянский суффикс *-сл-*, который присоединялся к глагольным основам, при этом происходили определенные звуковые изменения — упрощение сочетаний согласных:

мазать — маз-сл-о — масло

везти — вез-сл-о — весло

прясть, пряду — пряд-сл-о — прясло

гудеть (‘играть на музыкальном инструменте’) — гуд-сл-и — гусли

ясти (корень *яд*) — яд-сл-и — ясли и т. д.

Следовательно, *ясли* — это буквально ‘предмет, из которого едят’. Основное значение этого слова в различных славянских языках — ‘кормушка для скота’. В русском языке оно получило и другое значение — ‘воспитательное учреждение для детей до трехлетнего возраста’. Сходство тех и других яслей в том, что они означают место, где кого-либо кормят, вскармливают. Недаром возможно и более широкое, обобщенное употребление слова *ясли* в смысле ‘место, среда, где что-либо получило первоначальное развитие’, например: «Вы — барин, вы родились не в *яслях искусства*, а в шелку, в бархате. А искусство не любит бар» (Гончаров. Обрыв).

На письма читателей ответили сотрудники Института русского языка АН СССР Б. З. БУРЧИНА, К. С. ГОРБАЧЕВИЧ, Г. А. ЗОЛОТОВА, В. В. ЛОПАТИЦ, И. П. МУЧНИК, М. Г. НИКОЛАЕВА, В. А. РЕДЬКИН

Пусть и корабли строят корабли!

К нам обратился заместитель редактора газеты «Южная правда» Г. Ежелов. Он пишет:

«Уважаемые товарищи! В языке николаевцев бытует слово *корабел* ‘строитель кораблей’. Оно упоминается в названии романа нашего земляка А. Сизоненко „Корабелы“, в стихах М. Лисянского и в других произведениях. Однако многие наши читатели возражают против этого слова, о чем свидетельствует копия письма С. К. Бондаревского. Просим дать консультацию по этому поводу».

Приводим письмо С. К. Бондаревского: «На вокзальной площади города помещены слова приветствия: „Вас вітає місто корабелів“. В газете „Трибуна рабочего“ на плакатах часто можно прочесть слова *корабел*, *корабелов*.

Слово *корабел* не существует ни в русском, ни в украинском языках, выдуманно давно студентами для шуточного названия своей специальности и подхвачено лет пять назад безграмотными людьми в Николаеве.

Обратимся к словарям (Словарь морских и речных терминов. М., 1956; Краткий морской словарь для юношества М. и Д. Сулержицких. М., 1965; Морской словарь. М., 1959). В них есть определение, что *корабль* — то же, что судно, но употребляется в отношении военных судов. Слово *корабел* в этих словарях отсутствует.

В „Толковом словаре живого великорусского языка“ В. И. Даля указано: *корабельный* — к кораблю относящийся; *корабельщик* — владелец судна; *корабельник* — служащий на корабле; *кораблестроитель* — корабельный мастер, инженер, умеющий строить морские суда. Слова *корабел* нет и в этом словаре.

Людей, строящих любые плавающие сооружения (суда), нужно называть *судостроителями* и не иначе. *Кораблестроителями* можно называть только строителей боевых военных судов (кораблей), имеющих военную команду и несущих военно-морской флаг.

Газете города судостроителей неудобно применять неправильные термины, поэтому прошу проверить изложенное мною... и исключить из дальнейшего употребления это режущее ухо безграмотное слово».

Отвечаем на вопрос Г. Ежелова.

Слово *корабел*, как справедливо замечает тов. С. К. Бондаревский, возникло в студенческой среде. Студенты между собой называли кораблестроительный институт или кораблестроительный факультет *корабелкой* (как *читалка* — читальный зал, *публичка* — городская публичная библиотека и т. п.), а тех, кто там учился, — *корабелами*: «Завтра пойдем на танцы к корабелам» (запись устной речи); «Игра закончилась со счетом 3:2 в пользу корабелов» (запись устной речи); «Корабелы, как все в институте называли ребят с кораблестроительного [факультета], собирались поесть» (В. Ильин. Жесткий контур).

Слово *корабел* в значении 'студент кораблестроительного института (отделения, факультета)' было жаргонизмом. Как же случилось, что оно вышло из узкой сферы употребления, наполнилось новым содержанием и стало довольно распространенным?

В русском литературном языке издавна живут два слова — *корабль* и *судно*. Как отмечает семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка», *корабль* это: 1) крупное морское судно; 2) большое парусное судно; 3) судно военного флота (берутся только значения, связанные с морским делом). Производные слова от *корабль*: устарелые — кораблестроительство, корабельщик 'владелец корабля', 'моряк', разговорное — корабельщик 'строитель кораблей', общеупотребительные — кораблестроитель, кораблестроение, кораблевождение, кораблекрушение, кораблестроительный, корабельный, кораблик и др.

Слово *судно* в этом же словаре определяется так: 'сооружение, приспособленное для плавания и перевозки людей и грузов по воде'. Производные от слова *судно*: судомеханик, судооборот, судостроительный, судоремонтный, судоверфь, судовладелец, судоводитель, судоводительский, судовождение, судовой, судомоделист, судомодель, судоподъем, судоремонт, судорабочий, судосборщик, судостроение, судостроитель, судоходность, судоходство, суденышко и др.

В научных статьях, докладах, рефератах, опубликованных в специальных сборниках и трудах, слова *судно* и *корабль* различаются: *судно*, как правило, 'сооружение, предназначенное для перевозки грузов, людей' и т. п. (танкеры, траулеры, рефрижераторы, ледоколы и др.); *корабль* 'военное судно, имеющее вооружение, предназначенное для ведения боевых действий на воде' и т. п. (линейный корабль, десантный корабль, противолодочный корабль, сторожевой корабль, подводная лодка, ракетопосец и т. п.); следовательно, *корабль* — это боевое судно всех классов.

Но в статьях информационного характера это различие слов не выдерживается, например: «Самое крупное судно мирового рыбопромышленного флота строится на Адмиралтейском заводе в Ленинграде „Восток“» («Судостроение», 1967, № 4); В обязательствах,

принятых судостроителями этого завода, записано: «Построить и сдать портовый ледокол „Георгий Седов“ в четвертом квартале 1967 года. Сейчас на стапеле все яснее вырисовывается корпус корабля, названного именем замечательного полярного исследователя» (там же).

Различие между словами *судно*, *корабль* и их производными часто стирается в разговорной речи, очерках, рассказах, повестях и т. п. Авторы употребляют слово *корабль*, хотя речь идет о гражданском судне. Город Николаев, где находится судостроительный завод, называют в прессе «городом кораблестроителей»: «Раннее туманное утро города кораблестроителей скрадывает расстояние, окутывает стапели, порталные краны» («Неделя», 18—24 декабря 1960).

В художественных произведениях терминологическая окраска слов *судно*, *корабль* и их производных часто намеренно стирается. Так, например, в романе В. Кочетова «Журбины» автор с особым стилистическим заданием употребляет слова *кораблестроитель* — *судостроитель*, *кораблестроение* — *судостроение* и т. д.

В наше время, когда со стапелей и судостроительных верфей сходят гигантские ледоколы, танкеры, рефрижераторы, пассажирские лайнеры и другие мирные суда большого тоннажа, к ним (если отойти от точной морской терминологии) больше подходит слово *корабль*. *Судно* и *суда* характеризуют «продукцию» мелкого судостроения: яхты, катера, моторные лодки и т. п.

Вот как описывает В. Кочетов современный корабль: «Он даже не дом, он город, плавающий город, с электростанциями, телефонами, радио, центральным отоплением, банями, библиотеками — со всем, что есть в большом, отлично благоустроенном индустриальном центре... Современный корабль — мерило технического уровня да, пожалуй, и всей культуры страны. В корабле, как в фокусе, в одну точку собираются достижения национальной техники. Нет такого уголка в государстве, где бы люди не работали для кораблей» (Журбины).

Рассказывая о труде людей, строящих такие гиганты, писатели и журналисты стремились возвысить этот труд и людей труда, употребив новые слова. Русскому языку известны термины *судостроитель*, *кораблестроитель*, но когда у писателей возникала необходимость подчеркнуть опыт, мастерство судостроителя, то нередко они прибегали к словосочетаниям *строитель кораблей*, *корабельный мастер*, *корабельных дел мастер*: « — Ты вот строитель кораблей, и такой строитель, что дай бог каждому из нас на тебя похожим быть...» (Журбины); «Корабельных дел мастера проводили свободные часы и воскресенья на рыбалках» (там же).

Эти слова и словосочетания в целом ряде случаев не «укладывались» в тот или иной речевой контекст, не всегда несли ту лексико-семантическую нагрузку, о которой думали авторы произведений.

И вот из глубин родного языка «добывается» слово *корабельщик*, но не в старом его значении 'владелец корабля, моряк' («Чем вы, гости, торг ведете и куда теперь плывете? Корабельщики в ответ:— Мы объехали весь свет...»). Пушкин. Сказка о царе Салтане; «В корабельщики пойду, в мореходы». Ю. Герман, Россия молодая), а в новом значении — 'кораблестроитель': «Перед мысленным взором директора один за другим возникали бывалые корабельщики: Басманов, Журбины — деды, сыновья и внуки» (Журбины).

В начале 60-х годов на страницах газет и журналов появляется слово *корабел*, но уже не в том значении, о котором говорилось выше — 'студент кораблестроительного института (отделения, факультета)', а в другом — 'рабочий судостроительной промышленности, специалист в области кораблестроения': «Как сообщила газета „Балтиец“, итальянские судостроители из города Генуи прислали своим ленинградским коллегам не совсем обычную посылку — в ней оказалось множество листов из альбомов, тетрадей, а то и просто куски картона. И на всех — рисунки, рисунки... Их авторы — юные художники, дети генуэзских корабелов» («Ленинградская правда», 13 февраля 1963); «Со дня закладки работы на строительстве танкера бригада судостроителей Вячеслава Лаврова. Комсомольцы В. Комолов, А. Цанков, В. Рожков не отставали от опытных корабелов» («Вечерний Ленинград», 29 мая 1965); «Это был вовсе не „простой“ рабочий, это был умелец, знатный корабел, „творец материального мира“» (И. Собчук. Опасные сечения); «Радиокомпозиция „Мы — корабелы“ расскажет о замечательных людях завода — ветеранах отечественного судостроения, о том, как готовятся они к 50-летию Советского государства» (РТ, 1967, № 13).

Ср. также: «В области прикладной математики в 90-х годах первых серьезных результатов добился выдающийся русский кораблестроитель, механик и астроном — А. Н. Крылов» (Очерки истории Ленинграда. Т. II, 1957); «На вечере воспоминаний о выдающемся ученом-корабеле, академике А. Н. Крылове... выступили академики В. А. Фок, В. И. Смирнов, писатель И. Л. Андроников...» («Ленинградская правда», 28 февраля 1963).

Слово *корабел* в значении 'рабочий судостроительной промышленности, специалист в области кораблестроения', получило довольно широкое распространение. Оно встречается на страницах газет («Правда», «Известия», «Советская Россия», «Неделя», «Смена» и др.), журналов («Огонек», «Знание — сила», «Наука и жизнь» и др.), звучит по радио.

«Безграмотное» ли это слово? *Корабел* — сокращение, каких в русском языке довольно много. Против скольких усеченных слов, или, как их в просторечии именовали, «обрубков», возмущались блюстители чистоты языка! В свое время сюда попали *зам*, *зав*, *пред*, *га*, *кино*, *метро* и др. (вместо: заместитель, заведующий, председатель, гектар, кинотеатр, метрополитен), но они вошли в

русский язык и живут в нем. Все зависит от стиля, то есть от «чувства сообразности и соразмерности» в употреблении подобных слов.

Требование С. К. Бондаревского называть людей, строящих любые плавающие сооружения (суда), судостроителями и не иначе, а кораблестроителями только создателей военных судов, следует выполнять в специальной литературе, в официально-деловой речи, когда действительно необходимо строго выдерживать морскую терминологию.

В художественной литературе, в статьях, очерках и т. п., наш взгляд, вполне допустимо и не будет считаться ошибкой или проявлением безграмотности, если людей, строящих суда и корабли, писатель назовет судостроителем, кораблестроителем, корабельщиком, строителем кораблей, корабельных дел мастером, корабелом и т. п., каждый раз вкладывая в слово свое особое значение, давая ему особую стилистическую нагрузку.

Корабел — сравнительно новое слово. Оно еще не помещено ни в одном из опубликованных в последние годы терминологических словарей и справочников, нет его и в филологических словарях. Это слово зарегистрировано лишь в картотеке словарного сектора Института русского языка АН СССР, сотрудники которого составляют словари, а значит, *корабел* не останется незамеченным. Оно войдет в «Словарь новых слов русского языка», который готовится сейчас к изданию.

П РА К Т И К У М П О С Т И Л И С Т И К Е

[*Ответы*]

1. В заключение занятия лектор продиктовал слушателям список рекомендуемой литературы (или рекомендательный список литературы).
 2. Благодаря заботам общественных организаций дети нашего двора в период зимних каникул не были предоставлены самим себе.
 3. Мы напомнили предприятию-заказчику о необходимости оплатить выполненную нами работу (или заплатить за выполненную нами работу).
 4. На проходящей спартакиаде народов СССР лидирует (или впереди идет) команда Украины.
 5. Во всех своих предложениях мы исходим из того, что товарищи уже ознакомились с существом дела.
-
-

**Указатель статей,
опубликованных в журнале
«Русская речь»
за 1967 год
(№ 1—6)**

Авилова Н. С. Варианты глаголов с заимствованной основой	5	Быков Р. (Ответ на анкету «Современное сценическое произношение»)	2
Абдуллаев А. А. Давно ли появились <i>-чане</i> ?	1	Валькова Д. П. Глобус	2
Андреев Б. Ф. (Ответ на анкету «Речь в кино и театре»)	3	В. Б. Лаврентьевская летопись	4
Арбатский Д. И. О колебаниях в употреблении форм <i>дверь — двери, дверца — дверцы</i>	6	Веселитский В. В. Характер	2
Арапова Н. С. Брожение	6	Веселитский В. В. Положительный. Лунный «кризис»	5
Балахонова Л. И. Расчетка, гребень, гребенка	6	Виноградов В. В. О словах <i>дружелюбие, дружелюбный</i>	6
Бельчиков Ю. А. Язык нерушимого братства	6	Винокур Г. О. Из бесед о культуре речи	3
Бельчиков Ю. А., Кохтев Н. Н. Русский язык на меридианах мира	1	Вицин Г. М. (Ответ на анкету «Речь в кино и театре»)	3
Боброва З. А. Школьные кружки культуры речи	6	Вишневская Г. П. (Ответ на анкету «Речь в пении»)	2
Бокарев Е. А. Стихийное и сознательное в языке	2	Воронцова В. Л. «Заключили договор...», «Вынесли приговор...»	3
Бондарко А. В. Некоторые случаи переносного употребления времен	5	Гасилов Г. В. Ликвидация безграмотности в Советской России	4
Борковский В. И. «Вопросы культуры речи»	1	Голанова Е. И. Новости терминологии (акон, гофрон, мэрон и др.)	1
Борковский В. И. С. П. Обнорский	5	Горбачевич К. С. Границы современного в толковых словарях	2
Брагина А. А. От загадки к заголовку	1	Горбачевич К. С. <i>Жду поезда или жду поезд? Жалованье, получка, зарплата</i>	5
Брагина А. А. Жуки-битлзы	3	Горбачевич К. С. По площадям и улицам Ленинграда	6
Брагина А. А. Фолькник против идола	5	Григорьев В. П. Поэт и норма	1
Будагов Р. А. О типологии речи	6	Григорьев В. П. Год поэзии 1966	3
Букчина Б. З. Г 6-18-43	1	Григорьев В. П., Исаев М. И. О культуре русской речи у нерусского населения СССР	6
Букчина Б. З. космонавты три или Космонавт-три?	2	Даниленко В. П. Как создаются термины?	2
Буторин Д. И. «Следать визит» и «Нанести визит»	3		
Бухарцева Л. Г. Традиции Маяковского и Мейерхольда в работе над словом	3		

- Даниленко В. П. Конференции по терминологии . . . 5
- Дерягин В. Я. Откуда дует ветер? 2
- Дмитриев Б. А. «Знак отчаяния» 2
- Добродомов И. Г. Слова-путешественники (магазины; казна, казначей) 1
- Добродомов И. Г. Еще раз о казначее, а также о трубочее 5
- Добродомов И. Г. Старинный русский календарь 3—6
- Долгопольский А. Б. В поисках далекого родства 6
- Еськова Н. А. Звуки и буквы 4
- Еськова Н. А. Из истории русской орфографии 5
- Иванов А. П. (Ответ на анкету «Речь в пении») 2
- Иванов С. А. Стихотворение Евгения Винокурова 2
- Изучение русской грамматики в СССР 5
- Ильинский И. В. (Ответ на анкету «Современное сценическое произношение») 1
- Калакуцкая Л. П. Всем ли безразлична Гекуба? 4
- Калакуцкая Л. П., Сталтмане В. Э. Польские и чешские фамилии по-русски 1
- Капитальный труд (о четырехтомнике А. А. Потехина) 6
- Капралова С. Г. О слове *даль* в поэме А. Твардовского «За далью — даль» 5
- Касаткин Л. Л. О русских диалектах 5
- Качалкин А. Н. Стилистические ошибки в сочинениях 4
- Козловский И. С. (Ответ на анкету «Речь в пении») 2
- Козлянинова И. П. (Ответ на анкету «Современное сценическое произношение») 1
- Костинский Ю. М. Язык рукописных объявлений 2
- Костинский Ю. М. Домик в Луганске 4
- Костомаров В. Г. Слова-сигналы 3
- Костомаров В. Г. Разговорные элементы в языке газеты 5
- Котков С. И. Ржи, овсы, хлеба 6
- Краткий словарь произношения и ударения 2—6
- Кристи Г. В. Культура слова в театре 4
- К читателю 1
- Левашов Е. А. «Заблудиться в трех соснах» 3
- Левин В. Д. В защиту «короля» 1
- Левин В. Д. Г. О. Винокур (1897—1947) 3
- Лемешев С. Я. (Ответ на анкету «Речь в пении») 2
- Логинова К. А. Названия новых наук 4
- Лопатин В. В. Зачем языковеды изучают историю языка? 5
- Л. С. Мтилон 2
- Люлько Н. П. Цвет в пейзажах К. Г. Паустовского 6
- Макарова Р. В. Стилистика и знаки препинания 3
- Мансурова Ц. Л. (Ответ на анкету «Современное сценическое произношение») 1
- Миськевич Г. И. «Сейсмика» 1
- Миськевич Г. И. Комсомолья, пионерия 4
- Михайловская Н. Г. Словесные курьезы или «Крокодил» смеется 1
- Моисеев А. И. О суффиксе *-чик* после *т* 4
- Мурзаев Э. М. Гора — лес 1
- Мусаев К. М. Русская графика у народов СССР 2
- Мысль и слово в Древней Руси 5
- Недугов Е. И. Дикторский текст в кино 6
- Никонов В. А. Речевые характеристики персонажей 3
- Никулин Ю. В. (Ответ на анкету «Речь в кино и театре») 3
- Одинцов В. В. Жесты и мимика в диалогах Пушкина 1
- Одинцов В. Пушкинская «девчонка» 3
- Ожегов С. И. *Советы, советский* 6
- Озеров Л. Лад и склад «Стихотворений в прозе» 4
- Олейниченко Г. В. (Ответ на анкету «Речь в пении») 2

«Орфография и русский язык»	2
Павловская Л. К. Сложносокращенные слова	6
Панфилов А. К. <i>Жаренный</i> или <i>жареный</i> ?	1
Папанов А. Д. (Ответ на анкету «Речь в кино и театре»)	3
Петров И. И. (Ответ на анкету «Речь в пении»)	2
Петровичева Г. И. О неуклюжих <i>-чанах</i> и словообразовательной норме	1
Петровичева Г. И. Живут ли «мамки» в поселке Мама?	6
Плотникова-Робинсон В. А. Развитие современного русского языка (обзор)	5
Плятт Р. Я. (Ответ на анкету «Речь в кино и театре»)	3
Подольская Н. В. Как рождается и живет географическое название?	2
Пожарова О. И. Новый словарь	2
Протченко И. Ф. О работе Орфографической комиссии	3
Протченко И. Ф. Новый орфографический словарь	5
Реформатский А. А. О речи в устах артиста	6
Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словоупотребление и норма	3
Рубцов Н. С. Секрет «заражения чувствами»	6
Русский язык в годы революции	3
Садовников В. И. Старые нормы произношения в пении	5
Сазонова И. К. Планы издания словарей	4
Сенкевич М. П. Стилистическая правка текста	6
«Сказки о русском слове»	1
Скворцов Л. И. Культура речи и лексическая идиосинкразия	1
Скворцов Л. И. <i>Багуд</i> или <i>багуд</i> ?	2
Скворцов Л. И. Можно ли «лететь самолетом»?	3
Скворцов Л. И. С. И. Ожегов	6

Скобцов И. М. (Ответ на анкету «Речь в пении»)	2
Смолина К. П. Балагур	3
«Советское языкознание за 50 лет»	2
Солганик Г. Я. Заметки о языке научно-технических журналов	5
Соснора В. Читая Державина	2
Сулержицкие М. и Д. Морская терминология и редакторская практика	2
Топорков В. О. (Ответ на анкету «Современное сценическое произношение»)	1
Троица П. Л. (Ответ на анкету «Речь в пении»)	2
Труды А. М. Селищева	4
Ульянов М. А. (Ответ на анкету «Современное сценическое произношение»)	1
Ухмылина Е. В. «Собирал человек слова...»	4
Филиппов В. С. «Руставелиана»	1
Филиппов В. С. Дирижер	2
Филин Ф. П. И. И. Мещанинов	2
Фрадкин Л. З. Персонажи Сухово-Кобылина	4
Ханпира Эр. Мнимые алогизмы	4
Ханпира Эр. Об одной иллюзии	6
Хатунцева Е. Б. «Дымовая завеса»	1
Чернышев В. И. О словаре В. И. Даля	4
Чернышев В. И. Язык и стиль стихотворений А. В. Кольцова	5
Шарашова М. К. Легенды о цветах	5
Шварцкопф Б. С. Внимание: кавычки!	4
Шварцкопф Б. С. «Сам идет, самое ведет»	6
Шейн В. Н. <i>Вдали</i> или <i>в дали</i> ?	6
Шовгенова Л. М. Азбуковники	5
Эфрос А. В. (Ответ на анкету «Современное сценическое произношение»)	1
Яковлев Ю. В. (Ответ на анкету «Современное сценическое произношение»)	1